К. КАУТСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ КАРЛА МАРКСА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1938

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

335
К30

К. КАУТСКИЙ

ИНВ НТ ПОВАНО
В 1960 році

1957

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ КАРЛА МАРКСА

ПЕРЕВЕРЕНО
1982 р.

22257/44

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Имя Каутского знакомо советскому читателю. Вступив в рабочее движение в 70-х годах прошлого века, Каутский вначале разделял взгляды, враждебные марксизму. Затем он познакомился с Марксом и Энгельсом и стал сторонником их учения, хотя весьма непоследовательным. Маркс и Энгельс резко бичевали ошибки Каутского, его склонность к филистерству.

После смерти Энгельса западноевропейские социал-демократические партии быстро пошли по пути перерождения. Из партий социальной революции они стали превращаться в партии «социальных реформ». Роковые грехи II Интернационала — отрыв теории от практики, забвение революционных задач пролетариата, «борьба» с оппортунизмом на словах при капитуляции перед ним на деле — нашли в Каутском, одном из вождей довоенного II Интернационала, свое воплощение. Эти пороки дали роковые плоды при первых же выстрелах мировой империалистической войны 1914—1918 гг. Как и другие вожди II Интернационала, Каутский предал дело социализма, притом в особенно опасной, прикрытой форме.

В годы войны Каутский окончательно порвал с марксизмом, стал простым лакеем буржуазии. После победы Великой Октябрьской социалистической революции Каутский выступил ее оголтелым противником. Его антисоветские писания подхватывались самыми контрреволюционными кругами мировой буржуазии. Он умер недавно, забытый и презираемый международным пролетариатом и всем прогрессивным человечеством, которое видит в СССР

форпост нового мира, несокрушимый оплот демократии и социализма против мутных волн фашистского варварства.

В первый период своей деятельности Каутский сделал немало для пропаганды марксизма, для распространения его идей вширь. Его популярные работы сыграли значительную роль в распространении основ марксистского учения. Они выходили многочисленными изданиями на различных языках, изучались в пропагандистских кружках. Для многих пролетарских революционеров в ряде стран, в том числе и в России, произведения Каутского служили первоначальным введением в круг идей марксизма. Именно о работах этого периода Ленин позднее писал: «Мы знаем из многих работ Каутского, что он умел быть марксистским историком, что такие работы его останутся прочным достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее ренегатство». (Ленин, XXIII, 365.)

К числу такого рода произведений относится «Экономическое учение Карла Маркса» — едва ли не самое известное из всего, что вышло из-под пера Каутского. Написанная в 1886 г., эта книга была, по свидетельству Каутского, просмотрена Энгельсом в рукописи. Особенность этой работы в том, что автор дает здесь популярное изложение «Капитала» Маркса (главным образом в пределах первого тома), близко придерживаясь подлинника. Он широко цитирует Маркса. Но и там, где он передает содержание «Капитала», не прибегая к цитатам, он старается воспроизводить марксов ход мысли, используя его аргументацию и даже художественные образы, оживляющие текст. В этом основное достоинство книги.

Каутский ограничивает свое изложение почти исключительно рамками капиталистического строя. Он не использует замечательных указаний Маркса, дающих ключ к пониманию всех докапиталистических общественно-экономических формаций. Но, воспроизводя марксов анализ капиталистического способа производства, Каутский довольно подробно освещает исторические условия развития капитализма.

Живой, творческий марксизм, способный к развитию в условиях меняющейся исторической обстановки, остался для Каутского книгой за семью печатями. Несмотря на то, что книга Каутского переиздавалась много раз в довоенные и послевоенные годы, автор не дает ни намека на анализ

новой фазы в развитии капитализма — империализма, окончательно сложившегося на рубеже XIX и XX вв. Известно, что первым, кто дал марксистский анализ империализма, был Ленин. «...После смерти Энгельса величайший теоретик Ленин, а после Ленина — Сталин и другие ученики Ленина — были единственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию и обогатили ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата». (История ВКП(б), Краткий курс, стр. 342.) Объяснение империалистической стадии в развитии капитализма, как кануна социалистической революции пролетариата, гениальное развитие марксистского учения о социализме на основе богатейшего опыта социалистического строительства в СССР читатель найдет в бессмертных трудах Ленина и Сталина, поднимающих марксизм на новую, высшую ступень.

Следует также заметить, что в «Экономическом учении Карла Маркса» крайне бледно изложен ряд важнейших глав и разделов «Капитала». В первую очередь это относится к страницам о первоначальном накоплении, об обнищании рабочего класса, об исторической тенденции капиталистического накопления. Эти яркие, волнующие страницы «Капитала» отображены Каутским весьма неполно и поверхностно. Таким образом, книга Каутского не дает полного представления о всем богатом содержании марксова экономического учения, которое является наиболее глубоким и всесторонним обоснованием социалистической революции, диктатуры рабочего класса. Произвольной и неудачной является разбивка всей книги на три отдела.

Таковы общие недостатки книги Каутского. Наиболее существенные из частных ошибок и неточностей отмечены в редакционных примечаниях. Издательство считает, что, несмотря на эти недостатки, книга Каутского принесет несомненную пользу при изучении основ марксистской теории. Прочтя эту книгу, читатель легче сможет приступить к изучению «Капитала», гениального труда Маркса, в котором содержится все основное, что дал марксизм до Ленина и Сталина.

Настоящее издание представляет собой перевод с первого немецкого издания. Из последующих изданий воспроизведены лишь те дополнения, которые обогащают текст существенными теоретическими положениями или фактическими данными. Перевод заново просмотрен и сличен с подлин-

ником. Цитаты из «Капитала» даны по русскому изданию 1935 г. Цитаты из других работ Маркса («Нищета философии», «Наемный труд и капитал», «К критике политической экономии») и Энгельса («Анти-Дюринг») даны по последним русским изданиям. Примечания от редакции настоящего издания подписаны — Ред.

Книга подготовлена к печати А. Леонтьевым.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ КАРЛА МАРКСА

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ТОВАР, ДЕНЬГИ, КАПИТАЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТОВАР

1. Характерное отличие товарного производства

В своем труде «Капитал» Маркс исследует капиталистический способ производства, господствующий в настоящее время. Он не занимается при этом законами природы, лежащими в основе процесса производства; их исследование представляет собою одну из задач механики, химии и т. д., а не политической экономии. Не ставит он себе также задачей исследование только тех форм производства, которые общи всем народам. Подобное исследование может привести большею частью лишь к общим местам, вроде того, что для производства человеку всегда необходимы орудия, земля и средства существования. Наоборот, Маркс исследует законы движения определенной формы общественного производства, свойственной определенной эпохе (последним векам) и определенным народам (европейским или вышедшим из Европы; за последнее время этот способ производства начинает приобретать права гражданства и у других народов, например, у японцев и индусов).

Этот господствующий ныне способ производства — капиталистический [1]. Его особенности мы изучим ближе впоследствии. Он резко отличается от других способов производства, например, от феодального, господствовавшего в Европе в средние века, или от первобытно-коммунистического, общего всем народам на пороге их развития.

---

[1] Написано в 1886 г. В настоящее время капиталистический способ производства уже не является безраздельно господствующим: на одной шестой части земного шара, в СССР, господствует социалистическая система хозяйства. С другой стороны, во многих внеевропейских странах капитализм уже не «начинает приобретать права гражданства», а весьма развит (в особенности в Японии, где огромная тяжесть капиталистической эксплоатации присоединяется к многочисленным остаткам феодального гнета).— Ред.

Рассматривая современное общество, мы находим, что его богатство состоит из товаров. Товар есть продукт труда, произведенный не для собственного потребления производителя или связанных с ним лиц, а с целью обмена его на другие продукты. Следовательно, не природные, а общественные особенности продукта делают его товаром.

Поясним это примером. Пряжа, которую прядет из льна девушка в патриархальной крестьянской семье, чтобы соткать затем холст, потребляемый самой же семьей, есть предмет потребления, а не товар. Но когда прядильщик прядет лен, чтобы обменять у соседнего крестьянина пряжу на пшеницу, или когда фабрикант заставляет рабочих изо дня в день прясть много центнеров льна, чтобы продавать потом получаемый продукт,— то этот продукт является уже товаром. Конечно, он является вместе с тем и предметом потребления, но таким предметом потребления, которому предстоит играть особенную общественную роль: он должен быть обменен.

По внешнему виду льняной пряжи нельзя узнать, является ли она товаром или нет. Природа ее может быть совершенно одинаковой, приготовлена ли она крестьянской девушкой для своего приданого, или же фабричной работницей, которая, вероятно, никогда не воспользуется из нее ни одной ниткой. Только по общественной роли пряжи, по общественной функции, выполняемой ею, можно узнать, является ли она товаром или нет.

В капиталистическом обществе продукты труда все в большей и большей мере принимают форму товаров. Если в настоящее время еще не все продукты труда являются у нас товарами, то лишь потому, что рядом с современным способом производства существуют различные остатки прежних способов производства. Если отвлечься от этих остатков, то можно сказать, что в настоящее время все продукты труда принимают форму товаров. Чтобы понять современный способ производства, необходимо уяснить себе сущность товара. Мы должны поэтому начать с исследования товара.

Понимание этого исследования будет, по нашему мнению, очень облегчено, если мы прежде всего изложим характерные особенности товарного производства, отличающие его от других способов производства. Таким путем мы легче всего поймем ту позицию, с которой Маркс исследовал товар.

Как бы далеко мы ни заглянули в прошлое человеческого рода, мы всегда находим, что люди для добывания средств к жизни всегда объединялись в общества больших или меньших размеров, что производство всегда носило общественный характер. Это было разъяснено Марксом уже в его статьях «Наемный труд и капитал», помещенных в «Новой рейнской газете» в 1849 г. и изданных затем отдельной брошюрой.

«В производстве люди воздействуют не только на природу, но также и друг на друга. Они производят, лишь определенным образом действуя совместно и обмениваясь между собой своей

деятельностью. Чтобы производить, они вступают в определенные связи и отношения друг к другу, и только в рамках этих общественных связей и отношений имеет место их воздействие на природу, имеет место производство.

В зависимости от того или иного характера средств производства изменяются, конечно, и эти общественные отношения, в которые производители вступают друг к другу, изменяются условия, при которых они обмениваются своей деятельностью и участвуют в совокупном производстве. С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, изменились те отношения, внутри которых отдельные личности образуют армию и могут действовать как армия, изменились также отношения различных армий друг к другу.

Следовательно, общественные отношения, при которых индивиды производят, общественные производственные отношения, изменяются, преобразуются с изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил. Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером». (Маркс, «Наемный труд и капитал», 28—29.)

Иллюстрируем сказанное несколькими примерами. Возьмем какой-нибудь первобытный народ, который стоит на низшей ступени производства и для которого охота составляет главный способ добывания пищи, например, индейцев. Додж в своей книге «О современных индейцах Дальнего Запада» сообщает следующее об их способе охоты:

«Так как к голове и сердцу обращаются за помощью лишь изредка, а требования желудка дают о себе знать беспрестанно, то племя находится обыкновенно под господством «третьего сословия». Это сословие составляют все охотники племени, образующие род цеха или гильдии, и их решения в области их специальности безапелляционны.

У племени шейенов люди эти называются «воины-собаки». Более молодые и деятельные вожди всегда принадлежат к этим «воинам-собакам», но последние не беспрекословно подчиняются им. «Воины» сами обсуждают и решают общие дела, а выполнение решений возлагается на наиболее прославленных и способных охотников, избираемых ими из своей же среды. Среди этих «воинов-собак» находится и многочисленная молодежь, еще не выдержавшая испытания, необходимого для посвящения в воины. Одним словом, этот цех охотников охватывает всю рабочую силу племени и является той силой, которая защищает женщин и детей и снабжает их пищей.

Каждый год осенью устраиваются большие охоты, чтобы добыть возможно больше дичи и [illegible]товить на зиму з[illegible]тельный

запас мяса. Тут «воины-собаки» являются героями дня, и горе несчастному, который осмелится ослушаться или пренебречь хотя бы самым незначительным из их распоряжений, демократических или своевольных. Когда все готово, лучшие охотники отправляются в путь рано утром, задолго до рассвета. Если они откроют несколько стад буйволов, то для первого нападения избирается стадо, положение которого таково, что предварительные приготовления и маневры для окружения, крики и выстрелы при нападении не вспугнут остальные стада.

В это время мужчины, способные принять участие в предстоящей охоте, собираются верхом, молча и дрожа от волнения, где-нибудь в соседней лощине, расположенной вне поля зрения буйволов. Когда стадо оказывается в удобном для охоты положении, руководители охоты отбирают соответствующее число людей и посылают их на заранее намеченные места. Когда затем руководитель видит, что каждый занял надлежащее место и все уже готово, он с отрядом всадников стремится окружить стадо и отрезать его от открытого места. Затем он подает сигнал, и вся ватага со страшным криком, который, кажется, даже мертвого мог бы поднять из гроба, бросается вперед на животных. В продолжение нескольких минут бойня в полном ходу; немногим буйволам удается прорвать цепь и ускользнуть, но их не преследуют, если вблизи находятся другие стада.

В те времена, когда индейцы употребляли только лук и стрелы, каждый воин знал свои стрелы и мог без труда узнать убитых им буйволов. Они составляли его личную и полную собственность, за исключением известной доли, которая шла в пользу вдов и семейств, не имеющих воина-кормильца. Если в убитом буйволе оказывались стрелы нескольких охотников, то вопрос о принадлежности добычи решался в зависимости от положения стрел. Если каждая из стрел причинила смертельную рану, то буйвола делили на части или нередко присуждали какой-нибудь вдове. Все подобные вопросы разрешались руководителем охоты, причем его решения можно было обжаловать перед общим собранием «воинов-собак».

С тех же пор, как огнестрельное оружие вошло во всеобщее употребление и в силу этого стало невозможно узнать, кем именно убит тот или другой буйвол, индейцы стали более коммунистичны[1] в своих воззрениях, и все количество добытого мяса и шкур подвергается теперь относительно равному разделу, на основании того или иного мерила собственного изобретения».

Мы видим, что у этого охотничьего племени производство является общественным; различного рода работы исполняются совместно с целью достижения общего результата.

---

[1] Правильнее было бы, пожалуй, сказать: они вернулись к коммунистическим взглядам. Первоначально быт индейцев был коммунистическим, следовательно, и распределение охотничьей добычи производилось на коммунистических началах.

Здесь мы уже находим зачатки разделения труда и планомерного сотрудничества (кооперации)[1].

Сообразно своим способностям охотники выполняют различные работы. Но все совершается по общему плану. Охотничья добыча является результатом совместного исполнения различных работ — «обмена деятельностей», как выражается Маркс в «Наемном труде и капитале». Эта добыча не обменивается, а делится.

Отметим здесь лишь мимоходом, как изменение в средствах производства — замена лука и стрел огнестрельным оружием — влечет за собой также изменение в способе распределения.

Рассмотрим теперь другой, более высокий вид общественного производства, напр., основанную на земледелии индийскую сельскую общину. От первобытного коммунизма, господствовавшего в ней когда-то, теперь в Индии сохранились лишь жалкие остатки. Но Неарх, начальник флота Александра Македонского, сообщал еще, по словам Страбона, о местностях в Индии, где земля была общей собственностью, сообща обрабатывалась, и по окончании уборки урожай делился между членами общины.

По Эльфинстону, такие общины существовали в некоторых частях Индии еще в начале XIX столетия. На Яве сельская община продолжает еще существовать в определенной форме: время от времени вся пахотная земля подвергается переделу между жителями села. Они получают свои участки не в частную собственность, а лишь в пользование на известный срок. В Индии пахотная земля большей частью уже перешла в частную собственность отдельных крестьян. Леса же, луга и пустоши составляют еще зачастую общую собственность, право пользования которой имеют все члены данной общины.

В подобной деревенской общине, еще не подпавшей под разлагающее влияние английского господства (в особенности, введенной англичанами податной системы), нас интересует та форма, которую принимает в ней разделение труда. Мы уже видели разделение труда у индейцев; индусская же сельская община представляет гораздо более высокую ступень разделения труда.

Помимо общинной администрации, которая называется патил, если она состоит из одного лица, или панч, если она образует коллегию, по большей части из пяти лиц, мы находим в индусской хозяйственной общине еще ряд должностных лиц: карнама или матсадди — счетовода, который ведает финансовыми отношениями общины как к отдельным ее членам, так и к другим общинам и государству; таллира для расследования преступлений и правонарушений, на котором лежит также обязанность

[1] «Та форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно участвуют в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собою процессах труда, называется кооперацией». («Капитал», I, 243.) Немного далее Маркс в одном примечании говорит: «Linguet в своей «Théorie des Lois civiles», быть может, не без основания называет охоту первой формой кооперации, а охоту на людей (войну) — первой формой охоты». («Капитал», I, 250.)

охранять путников, проезжающих через владения общины; тоти — охранителя пашни и землемера, который должен наблюдать за тем, чтобы соседние общины не нарушали межей, что легко может случиться особенно при возделывании риса; смотрителя над шлюзами, который должен содержать их в надлежащем порядке и заботиться о том, чтобы они своевременно открывались и закрывались, снабжая каждое поле достаточным количеством воды, что особенно важно для рисовых полей; брамина для исполнения религиозных обрядов; школьного учителя, обучающего детей грамоте; брамина — звездочета или астролога, который указывает счастливые и несчастные дни для посева, жатвы, молотьбы и других важных работ; кузнеца, плотника и колесника, гончара, цирюльника, пастуха, врача, танцовщицу, а иногда даже и певца.

Все эти лица работают на всю общину и вознаграждаются за это или частью общего поля, или же частью урожая. И здесь, при таком высоко развитом разделении труда, мы видим совместный труд и распределение продуктов.

Возьмем еще один пример, известный каждому: патриархальную крестьянскую семью, которая сама удовлетворяет все свои потребности. Эта общественная форма развилась из способа производства, только что описанного нами на примере индусской хозяйственной общины и существовавшего на первых ступенях развития всех более или менее известных культурных народов.

В такой крестьянской семье мы также находим не изолированных производителей, а совместный труд и совместное выполнение различных видов труда, изменяющихся сообразно с возрастом, полом и временами года. Тут пашут, косят, пасут скот, доят, рубят дрова, вяжут, прядут, ткут, шьют, плотничают и т. д. Самые различные виды труда здесь прилагаются совместно, в общей связи друг с другом; здесь, как и в предыдущих примерах, продукты не обмениваются между отдельными работниками, а распределяются между ними сообразно с обстоятельствами.

Предположим теперь[1], что средства производства какой-нибудь земледельческой общины, вроде изображенной нами, настолько усовершенствовались, что на возделывание земли можно затрачивать уже меньше труда, чем прежде. Освобождающиеся рабочие силы могут быть, если техника достигла достаточного развития, обращены, напр., на разработку залежей кремня, оказавшегося где-нибудь на общинной земле, на выделку из него инструментов и оружия. Положим, что производительность труда тут настолько велика, что инструментов и оружия изготовляется гораздо больше, чем нужно общине.

Какое-нибудь пастушеское племя приходит во время своих кочевок в соприкосновение с этой общиной. Производительность

[1] Ряд фактов показывает, что первоначальное развитие товарного производства происходило в действительности таким путем, как это изображено в следующих строках. Понятно, это произошло не так просто, как здесь описано, но наше изложение имеет своей целью представить не историю товарного производства, а его отличительные особенности, которые легче всего познаются путем сравнения его с другими способами производства.

труда у этого племени также возросла, и оно разводит больше скота, чем ему нужно. Понятно, что это племя охотно станет выменивать свой излишек скота на излишек инструментов и оружия земледельческой общины. Излишек скота и излишек инструментов становятся вследствие этого обмена товарами.

Обмен товаров является естественным следствием развития производительных сил за пределы ограниченных потребностей первобытных общин. На известной ступени развития техники первобытный коммунизм становится препятствием для ее дальнейшего движения вперед. Способ производства требует расширения круга общественного труда. Но так как отдельные общины были независимы и чужды друг другу, то это расширение не могло совершиться посредством расширения коммунистического планомерного труда. Оно происходило только путем взаимного обмена излишков труда между отдельными общинами.

Мы не станем здесь исследовать, как обмен товаров в свою очередь воздействовал на способ производства внутри общин, пока наконец производство товаров не превратилось в производство независимых друг от друга частных производителей, владеющих средствами производства и продуктами своего труда на правах частной собственности. Здесь мы хотим лишь установить следующее: товарное производство есть общественная форма производства, оно немыслимо вне общественной связи, оно означает даже расширение общественного производства за пределы предшествовавшего ему коммунистического (в племени, общине или в патриархальной семье). Но общественный его характер теперь не выступает открыто наружу.

Представим себе гончара и земледельца сначала в качестве членов индийской коммунистической сельской общины, а затем в качестве двух товаропроизводителей. В первом случае оба они одинаково работают на общину. Один доставляет ей горшки, другой — земледельческие продукты. Первый получает при этом свою долю земледельческих продуктов, второй — горшков. Во втором случае каждый из них выполняет свою частную работу независимо от другого, но каждый работает (может быть, в той же мере, как и прежде) не только на себя, но и на других. Затем они обменивают свои продукты. Очень возможно, что один получит при этом столько же земледельческих продуктов, другой — столько же горшков, как и прежде. Как будто не произошло никакой существенной перемены, а на самом деле эти два процесса коренным образом отличаются друг от друга.

В первом случае каждый сразу видит, что силой, которая устанавливает взаимную связь между различными видами труда, которая заставляет работать одного на другого и дает каждому соответствующую часть продуктов труда другого, — что этой силой является общество. Во втором случае каждый как будто работает лишь на себя, и способ, посредством которого один производитель приходит к обладанию продуктом другого, кажется вытекающим не из общественного характера их труда, а из особенности самого продукта. Кажется, будто

не гончар и земледелец работают один для другого, вследствие чего труд каждого из них является необходимым для общества, а будто горшкам и земледельческим продуктам присущи какие-то мистические свойства, которые и обусловливают их обмен в известных количественных соотношениях. При господстве товарного производства отношения лиц между собою, обусловливаемые общественным характером труда, принимают вид отношений вещей, а именно—продуктов производства.

Пока производство было непосредственно общественным, оно подчинялось руководству и управлению общества, и взаимные отношения производителей были совершенно ясны. Но лишь только различные виды труда превратились в частные виды труда, существующие независимо один от другого, лишь только производство стало вследствие этого беспланово́м, как и взаимные отношения производителей приняли вид отношений продуктов. С тех пор отношения между производителями перестали определяться самими производителями. Эти отношения стали развиваться независимо от воли людей. Общественные силы переросли людей и стали представляться наивному воззрению прошедших веков какими-то божественными силами, а позднейшим, более «просвещенным», векам — силами природы.

Естественным формам товаров приписываются теперь свойства, которые кажутся таинственными, покуда им не найдено объяснения во взаимных отношениях их производителей. Как идолопоклонник приписывает своему фетишу такие свойства, которые вовсе не заключены в действительной природе последнего, так и буржуазному экономисту товар представляется чувственной вещью, одаренной сверхчувственными свойствами. Маркс называет это «фетишизмом, который присущ продуктам труда, раз только они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от всякого товарного производства». («Капитал», I, 32.)

Этот фетишистский характер товара,— и равным образом, как мы увидим ниже, и капитала,— был впервые открыт Марксом. Фетишизм затрудняет понимание отличительных свойств товара и даже делает невозможным это понимание, пока он не преодолен. Нельзя полностью понять стоимость товара, не отдавши себе отчета в фетишистском характере товара. Параграф «Товарный фетишизм и его тайна» представляется нам, вследствие этого, одной из важнейших частей «Капитала», которой каждый читатель этой книги должен посвятить особенное внимание. А между тем, как раз на эти страницы не обращают почти никакого внимания противники, а зачастую даже и приверженцы учения Маркса.

2. Стоимость

Раз мы выяснили себе фетишистский характер товаров, изучение самого товара представит уже сравнительно мало трудностей.

Назначение товара, как мы видели, состоит в том, чтобы быть обмененным. Но это возможно лишь в том случае, если он удов-

летворяет какой-нибудь — безразлично, действительной или мнимой — человеческой потребности. Никто не обменяет своего продукта на другой, если этот последний для него бесполезен. Таким образом, товар должен прежде всего быть полезным предметом, должен обладать потребительной стоимостью.

Потребительная стоимость определяется физическими свойствами товарного тела. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. Потребительная стоимость не есть, стало быть, свойство, присущее только товарам. Есть потребительные стоимости, которые не являются товарами, например, как мы видели выше, продукты коммунистической общины; есть и такие потребительные стоимости, которые даже не являются продуктами труда, например, плоды в первобытном лесу или вода в реке. Наоборот, нет товара, который не обладал бы потребительной стоимостью.

Когда потребительные стоимости становятся товарами, т. е. начинают обмениваться друг на друга, обмен этот всегда происходит в известном количественном соотношении. Отношение, в котором один товар обменивается на другой, называется его меновой стоимостью.

Это отношение может изменяться в зависимости от времени и места, но для данного времени и данного места оно является величиной определенной. Если мы обмениваем 20 аршин холста на 1 сюртук и одновременно 20 аршин холста на 40 фунтов кофе, то мы можем быть уверены, что и 1 сюртук, если понадобится, будет обменен на 40 фунтов кофе. Меновая стоимость сюртука имеет совершенно иной вид при обмене его на холст, чем при его обмене на кофе. Но как бы различно ни выглядела меновая стоимость товара, в основе ее, в данное время и данном месте, всегда лежит одинаковое содержание.

Поясним это общественное явление подобным ему явлением из мира физического. Когда я говорю, что какое-нибудь тело весит 16 килограммов, или 40 фунтов, или один пуд, то я знаю, что в основе этих различных выражений лежит определенное содержание, определенная тяжесть тела. Точно так же и в основе различных выражений меновой стоимости товара лежит определенное содержание, которое мы называем стоимостью.

Тут мы подошли к важнейшей и основной категории политической экономии — категории, без понимания которой не может быть правильно понят и весь механизм господствующего способа производства.

Что образует стоимость товаров? — вот вопрос, на который мы должны дать ответ.

Возьмем два товара, например, пшеницу и железо. Каково бы ни было отношение, в котором они обмениваются, его всегда можно представить в виде математического равенства, например: 1 гектолитр пшеницы = 2 центнерам железа. Между тем каждый школьник знает, что математические действия можно производить

только над однородными величинами: напр., от 10 яблок можно отнять 2 яблока, но не 2 ореха. Поэтому в железе и пшенице, как товарах, должно быть нечто общее, делающее сравнение их возможным: это и есть их стоимость.

Является ли это общее естественным свойством товаров? Как потребительные стоимости они обмениваются лишь потому, что обладают различными, а не общими естественными свойствами. Эти свойства являются побудительной причиной обмена, но они не могут определять отношение, в котором этот обмен совершается.

Если же оставить в стороне потребительную стоимость товаров, то у них останется лишь одно свойство — то, что они — продукты труда.

Но отвлекаясь от потребительной стоимости продуктов, мы отвлекаемся и от различных определенных видов труда, создавшего их; они тогда уже не продукты труда столяра, прядильщика и т. д., а только продукты человеческого труда вообще. И как таковые они — стоимости.

Значит, товар обладает стоимостью только потому, что в нем овеществлен человеческий труд вообще. Как же измерить величину его стоимости? Количеством содержащегося в нем созидателя стоимости — труда. Количество же труда в свою очередь имеет своей мерой время.

Могло бы показаться, что если потраченное на изготовление товара время определяет его стоимость, то он тем дороже, чем более ленив и менее искусен его производитель. Но тут дело не в индивидуальном, а в общественном труде.

Вспомним, что товарное производство представляет систему различных видов труда, которые затрачиваются хотя и независимо друг от друга, но в известной общественной связи.

«Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, принимается здесь за одну и ту же человеческую рабочую силу, хотя она и состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Любая из этих индивидуальных рабочих сил представляет, подобно всякой другой, одну и ту же человеческую рабочую силу, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда». («Капитал», I, 4.)

Если производительность труда изменяется, то изменяется и общественно необходимое рабочее время, изменяется и стоимость.

Разумеется, всегда, при всех способах производства, время, необходимое для изготовления какого-либо продукта, должно

было интересовать человека. Оно всегда, даже при коммунистическом способе производства, влияет на количественное соотношение различных видов труда друг к другу.

Возьмем опять в качестве примера индусскую сельскую общину. Положим, что производством нужных ей земледельческих орудий занимаются два кузнеца. Допустим, что какое-нибудь изобретение настолько увеличило производительность труда, что теперь для изготовления того же числа орудий достаточно одного кузнеца. Тогда эту работу поручат не двум кузнецам, а только одному. Другому же, быть может, поручат изготовление оружия или украшений.

Допустим, далее, что производительность земледельческого труда не изменилась. Это значит, что на удовлетворение потребностей сельской общины в земледельческих продуктах необходимо такое же количество рабочего времени, как и прежде.

При таких условиях каждый член общины будет получать ту же долю земледельческих продуктов, что и прежде. Но все-таки есть разница: производительность кузнечной работы удвоилась, и за изготовление земледельческих орудий община дает теперь лишь одну долю земледельческих продуктов, а не две.

Изменение в соотношении различных видов труда здесь очень просто и совершенно ясно. Но оно становится мистическим, когда кузнечный труд и земледельческий труд не находятся в непосредственной связи, а вступают в связь только через посредство своих продуктов. Тогда изменение производительности кузнечного труда обнаруживается в виде изменения менового отношения продукта этого труда к другим продуктам, в виде изменения его стоимости.

Уже Рикардо показал, что величина стоимости товара определяется количеством потраченного на его изготовление труда. Но он не разглядел скрытого в стоимостной форме товара общественного характера труда, т. е. товарного фетишизма. Далее, он не сумел ясно и сознательно отделить ту сторону труда, которая является созидателем стоимости товара, от той стороны, которая создает потребительную стоимость.

Товарный фетишизм мы уже выяснили. Последуем теперь за Марксом в его исследовании двойственного характера труда, заключающегося в товарах.

Товар выступает перед нами как потребительная стоимость и как стоимость. Вещество его дается природой. Его стоимость, а также и потребительная стоимость создаются трудом. Каким образом труд создает стоимость и каким образом — потребительную стоимость?

С одной стороны, труд выступает как производительная затрата человеческой рабочей силы вообще; с другой стороны — как определенная человеческая деятельность для достижения известной цели. Первая сторона труда составляет общий элемент всякой производительной деятельности человека. Вторая сторона различна для различных видов производительной деятельности. Возьмем земледельческий труд и труд кузнеца. Между ними — то общее, что оба они являются тратой человеческой рабочей

силы вообще. Но они отличаются друг от друга своей целью, своими приемами, своим предметом, своими средствами, своим результатом.

Определенная, направленная к известной цели человеческая деятельность создает потребительную стоимость. Ее различный характер образует основу товарного производства. Товары лишь тогда обмениваются друг на друга, если они качественно различны. Никто не станет менять пшеницу на пшеницу или косу на косу, но вполне возможен обмен пшеницы на косу. Потребительные стоимости только тогда могут противостоять друг другу в качестве товаров, если в них заключены качественно различные полезные виды труда.

Как стоимости же товары отличаются друг от друга не качественно, а количественно. Они обмениваются, потому что они различны как потребительные стоимости. Но при обмене они сравниваются и ставятся в известное соотношение друг к другу, так как они равны как стоимости. Не труд, как определенная, направленная к известной цели, качественно различающаяся деятельность, создает стоимость, а лишь труд, как деятельность, обладающая во всех своих отраслях одинаковым характером, как затрата человеческой рабочей силы вообще. Как такие затраты рабочей силы, разные виды труда, подобно самим стоимостям, различаются не качественно, а лишь количественно.

Это значит, что в отношении образования стоимости всякий труд рассматривается как простой средний труд, как затрата простой рабочей силы, которой обладает каждый средний человеческий организм. При этом сложный труд считается умноженным простым трудом. Небольшое количество сложного труда приравнивается большому количеству простого.

Соответственно всему характеру товарного производства процесс, устанавливающий отношения между различными видами труда, сводящий их всех к простому труду, есть процесс общественный, но вместе с тем бессознательный. Человеку же, находящемуся во власти фетишистских представлений товарного мира, причины, сводящие сложный труд к умноженному труду, кажутся не общественными, а естественными.

Ряд мелкобуржуазных социалистов, желавших «конституировать» стоимость, т. е. установить ее раз навсегда, чтобы «очистить товарное производство от его дурных сторон» и сделать его вечным, пытались установить эти мнимые естественные причины и определить относительно каждого вида труда, в каком размере он создает стоимость (ср. нормальный рабочий день Родбертуса). В действительности же это — причины общественные, и притом непрерывно изменяющиеся.

Мало найдется областей, в которых было бы высказано столько ошибочных мнений, как по вопросу о стоимости. Некоторые из них разъяснены еще Марксом.

Особенно часто встречается как у последователей, так и у противников теории Маркса одна ошибка — смешение стоимо-

сти с богатством. Часто Марксу приписывается выражение: «Труд есть источник всякого богатства».

Кто следил до сих пор за нашими рассуждениями, легко поймет, что это положение прямо противоречит основным воззрениям Маркса. Такое мнение может высказать лишь человек, находящийся в плену у товарного фетишизма. Стоимость есть историческая категория, действительная лишь для эпохи товарного производства. Она представляет собою общественное отношение. Богатство же есть нечто вещественное, оно состоит из потребительных стоимостей. Богатство производится при всяких способах производства. Существуют богатства, доставляемые природой и не содержащие в себе никакого труда; но нет богатства, которое было бы создано одним только человеческим трудом. «Труд, — говорит Маркс, — не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, материального богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Вильям Петти, земля — его мать». («Капитал», I, 8.)

С ростом производительности труда растет, при прочих равных условиях, вещественное богатство страны; оно уменьшается с падением производительности труда. В то же время сумма имеющихся налицо стоимостей может остаться той же, если общее количество затраченного труда остается неизменным. Хороший урожай увеличивает богатство страны; но сумма стоимостей товаров, представляемая этим урожаем, может быть такою же, как и в предыдущем году, если количество затраченного общественно-необходимого труда не изменилось.

Если Маркс не говорил, что труд есть источник всякого богатства, если это положение покоится на смешении потребительной и меновой стоимости, то отпадают все сделанные отсюда по отношению к Марксу выводы. Точно так же очевидно теперь, как неосновательны делаемые Марксу его противниками упреки, будто он проглядел роль природы в производстве. Сами же эти противники действительно кое-что проглядели, а именно — различие между товарным телом и общественным отношением, которое оно представляет.

«До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или вещественная видимость общественных определений труда, смущает некоторых экономистов, показывает, между прочим, скучный и бестолковый спор их относительно роли природы в процессе созидания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, потраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, напр., в вексельном курсе». («Капитал», I, 40.)

Таким образом, Маркс отнюдь не «проглядел» роли природы в производстве потребительных стоимостей. Если он не приписал ей роли в создании стоимости, то не по забывчивости, а вследствие глубокого проникновения в общественный характер товарного производства, проникновения, которого все еще нехватает экономистам, выводящим общественные законы из внеобщественного состояния изолированного человека.

Другая довольно распространенная ошибка относительно теории стоимости Маркса состоит в смешении способности труда создавать стоимость со стоимостью рабочей силы. Между тем, эти две вещи надо строго различать одну от другой. Труд как источник стоимости так же мало может иметь стоимость, как сила тяжести — вес, теплота — температуру.

До сих пор мы говорили только о стоимости, образуемой простым и сложным трудом, а не о стоимости, которой обладает рабочая сила и которая выражается в заработной плате носителя рабочей силы — рабочего. Мы пока все время предполагаем простое товарное производство и простой товарный обмен. Рабочая сила как товар пока для нас не существует.

О человеческой рабочей силе и ее стоимости мы будем в дальнейшем говорить подробнее. Здесь же ограничимся этим указанием, чтобы предостеречь от ошибки.

На таких же ошибках покоится большинство возражений против теории стоимости Маркса, поскольку они вообще не являются опровержением того, чего Маркс никогда не говорил, или не представляют собой голословных подозрений вроде излюбленного упрека Марксу в догматизме.

Чтобы избежать подобного ошибочного понимания, нужно помнить, в чем заключается сущность такого закона, как закон стоимости.

Всякий естественно-научный или общественный закон является попыткой объяснения явлений природы или общественной жизни. Но едва ли хоть одно из этих явлений обусловливается одной единственной причиной. В основе различных явлений лежат самые разнообразные и сложные причины; да и самые явления не происходят независимо друг от друга, а перекрещиваются в самых различных направлениях.

Поэтому перед исследователем явлений природы или общественной жизни стоит двойная задача. Во-первых, он должен отделить, изолировать друг от друга различные явления, во-вторых, отделить одну от другой причины, лежащие в основе этих явлений, — отделить существенные от несущественных, постоянные от случайных. Оба вида исследования возможны только при помощи отвлечения, абстракции. Естествоиспытатель пользуется при этом целым рядом чрезвычайно усовершенствованных инструментов и методами наблюдения и опыта. Исследователь же общественных законов должен совершенно отказаться от опытов и должен, сверх того, довольствоваться весьма несовершенными вспомогательными средствами.

С помощью абстракции исследователь открывает закон, лежащий в основании явлений, которые он желает объяснить. Без знания этого закона соответствующие явления не могут быть объяснены; но одного этого закона недостаточно, чтобы объяснить их целиком.

Какая-нибудь одна причина может быть ослаблена другой, ее действие может даже быть совершенно уничтожено; но ошибочно было бы заключать отсюда, будто эта причина вовсе не существует. Законы падения, например, имеют силу только в без-

воздушном пространстве: только там кусок свинца и перо падают с одинаковой скоростью. В пространстве же, наполненном воздухом, результат иной, вследствие сопротивления последнего. Тем не менее закон падения верен.

Так же обстоит дело и со стоимостью. Когда товарное производство сделалось господствующим, закономерность товарных цен не могла не броситься в глаза участникам производства; она-то и побудила к исследованию лежащих в ее основе причин. Исследование товарных цен привело к определению величины стоимости. Но подобно тому, как сила тяжести не есть единственная определяющая причина явлений падения, так и стоимость товара — не единственная причина его цены. Маркс сам указывает на то, что есть товары, цена которых не только временами, а постоянно ниже их стоимости. Так, например, золото и алмазы никогда еще, вероятно, не оплачивались по их полной стоимости. Товар рабочая сила также может при известных обстоятельствах долгое время оплачиваться ниже своей стоимости.

Более того, Маркс доказал, что при капиталистическом способе производства прибыль так влияет на закон стоимости, что цены большинства товаров не только могут, но и должны постоянно стоять выше или ниже их стоимости. Несмотря на это, закон стоимости остается в силе и здесь. Самые эти отклонения цен от стоимости могут быть объяснены в свою очередь только с помощью закона стоимости. Здесь мы можем только указать на это, так как для подробного разъяснения этого вопроса необходимо знание законов капитала и прибыли. В дальнейшем мы еще вернемся к этому.

Много возражений против теории стоимости Маркса покоится на смешении цены и стоимости. Их необходимо строго различать.

Далее, нельзя упускать из виду исторический характер марксовой теории стоимости. Она должна лишь служить основой для объяснения явлений товарного производства. Однако еще и в настоящее время товарное производство переплетается с остатками других способов производства. Так, например, в крестьянских хозяйствах сплошь и рядом жизненные припасы, а также некоторые предметы одежды и инвентаря производятся не в качестве товаров, а для собственного потребления. Если при этих условиях имеют место явления, которые как будто противоречат теории стоимости, то это, конечно, нисколько не опровергает последней.

Но прежде всего, как указывалось, нельзя ослепляться фетишистским характером товара и принимать общеизвестные отношения, находящие свое выражение в товарном теле, за природные свойства последнего. Если мы никогда не будем забывать, что товарное производство есть такой вид общественного производства, при котором отдельные хозяйства производят хотя и не совместно, но друг для друга, и что стоимость товаров есть не отношение вещей, а скрытое под вещественной оболочкой отношение людей друг к другу; если мы будем помнить все

это, нам будет ясно, как надо понимать то положение Маркса, которое образует основу исследований «Капитала»:

«Величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления». («Капитал», I, 5.)

3. Меновая стоимость

Величина стоимости товара определяется общественно необходимым для его изготовления рабочим временем. Но выражается она иным образом. Не говорят: «этот сюртук стоит 40 рабочих часов», а говорят: «он стоит столько же, сколько 20 аршин холста или 10 граммов золота».

Рассматриваемый сам по себе, сюртук еще не есть товар. Он становится им только тогда, когда я хочу его обменять. Поэтому и стоимость товара не обнаруживается, пока я не сравню ее со стоимостью другого товара, на который я хочу обменять первый.

Величина стоимости товара определяется, правда, количеством общественно необходимого для его изготовления труда, но выражается она своим отношением к стоимости одного или нескольких других товаров, своим меновым отношением.

Буржуазная политическая экономия часто считает, однако, что именно меновое отношение товара определяет величину его стоимости. Достаточно простого примера, чтобы объяснить всю нелепость этого взгляда.

Возьмем голову сахара. Ее вес дан заранее, но выразить его мы можем только путем сравнения его с весом другого тела, например, железа. Мы кладем сахарную голову на одну чашку весов, а на другую соответственное количество кусков железа, каждый определенного веса, который называется, скажем, фунтом. Число кусков железа показывает нам вес сахара; но было бы нелепо думать, что сахар потому весит 10 фунтов, что на другой чашке весов лежит 10 кусков железа; напротив, только потому и нужно было положить туда столько кусков железа, что сахар весит 10 фунтов.

Здесь вопрос совершенно ясен. Но точно так же обстоит дело с величиной стоимости и формой стоимости.

Выражение веса тела представляет некоторое сходство с выражением стоимости товара, т. е. с формой, в которой мы выражаем величину его стоимости. Голова сахара весит 10 ф.; это, точнее говоря, значит, — продолжая наш пример, — что она весит столько же, сколько 10 определенных кусков железа. Подобным же образом мы можем сказать о сюртуке, что он стóит столько же, сколько стоят, например, 20 аршин холста.

Мы не могли бы поставить железо и сахар, как тела, в известное отношение друг к другу, если бы у них не было одного общего природного свойства — тяжести. Точно так же мы не могли бы поставить в известное отношение друг к другу

сюртук и холст, как товары, если бы у них не было общего общественного свойства — быть продуктами человеческого труда вообще, стоимостями.

Железо и сахар играют в первом равенстве различные роли: голова сахара весит столько же, сколько 10 ф. железа. Сахар выступает здесь как сахар, железо же — не как железо, а как воплощение тяжести, как форма ее проявления. В этом равенстве мы не отвлекаемся от особых физических свойств сахара, но отвлекаемся от свойств железа.

Сходное явление представляет равенство: 1 сюртук = 20 аршинам холста.

Как холст, так и сюртук — товары, стало быть — потребительные стоимости и стоимости. Но в форме стоимости, в меновом соотношении, только сюртук выступает здесь как потребительная стоимость, холст же выступает лишь как форма проявления стоимости.

Я могу узнать вес сахара при помощи не только железных гирь, но и медных, свинцовых и т. д. Точно так же и стоимость сюртука я могу выразить не только в холсте, но и во всяком другом товаре. Поэтому в равенстве: 1 сюртук=20 аршинам холста я совершенно отвлекаюсь от особой природной формы холста; он выступает в этом соотношении,— об этом сказано выше,— только как стоимость, как воплощение человеческого труда вообще. Холст становится формой проявления стоимости сюртука в противоположность телу сюртука. Свойственная сюртуку, как и всякому другому товару, противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью отражается в выражении стоимости, причем его телесная форма сюртука является воплощением исключительно потребительной стоимости, а телесная форма товара — холста — лишь воплощением стоимости, формой стоимости.

И все же потребительная стоимость того товара, в котором выражена стоимость другого товара, — Маркс называет его эквивалентом[1],— не безразлична. Оба товара должны быть разнородны: равенство 1 сюртук = 1 сюртуку бессмысленно.

Я могу выразить стоимость сюртука не только в холсте, но и во всяком другом товаре. Но я могу перевернуть равенство и выразить стоимость холста, а равно и всякого другого товара в сюртуках. Я могу составить равенство:

$$1 \text{ сюртук} = \left\{ \begin{array}{l} \text{20 аршин холста} \\ \text{10 фунтов чаю} \\ \text{40 фунтов кофе} \\ \text{1/2 тонны железа} \\ \text{1 центнер пшеницы} \\ \text{и т. д.} \end{array} \right.$$

Но я могу также перевернуть его и сказать:

$$\left. \begin{array}{l} \text{20 аршин холста} \\ \text{10 фунтов чаю} \\ \text{40 фунтов кофе} \\ \text{1/2 тонны железа} \\ \text{1 центнер пшеницы} \\ \text{и т. д.} \end{array} \right\} = \text{1 сюртуку}$$

[1] От латинских слов aequus — равный и valere — стоить.

Оба равенства говорят, казалось бы, одно и то же, но они тождественны только как математические равенства; как различные формы выражения стоимости, они различны по своему логическому и историческому содержанию.

На первых порах товарного производства продукты обменивались лишь изредка и случайно.

Этот период характеризуется простой формой стоимости, при которой один товар взят в известном отношении к одному только другому товару: например, бронзовый молоток = 20 ф. каменной соли. Эту форму Маркс называет простой или отдельной формой стоимости. Как только, однако, один какой-нибудь продукт труда, например, скот, начинает обмениваться на другие продукты не в виде исключения, а постоянно, то выражение стоимости принимает форму первого из приведенных равенств, т. е., например:

$$1 \text{ корова} = \begin{cases} 2 \text{ плащам} \\ 1 \text{ мечу} \\ 1 \text{ поясу} \\ 10 \text{ парам сандалий} \\ 3 \text{ кубкам} \\ \text{и т. д.} \end{cases}$$

Эту форму стоимости, примеры которой мы находим у Гомера, Маркс называет полной или развернутой формой стоимости.

Но товарное производство развивается еще дальше. Растет число продуктов труда, изготовляемых для обмена, т. е. товаров, и регулярный обмен охватывает все большее и большее число самых разнообразных товаров. Не только скот, но и мечи, пояса, кубки и т. д. становятся предметами регулярного обмена. Самый ходкий из этих товаров, например, скот, становится тем, в котором чаще всего выражаются стоимости товаров, пока он, наконец, не оказывается единственным выразителем стоимости. Тогда вступает в силу вторая из приведенных выше формул — всеобщая форма стоимости.

Рассмотрим ближе эквивалентную форму в этом равенстве. Как мы уже видели выше, эквивалентная форма является воплощением человеческого труда вообще. Но в прежних формах стоимости тот или иной товар являлся таким воплощением только случайно и на время. В равенстве 1 сюртук = 20 аршинам холста холст, действительно, является только формой выражения стоимости. Но когда 20 аршин холста приравниваются 1 гектолитру пшеницы или опять-таки сюртуку, то уже пшеница или сюртук являются воплощением человеческого труда вообще, холст же фигурирует здесь как потребительная стоимость.

При всеобщей форме стоимости дело обстоит иначе. Тут эквивалентом служит один единственный товар; это всеобщий эквивалент. Подобно всем прочим товарам, товар этот как был, так и остается и потребительной стоимостью и стоимостью. Но все другие товары противостоят ему, повидимому, только как потребительные стоимости, сам же он выступает в

качестве всеобщей и единственной формы проявления стоимости, в качестве общественного воплощения человеческого труда вообще. Он теперь — тот товар, который может быть непосредственно обменен на все другие товары. Поэтому каждый охотно берет его в обмен. Все же другие товары теряют вследствие этого способность и возможность обмениваться непосредственно друг на друга. Всякий обмен двух товаров может происходить теперь только при посредстве всеобщего эквивалента, в котором отражаются стоимости всех других товаров.

4. Обмен товаров

Обмен товаров может производиться при наличии двух условий. Во-первых, обмениваемые продукты должны быть и потребительными стоимостями для тех, кто их не имеет, и не быть ими для своих обладателей. Во-вторых, обменивающиеся стороны должны признавать друг друга частными собственниками обмениваемых товаров.

Правовое отношение частной собственности является только отражением волевых отношений обменивающихся лиц, обусловленных экономическими отношениями. Не потому люди начали обмениваться товарами, что считали друг друга частными собственниками этих последних. Наоборот, они стали признавать друг друга частными собственниками, когда они стали обмениваться друг с другом товарами.

Самой первоначальной формой, в которой продукт труда перестает быть для своего собственника потребительной стоимостью, т. е. самой первичной формой товара, является излишек продуктов труда сверх потребностей их владельца. Эти продукты еще не производятся с заранее установленной целью обмена. Они производятся для собственного потребления. Только обмен делает их товарами.

Что касается второго условия, т. е. признания владельцами отчуждаемых предметов друг за другом прав частной собственности на эти последние, то такое признание возможно лишь там, где вступают во взаимные сношения лица, независимые друг от друга.

«Такое отношение взаимной отчужденности не существует между членами естественно выросшей общины, будет ли это патриархальная семья, древне-индийская община, государство инков и т. д. Обмен товаров возникает там, где оканчивается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары для внешних отношений, такое же превращение совершается путем обратного действия и для внутренней жизни самой общины». («Капитал», I, 44.)

На первых ступенях развития обмена величина и форма стоимости еще очень слабо развиты. Количественные отношения, в которых обмениваются продукты, случайны и часто колеблются. Но постепенно обмен продуктов становится все более и более

регулярным общественным процессом. Люди уже не ограничиваются обменом излишков, а начинают производить потребительные стоимости специально с целью обмена. Вследствие этого количественные отношения, в которых обмениваются товары, становятся все более и более зависимыми от условий их производства. Величина стоимости товара начинает определяться количеством необходимого на его изготовление рабочего времени.

Как только продукты начинают изготовляться специально для обмена, скрытое в природе товара противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью должно ясно выступить наружу.

Это противоречие, присущее всякому товару, выражается, как мы знаем, в форме стоимости. В выражении 20 аршин холста = 1 сюртуку холст сам говорит нам, что он — потребительная стоимость (холст) и стоимость (равен сюртуку). Но в простой форме стоимости трудно придать этому противоречию устойчивость. Ибо товар, который служит здесь эквивалентом, воплощением человеческого труда вообще, играет эту роль только временно. В развернутой форме стоимости это противоречие выступает уже ясней. Теперь эквивалентом служат и могут им служить уже много товаров, потому что все эти товары обладают одним общим свойством: они представляют собой продукты труда, стоимости.

Чем дальше развивается обмен товаров, чем больше продуктов труда становится товарами, тем нужнее оказывается всеобщий эквивалент. На первых порах существования обмена каждый меняет то, в чем он непосредственно не нуждается, на то, в чем он нуждается. Но это становится все трудней и трудней по мере того, как товарное производство становится всеобщей формой общественного производства.

Представим себе настолько развитое товарное производство, что в нем появились уже самостоятельные ремесла — портного, пекаря, столяра, мясника. Портной продает столяру сюртук. Для портного сюртук не представляет потребительной стоимости, для столяра — представляет. Но портному не нужен продукт труда столяра: у него достаточно мебели. Столы и стулья не составляют, таким образом, потребительной стоимости ни для столяра, ни для портного. С другой стороны, портному нужен хлеб пекаря, мясо мясника, потому что прошли те времена, когда он пек дома хлеб и откармливал свиней. Мясо и хлеб, нужные портному, не являются для мясника и пекаря потребительными стоимостями, но они сейчас не нуждаются в сюртуке. Таким образом, портному грозит голодная смерть, хотя он и нашел покупателя на свой сюртук. Ему нужен товар, который служил бы всеобщим эквивалентом, который, будучи непосредственным воплощением стоимости, являлся бы потребительной стоимостью для каждого.

Тот же ход развития, который делает этот эквивалент необходимым, влечет за собой и появление его. Когда различные товаровладельцы стали обменивать между собой различные

предметы, должно было наступить такое положение, при котором многие из этих различных предметов сравнивались, как стоимости, с одним и тем же товаром, когда для них находился, таким образом, общий эквивалент. Сначала какой-нибудь товар служил общим эквивалентом лишь временно и случайно. Но как только оказалось более выгодным употребление одного особенного товара как всеобщего эквивалента, роль эквивалентной формы стоимости должна была все более закрепляться за этим товаром.

Какому именно товару доставалась эта роль, зависело от самых разнообразных обстоятельств. Но в конце концов благородные металлы получили монополию служить всеобщим эквивалентом, они стали деньгами. Этому могло отчасти способствовать то, что украшения и материалы для них всегда были важными предметами обмена; но решающим явилось главным образом то обстоятельство, что естественные свойства золота и серебра вполне соответствуют тем общественным функциям, которые выполняет всеобщий эквивалент.

Достаточно указать здесь на следующее. Благородные металлы — всегда одинакового качества. Они не изменяются ни в воздухе, ни в воде. Далее, они могут быть произвольно делимы на части и вновь составляемы из отдельных частей. Поэтому они чрезвычайно пригодны для воплощения безразличного человеческого труда вообще, для выражения величин стоимости, которые отличаются друг от друга только количественно, но не качественно.

Золото и серебро только потому могли приобрести монополию на функцию всеобщего эквивалента, что они противостояли другим товарам как товары же. Они могли сделаться деньгами только потому, что они уже раньше были товаром. Деньги — не изобретение одного или нескольких людей, не простой знак стоимости. Стоимость денег и их общественные функции не созданы по произволу. Благородные металлы сделались денежным товаром благодаря той роли, которую они как товары играли в процессе обмена.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДЕНЬГИ

1. Цена

Первая функция денег состоит в том, что они служат мерой стоимости. Они доставляют миру товаров материал, в котором выражается стоимость.

Не деньги делают товары однородными и соизмеримыми. Наоборот, именно потому, что все товары как стоимости представляют овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе однородны, они могут быть измеряемы одним и тем же

определенным товаром. Этот товар они превращают, таким образом, во всеобщую меру стоимости или деньги. Деньги, как мера стоимости, есть необходимая форма проявления присущей товарам меры стоимости, т. е. рабочего времени[1].

Выражение стоимости товара в денежном товаре есть его денежная форма или цена. Например: 1 сюртук = 10 граммам золота.

Цена товара есть нечто совершенно отличное от его природных свойств. Ее нельзя в нем увидеть или осязать. Владелец товара должен сообщить ее покупателям. Но для того чтобы выразить стоимость товара в золоте, т. е. чтобы определить его цену, вовсе не нужны реальные деньги. Портному не нужно иметь в кармане золото, чтобы объявить, что цена продаваемого им сюртука равна 10 граммам золота. Стало быть, мерой стоимости деньги служат лишь как мысленно представляемые, воображаемые деньги.

Тем не менее цена зависит только от действительного денежного товара. Портной может — мы, конечно, отвлекаемся от всех воздействующих побочных обстоятельств — назначить цену сюртука в 10 граммов золота лишь в том случае, если в таком количестве золота воплощено столько же общественно-необходимого труда, как и в сюртуке. Если портной выразит стоимость сюртука не в золоте, а в серебре или меди, то выражение цены будет совершенно иным.

Поэтому там, где мерой стоимости служат два различных товара, например, золото и серебро, все товары имеют двойные цены — в золоте и серебре. Всякое изменение в соотношении стоимости золота и серебра влечет за собой в этом случае колебания цен. Двоякая мера стоимости является в сущности нелепостью и противоречит функции денег как меры стоимости. Всюду, где пытались законодательным путем объявить два товара мерой стоимости, фактически функционировал в качестве таковой только один.

---

[1] В этой связи Маркс делает интересное замечание об утопии, еще до сих пор разделяемой многими. Он говорит:

«Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени, почему, напр., банкнота не представляет двух рабочих часов,— сводится просто к вопросу, почему на базисе товарного производства продукты труда должны становиться товарами, так как товарная форма продуктов уже предполагает необходимость раздвоения их на товары и денежный товар. Таков же вопрос, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд, т. е. как его противоположность. В дру[illegible] месте я подробно рассмотрел плоский утопизм таких проектов, [illegible] «[illegible] деньги» на основе товарного производства («Zur Kritik [illegible] ben Oekonomie», S. 61 ff.). Здесь отмечу только, что напр., «ра[illegible]» Оуэна имеют с «деньгами» так же мало общего, как, скажем, [illegible] предполагает непосредственно обобществленный труд, [illegible] диаметрально противоположную товарному произ[illegible] лишь констатирует долю индивидуального участия [illegible] и долю его индивидуальных притязаний на по[illegible] Оуэну и в голову не приходило оставаться на [illegible] время стремиться к устранению его [illegible] фокусов». («Капитал», 1, 49.)

Еще и теперь в некоторых странах золото и серебро признаются по закону равноправными мерами стоимости. Но опыт всегда приводил такое законодательство к абсурду. Золото и серебро, как и всякий другой товар, подвержены постоянным колебаниям стоимости. Если оба по закону равноправны, если можно по желанию расплачиваться тем или другим металлом, то платят, конечно, тем из них, чья стоимость падает, а тот, чья стоимость повышается, сбывают по мере возможности туда, где его можно продавать с выгодой, т. е. за границу. Поэтому в странах, где господствует двойная валюта, так называемый биметаллизм, фактически в качестве меры стоимости функционирует только один металл, а именно тот, чья стоимость падает. А тот металл, чья стоимость повышается, измеряет, как и всякий другой товар, свою цену в другом, слишком высоко оцененном металле. Стало быть, он функционирует как товар, а не как мера стоимости. Чем значительнее колебания в соотношении стоимостей золота и серебра, тем яснее выступает наружу вся нелепость биметаллизма [1].

Для большей простоты Маркс в «Капитале» принимает золото за единственный денежный товар. Оно и на самом деле все более становится единственным денежным товаром современного капиталистического мира [2].

В выражении цены каждый товар представлен как определенное количество золота. Оказывается необходимым соизмерять между собой различные количества золота, представляющие различные цены, установить масштаб цен. Металлы обладают таким естественным масштабом, — это их вес. Поэтому весовые наименования металлов — фунт, ливр (во Франции), талант (в древней Греции), ас (у римлян) и т. д. — являются первоначальными названиями единиц масштаба цен.

---

[1] Биметаллистическая агитация, еще очень сильная в последние десятилетия прошлого века, в настоящее время стала совершенно безнадежной и почти заглохла. Одна страна за другой переходят к золотой валюте. За последние десятилетия к ней перешли Австрия (1892), Япония (1897), Россия (1898), Соединенные Штаты (1900). В Англии она введена уже с конца XVIII века, в Германии — с 1871 г., в Голландии — с 1877 г. В Бельгии, Франции, Швейцарии она фактически господствует, хотя номинально там и существует двойная валюта. Британские и голландские колонии также перешли к золотой валюте. Переход Германии к двойной валюте был бы наиболее выгоден для тех, кто наделал долгов при господстве золотой валюты и мог бы затем уплатить их более дешевым серебром. Бо́льшую часть таких долгосрочных долгов составляют ипотеки, что вызывает агитацию аграриев.

[2] Стоимость денежного запаса (монет и слитков) в благородных металлах в странах с современным способом производства исчислялась:

	Золото	Серебро
в 1831 г.	2 232 000 000 марок	8 280 000 000 марок
» 1880 »	13 170 000 000 »	8 406 000 000 »

С 1880 по 1908 г. на всем земном шаре отчеканено золотой монеты на 30 миллиардов, а серебряной — свыше 20 миллиардов марок.

Следовательно, золото в настоящее время является безусловно преобладающим денежным товаром.

Таким образом, мы вслед за первой функцией денег — служить мерой стоимости, — познакомились и со второй их функцией — быть масштабом цен. Как мера стоимости, деньги превращают стоимости товаров в определенные воображаемые количества золота. Как масштаб цен, они измеряют различные количества золота одним определенным количеством, которое принимается за единицу, например, фунтом золота.

Различие между мерой стоимости и масштабом цен станет ясным, если мы рассмотрим, какое влияние оказывает на них изменение стоимости денежного металла.

Положим, единицей масштаба цен служат 10 граммов золота. Какова бы ни была стоимость золота, 20 граммов его всегда будут иметь вдвое большую стоимость, чем 10 граммов. Падение или повышение стоимости золота не оказывает, следовательно, никакого влияния на масштаб цен.

Возьмем теперь золото как меру стоимости. Сюртук, допустим, стоит 10 граммов золота. Но вот стоимость золота изменяется: почему-либо в то же самое общественно необходимое рабочее время производится теперь вдвое больше золота, чем прежде, тогда как производительность портняжного труда не изменилась. Что произойдет? Цена сюртука будет равняться теперь 20 граммам золота. Ясно, что изменение стоимости золота чувствительно отражается на его функции меры стоимости.

Масштаб цен может быть определен произвольно, так же, как, например, меры длины. С другой стороны, он нуждается во всеобщем признании. Условный вначале, заимствованный у обычных весовых делений, он в конце концов устанавливается законом.

Различные весовые части благородных металлов получают при официальном их крещении имена, отличные от весовых; мы говорим не $^3/_{70}$ фунта золота, а 20-марковая монета. Цены выражаются теперь не в весовых частях золота, а в установленных законом счетных наименованиях золотого масштаба.

Цена — денежное название величины стоимости товара. Но в то же время она выражает и меновое соотношение товара с денежным товаром, золотом. Стоимость товара не может проявиться изолированно, сама по себе, а лишь в меновом отношении с другим товаром. Отношение может, однако, быть обусловлено не только величиной стоимости, но и другими обстоятельствами; поэтому возможно отклонение цены от величины стоимости.

Когда портной говорит, что цена его сюртука равна 10 граммам золота или, в счетных наименованиях, 30 маркам, то он этим заявляет, что всегда готов отдать сюртук за 10 граммов золота. Но он проявил бы излишнюю самонадеянность, если бы стал утверждать, что всякий готов ему сейчас же уплатить за сюртук 10 граммов золота. Правда, превращение сюртука в золото необходимо и неизбежно для того, чтобы он мог исполнить свое назначение как товар. Товар требует денег. Цены — это, так сказать, страстные любовные взгляды, которые он бросает на блестя-

щую возлюбленную. Но на товарном рынке дело не всегда идет так, как в романах: герои не всегда соединяются. Многие товары оставляются без внимания золотом, и им приходится влачить безрадостное существование на товарных складах.

Ознакомимся же поближе с приключениями товара при его отношениях с золотом.

2. Продажа и покупка

Последуем за нашим старым знакомым, портным, на рынок. Он меняет изготовленный им сюртук на 30 марок. На эти деньги он покупает бочонок вина. Мы имеем здесь перед собою два противоположных превращения: сначала — превращение товара в деньги, а затем — обратное превращение денег в товар.

Но товар, которым заканчивается процесс, совсем не тот, которым процесс этот начался. Первый не был потребительной стоимостью для своего владельца, второй является для него потребительной стоимостью. Первый был ему полезен как стоимость, как продукт человеческого труда вообще, могущий быть обмененным на другой продукт человеческого труда вообще — на золото. Полезность же для него другого товара, вина, заключается в физических свойствах этого товара, не как продукта человеческого труда вообще, а определенного вида труда — труда винодела.

Формула простого товарного обращения гласит: товар — деньги — товар; т. е. продажа для покупки.

Из двух превращений: товар — деньги и деньги — товар, первое, как известно, более трудное. Купить, имея деньги, не стоит большого труда. Несравненно труднее продать, чтобы получить деньги. Между тем при господстве товарного производства каждому владельцу товаров необходимы деньги. Чем больше развивается общественное разделение труда, тем одностороннее его труд и разностороннее его потребности.

Для того чтобы товару удалось его salto mortale, его превращение в деньги, необходимо прежде всего, чтобы он был потребительной стоимостью, удовлетворял какой-нибудь потребности. Если это условие имеется налицо и товару удается превратиться в деньги, то возникает вопрос: в какое количество денег он превратится?

Но этот вопрос нас здесь не касается. Ответ на него относится к исследованию законов цен. Нас же интересует здесь изменение формы «товар—деньги» независимо от того, оказывается ли цена выше или ниже стоимости товара.

Портной избавился от сюртука и получил за него деньги. Продал он его, допустим, крестьянину. То, что для портного являлось продажей, для земледельца оказывается покупкой. Таким образом, каждая продажа есть покупка, и наоборот.

Но откуда взялись деньги у крестьянина? Он получил их в обмен на зерно. Если мы проследим путь, пройденный денежным товаром — золотом от места его производства, рудника, и

затем от одного товаровладельца к другому, то найдем, что каждая перемена его владельца всегда была результатом покупки.

Превращение: сюртук—деньги является, как мы видели, членом не одного, а двух рядов превращений. Один из них таков: сюртук—деньги—вино, другой же: зерно—деньги—сюртук. Начало ряда превращений одного товара есть вместе с тем заключение ряда превращений другого товара, и наоборот.

Предположим, что винодел на 30 марок, полученных им за вино, купил котел и уголь. Тогда превращение: деньги—вино является последним членом ряда: сюртук—деньги—вино, и первым членом двух других рядов: вино — деньги — котел и вино — деньги—уголь.

Каждый из этих рядов образует кругооборот: товар—деньги—товар; он начинается и кончается формой товара. Но каждый кругооборот одного товара сплетается с кругооборотами других товаров. И все движение всех этих бесчисленных, взаимно переплетающихся кругооборотов образует обращение товаров.

Обращение товаров существенно отличается от непосредственного обмена продуктов или простой меновой торговли. Последняя была вызвана тем, что производительные силы переросли рамки первобытного коммунизма. Благодаря непосредственному обмену продуктов система общественного труда расширилась за пределы отдельных общин. Благодаря обмену различные общины и члены их стали работать друг для друга. Но непосредственный обмен продуктов, в свою очередь, явился препятствием для дальнейшего развития производительных сил, и это препятствие было устранено лишь с возникновением обращения товаров.

Простой обмен продуктов требует, чтобы я, сбывая кому-нибудь свой продукт, одновременно брал у него его продукт. Обращение товаров устраняет это препятствие. Правда, каждая продажа есть в то же время и покупка; портной не может продать сюртук, если его не купит кто-нибудь другой, например, земледелец. Но, во-первых, совершенно не нужно, чтобы портной купил что-нибудь сейчас же. Он может с успехом спрятать деньги в карман и подождать, пока ему не понадобится какая-нибудь покупка. Во-вторых, никто и ничто не принуждает его покупать теперь или позже у того самого крестьянина, который купил у него сюртук, и вообще покупать на том же рынке, на котором он продает. Таким образом, при обращении товаров исчезают временные, местные и индивидуальные рамки обмена продуктов.

Имеется еще и другое различие между меновой торговлей и обращением товаров. Простой обмен продуктов состоит в обмене излишка продуктов и оставляет на первых порах без изменений первобытно-коммунистические формы производства, стоящие под непосредственным контролем участвующих в нем лиц.

Напротив, развитие товарного обращения делает производственные отношения все более запутанными, трудными для понимания и контроля. Отдельные производители становятся все более и более независимыми друг от друга. Но тем более возра-

стает их зависимость от общественных отношений, которых они уже не могут контролировать, как это было при первобытном коммунизме. Общественные силы действуют, таким образом, подобно слепым силам природы, которые, наталкиваясь в своей деятельности на препятствия, нарушающие их равновесие, разражаются катастрофами, например — ураганами и землетрясениями.

Вместе с развитием товарного обращения развиваются и зародыши таких катастроф. Представляемая товарным обращением возможность — продавать без необходимости тотчас же покупать — уже заключает в себе возможность приостановки сбыта, кризисов. Но для того, чтобы возможность эта превратилась в действительность, производительные силы должны перерасти рамки простого товарного обращения.

3. Обращение денег

Припомним те кругообороты товаров, которые мы проследили в последнем параграфе: зерно—деньги—сюртук—деньги—вино—деньги—уголь и т. д. Кругооборот товаров сообщает движение и деньгам. Но движение денег не является круговым. Деньги, израсходованные крестьянином, все больше и больше удаляются от него.

«Форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет их постоянное удаление от исходного пункта, их переход из рук одного товаровладельца в руки другого, или их обращение». («Капитал», I, 66.)

Обращение денег есть следствие кругооборота товаров, а не его причина, как это часто думают. Товар, как потребительная стоимость, скоро исчезает из обращения. При простом товарном обращении, которое мы теперь исследуем, где еще не может быть речи о регулярной торговле и перепродаже, он исчезает после первого же своего превращения. Товар переходит в область потребления, и новая потребительная стоимость, равная ему по стоимости, становится на его место. В кругообороте зерно—деньги—сюртук зерно исчезает из обращения после первого же превращения зерно—деньги, и продавцу зерна возвращается такая же стоимость, но уже в виде другой потребительной стоимости: деньги—сюртук. Деньги же, как средство обращения, не исчезают из обращения, а постоянно находятся в этой области.

Теперь спрашивается: сколько денег требуется для обращения товаров?

Мы уже знаем, что каждый товар приравнивается к известному количеству денег и его цена определяется еще раньше, чем он соприкасается с реальными деньгами. Этим путем заранее определены как цена каждого отдельного товара, так и сумма цен всех товаров, предполагая стоимость золота уже данной наперед. Сумма цен товаров — это определенная воображаемая сумма золота. Чтобы товары могли обращаться, воображаемое

золото должно стать действительным. Следовательно, общее количество обращающегося золота определяется суммой цен обращающихся товаров.

Следует иметь в виду, что мы остаемся здесь в области простого товарного обращения, где еще неизвестны кредитные деньги, взаимное погашение платежей и т. д.

При не изменяющихся ценах эта сумма цен колеблется вместе с общим количеством обращающихся товаров; а при неизменном их количестве — в зависимости от колебания их цен. При этом безразлично, чем бы колебание это ни было вызвано: неустойчивостью ли рыночных цен или изменением стоимости золота или товаров. При этом безразлично также, охватывает ли это колебание цен все товары или лишь некоторые.

Но отдельные продажи товаров не всегда совершаются вне связи между собой и не всегда одновременно.

Вернемся к нашему прежнему примеру. Мы имеем ряд превращений: 5 центнеров зерна — 30 марок — 1 сюртук — 30 марок — 40 литров вина — 30 марок — 20 центнеров угля — 30 марок. Сумма цен этих четырех товаров равна 120 маркам. Но для совершения этих четырех продаж достаточно 30 марок, которые 4 раза меняют свое место, т. е. совершают четыре оборота. Если мы допустим, что все эти продажи имели место в течение одного дня, то общее количество денег, функционирующих в качестве средства обращения в определенной области обращения и в течение одного дня, будет равно: $\frac{120}{4} = 30$ маркам, или, выражаясь более обще: $\frac{\text{сумма цен товаров}}{\text{число оборотов одноименной монеты}}$ = количеству денег, функционирующих в качестве средства обращения в течение определенного отрезка времени.

Время обращения различных монет в стране, разумеется, различно. Одна может целые годы пролежать в сундуке, другая — совершить 30 оборотов в один день. Но средняя скорость их обращения все-таки является определенной величиной.

Скорость обращения денег обусловлена быстротой обращения товаров. Чем быстрее товары переходят из сферы обращения в сферу потребления и чем быстрее они замещаются новыми товарами, тем быстрее обращаются деньги. Чем медленней обращение товаров, тем медленней обращаются деньги, тем меньше приходится видеть денег. Люди, которые видят только поверхность явлений, полагают тогда, что существует недостаток в деньгах, и этот недостаток вызывает застой в обращении. И такой случай, правда, возможен, но в настоящее время он едва ли может иметь место в течение сколько-нибудь продолжительного времени.

4. Монета. Бумажные деньги

Для торговли было, разумеется, большим неудобством то обстоятельство, что при каждой продаже и покупке оказывалось необходимым определять содержание и вес каждого куска денежного металла. Это неудобство исчезло, как только обще-

признанный авторитет стал гарантировать верность веса и содержание каждого куска металла. Таким образом, слитки металла превратились в изготовляемые государством металлические монеты.

Монетная форма денег вытекает из их функции как средства обращения. Но как только деньги приобретают форму монеты, эта последняя получает в сфере обращения новое, независимое от ее содержания значение. Удостоверение государства в том, что данный монетный знак содержит известное количество золота или равен ему, является при известных обстоятельствах достаточным для того, чтобы монетный знак стал служить таким же средством обращения, как и реальное количество золота.

К этому приводит уже самое обращение монет. Чем дольше монета находится в обращении, тем больше она стирается. Ее наименование и действительное содержание начинают все больше и больше разниться друг от друга. Старая монета легче только что отчеканенной,— и все же при известных обстоятельствах обе могут представлять одинаковые стоимости как средства обращения.

Еще резче проявляется разница между наименованием и действительным содержанием в разменной монете. Неблагородные металлы, как, например, медь, очень часто служили первоначально деньгами, а затем уже были вытеснены благородными металлами. Медь, а после введения золотой валюты и серебро перестали быть мерами стоимости, хотя медные и серебряные монеты продолжают функционировать в качестве средства обращения в мелочной торговле. Они стали соответствовать теперь определенным весовым частям золота. Стоимость, которую они представляют, изменялась в зависимости от реальной стоимости золота и нисколько не зависела от колебаний стоимости серебра и меди.

Очевидно, что при этих условиях их металлическое содержание не имеет влияния на их монетную функцию и что можно произвольно, посредством законов, определить, какое количество золота должна представлять медная или серебряная монета. Отсюда — только один шаг к тому, чтобы заменить металлический знак бумажным, приравнять законодательным путем не имеющий никакой стоимости кусок бумаги к некоторому количеству золота.

Так возникли государственные бумажные деньги, которые не следует смешивать с кредитными деньгами, происшедшими из другой функции денег.

Бумажные деньги могут заменять золотые деньги только в качестве средства обращения, но не в качестве меры стоимости. Они могут заменять их лишь постольку, поскольку они представляют определенные количества золота. Для бумажных денег как средства обращения остаются в силе те же законы, что и для металлических, которые они замещают. Бумажные деньги никогда не могут представлять большее количество золота, чем то, которое может быть поглощено обращением товаров. Если

в какой-нибудь стране обращение товаров вызывает потребность в 100 млн. марок золотом, а государство пустит в оборот бумажных денег на 200 млн., то в результате получится, что, например, на две 20-марковые бумажки можно будет купить лишь столько же, сколько на одну золотую монету в 20 марок. В этом случае цены, выраженные в бумажных деньгах, будут вдвое превышать цены, выраженные в золоте. Бумажные деньги будут обесценены вследствие чрезмерного их выпуска. Грандиознейшим примером такого обесценения бумажных денег вследствие чрезмерного их выпуска были ассигнаты Великой французской революции, которых за 7 лет (с 1790 г. по март 1797 г.) было выпущено на сумму в 45 581 с лишним млн. франков и которые в конце концов потеряли всякую стоимость[1].

5. Прочие функции денег

Мы проследили возникновение простого обращения товаров и видели, как вместе с ним развиваются функции денег как меры стоимости и средства обращения. Этим, однако, еще не ограничиваются функции денег.

Вместе с развитием товарного обращения развиваются необходимость и страсть сохранять и накоплять денежный товар — золото. Особенности денег соответствуют особенностям товарного производства. Это последнее есть такой способ производства, при котором общественное производство ведется самостоятельными и независимыми друг от друга производителями. Точно так же и деньги являются такой общественной силой, которая, однако, не является силой общества, а может стать частной собственностью каждого отдельного лица. Чем бо́льшая сумма денег находится в обладании данного лица, тем значительнее его общественное могущество, тем бо́льшим количеством благ, наслаждений, продуктов чужого труда он располагает. Золото всемогуще. Оно — единственный товар, который всем нужен и который всякий принимает. Поэтому вместе с ростом товарного обращения пробуждается и растет жажда золота.

Однако с развитием товарного производства накопление золота становится не только страстью, но и необходимостью. Чем бо́льшее число продуктов становится товарами, чем меньшее их число производится для потребления, тем необходимее обладать деньгами, чтобы вообще иметь возможность существовать. Человек вынужден постоянно покупать, а чтобы иметь возможность покупать, он должен сначала продать. Но для производства товаров, которые он продает, нужно время, притом продажа эта зависит от случая. Чтобы продолжать про-

---

[1] Обесценение бумажных денег в несравненно большем масштабе имело место в послевоенной Германии, в результате империалистической войны 1914—1918 гг. и дальнейшей политики германской буржуазии, направленной к ограблению трудящихся масс. Выпуск бумажных денег достиг астрономических размеров. В ноябре 1923 г. при переходе к твердым деньгам одна золотая марка была приравнена к миллиарду бумажных марок.— Ред.

изводство и существовать в течение производственного периода, он должен обладать денежным запасом. Такой запас необходим и для покрытия дефицитов в периоды заминок сбыта.

Мы уже видели, что количество обращающихся денег зависит от цен и количества товаров и от скорости обращения самих денег. Каждый из этих факторов постоянно изменяется. Поэтому количество обращающихся денег подвержено беспрерывным колебаниям. Откуда появляются деньги, когда в них оказывается нужда, и куда девается их излишек? Денежные сокровища, которые накопляются в различных местах, являются теми резервуарами, которые то поглощают деньги, то отдают их обратно. Таким образом выравниваются нарушения в процессе обращения товаров.

На первых ступенях товарного обращения, так же как и при простом обмене, два товара всегда обмениваются непосредственно друг на друга. Вся разница заключается в том, что теперь одним из товаров всегда является всеобщий эквивалент, денежный товар. Однако при дальнейшем развитии обращения товаров возникают такие обстоятельства, вследствие которых момент продажи товара не совпадает по времени с моментом получения суммы денег, соответствующей его цене. Нередко бывает так, что за товар платят раньше, чем его получают, или, что случается чаще,— его оплачивают позже.

Поясним это на примере. Итальянский ткач шелка, скажем XIII века, покупает шелк, который он перерабатывает, по соседству. Но шелковые ткани, которые он изготовляет, посылаются в Германию. Пока они прибывают на место назначения, сбываются и выручка попадает обратно в Италию, проходит три-четыре месяца. Ткач изготовил некоторое количество ткани, а его сосед, прядильщик, в то же время изготовил некоторое количество шелковой пряжи. Прядильщик сейчас же продает свой товар ткачу, но тот получит выручку от продажи своего товара только через 4 месяца. Что же происходит? Ткач покупает шелк, но платит за него лишь через 4 месяца.

Отношения между покупателем и продавцом принимают теперь совсем иной характер. Продавец становится кредитором, покупатель—должником. Да и деньги получают теперь новую функцию. Они уже не служат посредниками при обращении товара, а самостоятельно завершают его обращение. В этой своей функции они уже — не средство обращения, а средство платежа, средство выполнения принятого кем-либо обязательства доставить известную сумму стоимостей.

Такое обязательство не всегда вытекает из процесса обращения товаров. Чем больше развивается товарное производство, тем сильнее обнаруживается стремление превратить доставку определенных потребительных стоимостей в платеж деньгами, этой всеобщей формой стоимости. Натуральные повинности по отношению к государству превращаются в денежные налоги, уплата жалованья чиновникам начинает производиться уже не натурой, не продуктами, а деньгами и т. д. Функция денег как

платежного средства выходит, стало быть, за пределы товарного обращения.

Вернемся, однако, к нашему ткачу. Он купил у прядильщика шелк, но не может сейчас заплатить за него. Но в денежных делах нет места любезностям. Прядильщик шелка рассуждает так: что написано пером, нельзя вырубить и топором. Он берет у ткача расписку, которой последний обязуется уплатить через 4 месяца сумму, равную цене проданного шелка. У прядильщика, в свою очередь, есть обязательства, по которым он должен уплатить в течение этих 4 месяцев, а так как у него нет наличных денег, то он платит распиской ткача. Эта последняя служит теперь деньгами; возникает, таким образом, новый вид бумажных денег — кредитные деньги (векселя, чеки и т. д.).

Возможен и другой случай. Ткач купил у прядильщика шелку на 5 дукатов. Прядильщик, в свою очередь, приобрел своей жене у ювелира браслет за 6 дукатов. Ювелир в то же время набрал у ткача шелковых материй на 4 дуката. Платежи должны быть произведены в одно и то же время. Все трое — прядильщик, ткач и ювелир — сходятся. Первый должен уплатить последнему 6 дукатов и получить от ткача 5 дукатов. Он дает ювелиру один дукат, а за получением остального отсылает его к ткачу. Но последнему следует получить с ювелира 4 дуката. Поэтому он вручает ему всего только один дукат, и все трое оказываются в расчете. Таким образом, посредством взаимного уравнения три платежа на общую сумму в 15 дукатов погашены с помощью всего 2 дукатов.

Разумеется, в действительности дело обстоит далеко не так просто, как мы это здесь изображаем. Но фактически часть платежей продавцов товаров всегда взаимно погашается и тем в большей части, чем сильней развивается обращение товаров. Концентрация платежей в нескольких определенных местах и в известные сроки содействует установлению особых учреждений и способов такого взаимного погашения, как напр., virements в средневековом Лионе. В настоящее время этой цели служат жиро-банки, расчетные палаты и т. п. Только такие платежи, которые не погашаются взаимно, должны производиться наличными деньгами.

Кредитная система устраняет накопление сокровищ как самостоятельную форму обогащения. Тому, кто желает сохранить свое состояние, нет уже надобности закапывать его в землю или прятать в сундук: он может отдать свои деньги взаймы. С другой стороны, кредитная система принуждает к временному накоплению сокровищ, к собиранию денежных сумм, которые в день платежа могли бы послужить для расплаты.

Не всегда, однако, удается собрать необходимое для этого количество денег. Вспомним о нашем ткаче. Он обещал прядильщику заплатить за шелк через 4 месяца, так как рассчитывал продать к этому сроку свой товар. Предположим, однако, что сработанная им ткань не нашла себе покупателя, и он, следовательно, не в состоянии расплатиться. Но прядильщик рассчиты-

вал на эту плату и в надежде на нее, в свою очередь, взял на себя обязательства, скажем, по отношению к ювелиру; тот, с своей стороны, по отношению к кому-нибудь третьему и т. д.

Мы видим, таким образом, что неплатежеспособность одного влечет за собой неплатежеспособность других, и притом тем в большей степени, чем более развита система следующих друг за другом и вытекающих один из другого платежей. Допустим теперь, что не один производитель, а целый ряд оказался бы,— скажем, вследствие всеобщего перепроизводства,— не в состоянии продать свои товары. Их неплатежеспособность влечет за собой неплатежеспособность других, уже продавших свои товары, производителей. Денежные расписки теряют свою стоимость, и все требуют всеобщего эквивалента — наличных денег. Происходит общий недостаток в деньгах, денежный кризис, который при известной степени развития кредита становится неизбежным спутником всякого промышленного или торгового кризиса. Он яснее всего показывает, что при товарном производстве деньги не могут быть заменены простыми чеками на получение товаров.

Деньги имеют двоякую сферу обращения: внутренний рынок, в пределах данного государства, и мировой рынок. Формой монеты и знака стоимости деньги обладают только внутри страны, но не в международных отношениях. На мировом рынке они снова принимают свою первоначальную форму слитков благородного металла, золота и серебра. На мировом рынке оба металла служат до сих пор мерой стоимости, тогда как во внутреннем обращении страны только один денежный товар может на самом деле исполнять функцию меры стоимости. Впрочем, с того времени как Маркс писал свой «Капитал», золото, несомненно, обнаруживает тенденцию стать и на мировом рынке единственным денежным товаром.

Главнейшая функция мировых денег — это служить платежным средством для выравнивания международных балансов — излишков и дефицитов ввоза и вывоза.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

1. Что такое капитал

Во второй главе мы проследили, как из обмена продуктов развилось товарное обращение.

Сделаем теперь следующий шаг. При простом товарном обращении товаровладелец продает свои товары, чтобы купить другие. Но с течением времени из этой формы товарного обращения развивается новая форма движения: покупка с целью продажи. Формула простого товарного обращения, как мы знаем, гласит: товар—деньги—товар; формула новой формы обращения гласит: деньги—товар—деньги.

Сравним эти две формулы.

Движение товар—деньги—товар имеет целью потребление. Я продаю товар, который не представляет для меня потребительной стоимости, чтобы приобрести другие товары, которые для меня являются потребительной стоимостью. Кругооборот товар—деньги—товар является замкнутым в себе самом. Вырученные при продаже деньги превращаются в товар, который потребляется и выходит из обращения. А деньги отдаются раз навсегда и в своем движении отдаляются от своего прежнего владельца. Товар, которым заканчивается кругооборот, при нормальных условиях простого товарного обращения,— а только о таких условиях может здесь итти речь,— по своей стоимости как раз равен тому, с которого кругооборот начался.

Не то получится при кругообороте: деньги — товар — деньги. Не потребление является его целью. Конечный пункт кругооборота составляет не товар, а деньги. Деньги, которые при начале кругооборота выбрасываются в обращение, не отданы навсегда, а лишь авансированы. Они снова возвращаются к своему первоначальному владельцу. Самый кругооборот уже не замкнут в себе самом, а постоянно повторяется, уносясь все дальше и дальше; авансированные деньги возвращаются назад, чтобы снова быть брошенными в обращение и снова возвратиться назад; и эта игра повторяется до бесконечности. Движение денег, порождаемое кругооборотом деньги — товар — деньги, беспредельно.

Однако в чем же заключается движущая сила этого кругооборота? Движущая сила кругооборота товар — деньги — товар ясна. Напротив, кругооборот деньги — товар — деньги на первый взгляд кажется лишенным всякого смысла. Когда я продаю библию, чтобы на вырученные деньги купить хлеб, то в конце кругооборота в моем распоряжении оказывается совсем иной товар, чем вначале, хотя стоимость его та же самая. Первый товар удовлетворяет мой духовный голод, но очень мало помогает мне, когда этот последний уже удовлетворен, когда, например, я знаю библию наизусть, но не имею средств к удовлетворению физического голода.

Но когда я покупаю за 100 рублей картофель, чтобы снова продать его за 100 рублей, то в конце процесса я оказываюсь на том же самом месте, как и вначале; весь процесс не представляет ни цели, ни выгоды. Выгода имелась бы лишь тогда, когда денежная сумма в конце сделки была бы иная, чем вначале. Но денежные суммы разнятся одна от другой только своей величиной. Таким образом, кругооборот деньги — товар — деньги лишь в том случае не будет бесцельным, если денежная сумма, которою он заключается, будет больше той, которою он начинается.

Это увеличение денежной суммы и составляет в действительности побудительный мотив кругооборота. Кто покупает с целью продажи, тот покупает, чтобы продать дороже. Кругооборот деньги — товар — деньги протекает нормально лишь в том случае, если денежная сумма в конце оказывается

большей, чем вначале. Кругооборот же товар — деньги — товар, как мы знаем, лишь тогда идет нормально, когда стоимость товара, которым кругооборот заканчивается, та же самая, что и у товара, которым он начинается.

Всякая покупка есть в то же время и продажа, и наоборот. Поэтому кругооборот деньги — товар — деньги имеет, повидимому, тот же смысл, что и кругооборот товар — деньги — товар. Однако для нас ясно уже, что оба кругооборота отличаются друг от друга по существу.

Если — оставаясь при нашем примере — я покупаю картофель за 100 рублей, чтобы снова перепродать его, то я делаю это с целью продать его дороже, например, за 110, т. е. за 100+10 рублей, следовательно, вообще говоря, за сумму, равную первоначальной плюс некоторая надбавка. Если мы обозначим товар буквой **Т**, первоначальную сумму денег — буквой **Д**, добавочную сумму денег — **д**, то мы сможем изобразить полную формулу деньги — товар — деньги следующим образом:

$$Д — Т — (Д + д).$$

Это **д**, этот избыток стоимости, который обнаруживается в конце кругооборота сверх первоначально авансированной стоимости, Маркс называет прибавочной стоимостью. Ее точно так же не следует смешивать с формами ее проявления — прибылью, процентом и пр., как стоимость—с ценой. В нашем изложении речь идет пока только об основах, а не о формах проявления экономических категорий. Это мы замечаем во избежание недоразумений.

Прибавочная стоимость представляет собою отличительную особенность кругооборота **Д — Т — (Д + д)**. Более того: стоимость, которая обращается в форме этого кругооборота, сама получает благодаря прибавочной стоимости новый характер,— она становится капиталом.

Капитал может быть понят только внутри этого движения. Это — стоимость, приносящая прибавочную стоимость. Кто отвлекается от этого движения и хочет понять капитал как неподвижную вещь, тот всегда будет наталкиваться на противоречие. Отсюда — наблюдающаяся в распространенных экономических учебниках путаница по вопросу о понятии капитала, о том, какие вещи можно назвать капиталом.

Одни определяют его как орудие труда, и в этом случае мы приходим к существованию капиталистов каменного века; даже обезьяна, которая разбивает камнем орех, также оказывается тогда капиталистом. Равным образом и палка, которою бродяга сбивает плоды с дерева, становится капиталом, а сам бродяга — капиталистом.

Другие определяют капитал как сбереженный труд, благодаря чему хомяки и муравьи удостаиваются чести фигурировать в звании коллег Ротшильда, Блейхредера и Круппа. Некоторые экономисты зачисляют в капитал решительно все, что облегчает

труд или делает его более производительным, например, государство, знания человека, его дух.

Ясно, что подобные всеобщие определения ведут лишь к общим местам, которые, может быть, очень поучительны в детских букварях, но нисколько не облегчают нам познания форм человеческого общества, его законов и движущих сил. Маркс первый изгнал из области политической экономии эти общие места, которые до него пользовались в некоторых ее разделах почти неограниченным господством. В особенности это наблюдалось при изложении свойств и качеств капитала.

Мы видели, что капитал есть стоимость, приносящая прибавочную стоимость, а его общая формула такова: **Д—Т—(Д+д)**. Уже из этой последней вытекает вывод, который подтверждается фактами, а именно, что деньги есть та форма, с которой каждый новый капитал начинает свое движение. Из этой же формулы явствует также, что движение капитала необходимым образом обусловливает его превращение из денежной формы в разнообразные формы товаров, равно как и обратное превращение из этих форм в деньги.

Мы видим из этой формулы также, что не всякие деньги и не всякий товар являются капиталом, что они становятся капиталом лишь в том случае, если они проделывают определенное движение. Но для этого движения опять-таки необходимы особые исторические предпосылки, с которыми мы еще познакомимся. А деньги, которые я отдаю, покупая предмет потребления, например хлеб или сюртук, столь же мало выполняют функцию капитала, как и товар, который я сам произвел и затем продаю.

Конечно, средства производства, накопленный труд и т. п. образуют вещественное содержание капитала, но только при известных обстоятельствах. Отвлекаясь от этих обстоятельств, мы тем самым отвлекаемся от особенностей современного способа производства и напускаем на них туман, при котором можно сочинять что угодно. Поэтому все ученые и неученые представители капитализма ничего не хотят знать ни о марксовой теории капитала, ни о теории стоимости, на которой она основана.

2. Источник прибавочной стоимости

Мы знаем теперь всеобщую формулу капитала: **Д—Т—(Д+д)**. Но мы еще не знаем, откуда происходит **д** — прибавочная стоимость. Из этой формулы как будто вытекает, что прибавочная стоимость порождается актами покупки и продажи, что она, следовательно, возникает из товарного обращения.

Такое воззрение очень популярно, но оно по большей части покоится на смешении стоимости товара с потребительной стоимостью. Смешение это особенно ярко выступает, когда утверждают, что при обмене обе стороны выигрывают, так как каждый отдает то, в чем он не нуждается, и получает то, что ему нужно. Мысль эту выражают так: «Я

отдаю вещь, обладающую для меня меньшей стоимостью, и получаю за нее такую, которая представляет для меня бо́льшую стоимость».

Такое представление о возникновении прибавочной стоимости возможно лишь тогда, когда самое понятие стоимости еще весьма смутно. Чтобы удовлетвориться такими представлениями, нужно, с одной стороны, забыть, что обмен товаров покоится как раз на различии их потребительных стоимостей, но в то же время на равенстве стоимостей товаров. С другой стороны, нужно быть столь наивным, чтобы, подобно большинству читателей вульгарных экономистов, принимать за чистую монету все, что они рассказывают, и на самом деле поверить, что, напр., коммерческие операции современного купца стоят на одинаковой ступени с первобытным обменом между дикарями. Мы знаем уже, что прибавочная стоимость возникает не на ступени простого обмена, а на ступени товарного обращения, которое совершается при посредстве денег, и что прибавочная стоимость появляется на сцену в виде избытка денег. Следовательно, о какой-либо «прибыли», которую я приобретаю, получая вещь, имеющую для меня потребительную стоимость, и отдавая вещь, не имеющую для меня такой стоимости, не может быть и речи при сделке, выражающейся формулой **Д—Т—(Д+д)**.

Здесь мы встречаемся с маневром вульгарной экономии, к которому она охотно прибегает, когда дело идет об ее главной задаче — о том, чтобы затруднить познание современных экономических отношений: она отожествляет современные явления с явлениями давно минувших времен.

Здесь мы имеем дело не с обменом, а с товарным обращением. При нормальных условиях последнее столь же мало, как и обмен, может создавать прибавочную стоимость, если всякий раз равные стоимости обмениваются на равные же стоимости.

Но допустим, что законы товарного обращения нарушены. Представим себе, что владельцы товаров получили привилегию продавать товары с надбавкой в цене 10% против их первоначальной стоимости. Теперь портной продает сюртук не за 30, а за 33 марки. Но—увы!—за бочонок вина, который он раньше покупал за 30 марок, он теперь должен уплатить также 33 марки. Таким образом, он не выиграл ничего.

Мы можем сделать еще одну попытку объяснить возникновение прибавочной стоимости. Предположим, что не все, а только некоторые товаровладельцы умеют покупать товары ниже, а продавать — выше их стоимости. Купец покупает у крестьянина 40 центнеров картофеля, стоящие 100 марок, за 90 марок, а продает их портному за 110 марок. В конце оборота в руках у купца оказывается бо́льшая стоимость, чем была в начале его. Но общая масса всех имеющихся налицо стоимостей остается при этом прежней. Мы имели вначале стоимость в 100 марок (у крестьянина) +90 марок (у купца) +110 марок (у портного) =300 марок; в конце: 90 марок (у крестьянина) + 110 марок (у купца) +100 марок (у портного) =300 марок.

Стало быть, бо́льшая стоимость в руках купца оказалась не в результате увеличения стоимости вообще, а в результате уменьшения стоимости в руках других. Если я пожелаю назвать такую увеличенную стоимость прибавочной стоимостью, то я с таким же правом могу дать это название и той стоимости, которую вор непосредственно крадет из чужого кармана.

Впрочем, исторически присвоение прибавочной стоимости началось именно этим способом — путем присвоения чужой стоимости либо в процессе товарного обращения торговым капиталом, либо совершенно открыто, вне этого процесса, ростовщическим капиталом. Но оба эти вида капитала стали возможны лишь благодаря нарушению законов товарного обращения, — благодаря открытому и грубому нарушению его основного закона, гласящего, что стоимости обмениваются лишь на равные стоимости. Поэтому капитал, пока он существовал лишь в форме торгового и ростовщического капитала, стоял в противоречии к экономическому строю своего времени, а вместе с тем также и в противоречии к его моральным воззрениям. В древности, равно как и в средние века, торговля и, особенно, ростовщичество пользовались дурной репутацией; они одинаково клеймились как античными языческими философами, так и отцами церкви, как папами, так и реформаторами.

Если мы захотим представить тип млекопитающих, то не возьмем за образец утконоса, кладущего яйца. Точно так же, если мы хотим познать капитал, представляющий экономическую основу современного общества, то не должны исходить из его, так сказать, допотопных форм — ростовщического и торгового капитала. Лишь после того как возникает другая, высшая форма капитала, возникают также и последующие звенья, которые приводят функции торгового и ростовщического капитала в соответствие с законами господствующей ныне формы товарного производства. Лишь с этого времени эти функции перестают носить неизбежный доселе характер простого мошенничества и прямого грабежа. Торговый и ростовщический капитал могут быть поняты только после того, как мы изучим основную форму капитала настоящего времени.

Теперь понятно, почему Маркс в первых двух томах «Капитала» совсем не касался торгового и ростовщического капитала: томы эти посвящены исследованию основных законов капитала.

Нам нечего, стало быть, останавливаться долее на обеих упомянутых формах капитала.

В качестве вывода мы должны лишь установить тот факт, что прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения. Ни покупка, ни продажа не создают прибавочной стоимости.

Но, с другой стороны, прибавочная стоимость не может также возникнуть и вне области товарного обращения. Товаровладелец может изменить форму товара при помощи труда и придать ему, таким образом, новую стоимость, которая опреде-

ляется количеством затраченного на него общественно необходимого труда, но стоимость первоначального товара вследствие этого не увеличится; последний не приобретет таким путем никакой прибавочной стоимости. Если ткач покупает шелк стоимостью в 100 марок и перерабатывает его в шелковую материю, то стоимость этой материи будет равна стоимости шелка плюс стоимость, созданная трудом ткача. Стоимость шелка как такового этим трудом нисколько не будет увеличена.

Таким образом, мы стоим перед странной загадкой: прибавочная стоимость не может быть порождена товарным обращением, но она не может также возникнуть и вне его сферы.

3. Рабочая сила как товар

Присмотримся поближе к всеобщей формуле капитала. Она гласит: **Д—Т—(Д+д)**. Она слагается из двух актов: **Д—Т**, покупка товара, и **Т—(Д+д)**, его продажа. По законам товарного обращения стоимость **Д** должна быть равна **Т**, а **Т** равно **Д+д**. Но это возможно лишь тогда, когда **Т** само увеличивается, т. е. когда **Т** есть товар, который в процессе своего потребления производит бо́льшую стоимость, чем какою он сам обладает.

Загадка прибавочной стоимости разрешается, как только мы найдем товар, чья потребительная стоимость обладает специфическим свойством быть источником стоимости, чье потребление есть созидание стоимости, так что формула **Д—Т—(Д+д)** в применении к нему примет такой вид: **Д—Т...(Т+т)—(Д+д)**.

Но мы знаем, что стоимость товаров создается только трудом. Следовательно, приведенная выше формула может осуществиться лишь в том случае, если рабочая сила становится товаром.

«Под рабочей силой, или работоспособностью, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает конкретный организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости». («Капитал», I, 110.)

Рабочая сила должна появиться на рынке в качестве товара. Что это значит? Мы видели выше, что предпосылкой обмена товаров служит право товаровладельцев на совершенно свободное распоряжение своими товарами. Следовательно, собственник рабочей силы — рабочий — должен быть свободным человеком, если его рабочая сила должна стать товаром. Для того, чтобы его рабочая сила могла оставаться товаром и в будущем, рабочий должен продавать ее не навсегда, а на определенный срок: иначе он становится рабом и превращается из товаровладельца в товар.

Еще одно условие должно быть выполнено, раз рабочая сила должна стать товаром. Как мы видели, для того, чтобы потребительная стоимость могла стать товаром, она не должна быть потребительною стоимостью для своего владельца. Точно так

же и рабочая сила должна перестать быть потребительной стоимостью для рабочего, раз она должна появиться на рынке в качестве товара. Но потребительная стоимость рабочей силы состоит в производстве других потребительных стоимостей. Предпосылкой такого производства является обладание необходимыми средствами производства. Если рабочий обладает средствами производства, он не продает своей рабочей силы. Он сам применяет ее и продает продукты своего труда. Чтобы рабочая сила стала товаром, рабочий должен быть отделен от средств производства и прежде всего от важнейшего из них — земли.

Рабочий должен быть свободным во всех отношениях, свободным от всякой личной зависимости, а также свободным и от всех необходимых средств производства. Таковы те предварительные условия, которые необходимы для того, чтобы владелец денег мог превратить их в капитал. Эти предварительные условия не даются природой. Они свойственны не всякому обществу. Они представляют результат длительного исторического развития. Только сравнительно поздно они получают такое распространение, что оказываются в состоянии решающим образом влиять на весь строй общества. История существования современного капитала начинается с XVI века.

Мы знаем теперь товар, создающий прибавочную стоимость. Как же велика его собственная стоимость?

Она определяется, подобно стоимости всякого другого товара, рабочим временем, общественно необходимым для ее производства, а следовательно, и воспроизводства.

Рабочая сила предполагает существование рабочего. Чтобы поддерживалось это существование, необходима известная сумма средств к жизни. Следовательно, рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, равняется рабочему времени, общественно необходимому для производства такой суммы средств к жизни.

Ряд обстоятельств определяет величину этой суммы. Чем больше расходуется рабочая сила рабочего, чем дольше и напряженнее он работает, тем больше средств к жизни требует он, чтобы восстановить затрату энергии, чтобы быть в состоянии работать завтра точно так же, как он работал вчера.

С другой стороны, потребности рабочего класса в различных странах различны, соответственно естественным и культурным особенностям каждой страны. Норвежский рабочий нуждается в большей сумме средств к жизни, чем индусский; пища, одежда, жилище, топливо и пр., в которых нуждается первый для поддержания своего существования, требуют большего количества рабочего времени для своего производства, чем средства к жизни индусского рабочего. Далее: в такой, скажем, стране, где рабочие ходят босиком или ничего не читают, их потребности ограниченнее, чем там, где они, при тех же климатических и иных естественных условиях, более развиты, где они носят [illegible] книги и газеты.

«Итак, — говорит Маркс, — в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент». («Капитал», I, 113.)

Затем, как известно всякому, рабочий смертен. Но капитал хочет быть бессмертным. Для этого необходимо, чтобы рабочий класс был бессмертен, чтобы рабочие размножались. Следовательно, сумма средств к жизни, необходимых для поддержания рабочей силы, включает в себя также и средства к жизни, необходимые для существования детей (а иногда и жены) рабочего.

Наконец, к издержкам производства рабочей силы надо причислять также и издержки на ее образование, издержки, требующиеся для достижения известной искусности в определенной отрасли труда. Впрочем, для большинства рабочих эти издержки ничтожно малы.

Все эти обстоятельства обусловливают то, что стоимость рабочей силы рабочего класса в определенной стране и в определенное время есть величина определенная.

До сих пор мы говорили не о цене, а о стоимости; не о прибыли, а о прибавочной стоимости. Точно так же и здесь нужно иметь в виду, что мы говорим о стоимости рабочей силы, а не о заработной плате. Однако уже здесь необходимо указать на одну особенность, которая наблюдается при оплате рабочей силы. По взглядам вульгарных экономистов, капиталист платит рабочим авансом, так как он в большинстве случаев платит рабочему раньше, чем успеет продать продукт его труда. В действительности же именно рабочий дает свой труд капиталисту в кредит.

Допустим, некто покупает картофель, чтобы употребить его на производство водки. При этом он платит за картофель лишь после того, как уже приготовил из него водку, но раньше, чем ее продал. Не смешно ли было бы, если бы он стал утверждать, что уплачивает крестьянину авансом цену его картофеля, так как платит ему прежде, чем успевает продать водку? Наоборот, крестьянин кредитует его ценой своего картофеля на тот срок, пока он не приготовит водки.

Если мы говорим, что платим наличными, то это значит, что мы уплачиваем за товар, как только покупаем его. Купцы не мало подивились бы нашей экономической мудрости, если бы мы стали утверждать, что тот, кто оплачивает их товары лишь после того, как они будут потреблены, не только платит наличными, но даже платит им деньги авансом. Однако вульгарные экономисты до сих пор осмеливаются преподносить рабочим подобный вздор.

Если бы у рабочих их товар — рабочая сила — покупался за наличные, то он оплачивался бы в тот самый момент, когда он переходит в распоряжение капиталиста, т. е. в начале каждой недели, а не в конце ее. При нынешней же системе оплаты рабочие не только рискуют своей заработной платой, но и вынуждены жить в долг и вследствие этого безропотно сносить всевозможную фальсификацию и подделку средств к

жизни, приобретаемых в мелочной лавке. Чем длиннее сроки расчета, тем хуже приходится рабочим. Двухнедельный, а то и месячный сроки расплаты — это тяжкое бремя, лежащее на наемном рабочем.

Но какова бы ни была система уплаты заработка рабочим, рабочий и капиталист при нормальных условиях всегда противостоят друг другу в качестве двух товаровладельцев, обменивающих равные стоимости одна на другую. Движение капитала совершается отныне уже не вопреки законам товарного обращения, а на основании этих законов.

Следовательно, рабочий и капиталист противостоят друг другу как свободные и равные, независимые один от другого лица; как таковые, они принадлежат к одному и тому же классу, они — братья. Рабочий и капиталист обменивают равные стоимости одна на другую: царство справедливости, свободы, равенства и братства — тысячелетнее царство счастья и мира кажется наступившим вместе с воцарением системы наемного труда. Бедствия порабощения и тирании, эксплоатации и кулачного права остались там, позади.

Так возвещают нам ученые защитники интересов капитала.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА

В первом отделе мы имели дело главным образом с областью товарного рынка. Мы видели, как обмениваются, продаются и покупаются товары, как деньги выполняют самые различные функции, как, наконец, деньги превращаются в капитал, лишь только на рынке появляется товар — рабочая сила.

Капиталист купил рабочую силу и удаляется со своим новым приобретением с рынка, где ему нечего с нею делать, туда, где он может потребить ее, воспользоваться ею — на предприятие. Последуем туда и мы за ним. Оставим область товарного обращения и присмотримся поближе к области производства. С этой областью мы будем иметь дело в дальнейшем изложении.

«Потребление рабочей силы — это самый труд». («Капитал», I, 119.)

Капиталист потребляет приобретенную им рабочую силу, заставляя ее продавца работать на него, производить товары.

Труд, производящий товары, имеет, как мы уже видели в первом отделе, две стороны: он создает потребительные стоимости и стоимости товаров.

Как созидатель потребительных стоимостей, труд нисколько не является отличительной особенностью товарного производства, а наоборот постоянной необходимостью для человечества, которая существует независимо от той или иной формы общества. В качестве такового, труд предполагает три момента: 1) сознательную и целесообразную деятельность человека, 2) предмет труда и 3) средства труда.

Труд есть целесообразная и сознательная деятельность человека, воздействие его на вещество природы с тем, чтобы придать ему форму, годную для удовлетворения человеческих потребностей. Элементы такого рода деятельности мы находим уже в царстве животных, но только на известной ступени

развития человечества она окончательно теряет свою инстинктивную форму и становится вполне сознательной деятельностью. Всякий труд является не только мускульной, но и мозговой и нервной работой. Маркс метко замечает:

«Оставляя в стороне напряжение тех органов, которыми выполняется труд, целесообразная воля, выражающаяся во внимании, необходима во все время труда, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил». («Капитал», I, 120.)

Работник воздействует на какой-нибудь предмет, который является предметом труда. В своей деятельности он употребляет различные вспомогательные орудия. Он использует их механические, физические или химические свойства, заставляя их сообразно своим целям воздействовать на предмет труда. Эти вспомогательные средства являются средствами труда. Результатом обработки предмета труда с помощью средств труда является продукт. Средства труда и предмет труда представляют средства производства.

Когда столяр изготовляет стол, он подвергает при этом обработке дерево. Иногда предмет труда дается природой, как, например, дерево в первобытном лесу. Чаще же всего он является результатом предварительной затраты труда. Так, например, в данном случае он является результатом труда рубки и перевозки дерева. Тогда он получает название сырого материала. В нашем примере сырыми материалами являются дерево, а также клей, краски, лак, употребляемые при производстве стола. Дерево есть главный материал, клей, краски, лак являются вспомогательными материалами. Рубанок, пила и т. д. суть средства труда, стол является продуктом.

«Является ли известная потребительная стоимость сырым материалом, средством труда или продуктом, это всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменой этого места изменяются и ее назначения». («Капитал», I, 123—124.)

Скот может, напр., поочередно функционировать как продукт (скотоводства), как средство труда (скот, употребленный для упряжи) и как сырой материал (при откармливании на убой).

Средства труда имеют громадное значение для развития человечества. Способ производства зависит прежде всего от них, а каждый способ производства обуславливает свойственные ему общественные отношения с соответствующей юридической, религиозной, философской и художественной надстройкой.

При каждом способе производства средства производства (предметы труда и средства труда) и рабочая сила составляют необходимые элементы производства потребительных стоимостей, т. е. процесса труда. Но общественный характер этого процесса различен при различных способах производства.

Посмотрим теперь, какую форму он принимает при капиталистическом способе производства.

Для товаропроизводителя производство потребительных стоимостей представляет только средство, целью же его является производство стоимостей товаров. Товар есть единство потребительной стоимости и стоимости. Поэтому нельзя производить стоимости, не производя вместе с тем и потребительных стоимостей. Товары, которые изготовляет товаропроизводитель, должны удовлетворять какой-нибудь потребности, должны быть полезны для кого-либо, иначе он не в состоянии будет их сбыть. Но то обстоятельство, что его товары должны быть потребительными стоимостями, является для него лишь неизбежным злом, а не действительной целью его хозяйственной деятельности.

Процесс товарного производства является поэтому одновременно процессом производства потребительных стоимостей и стоимостей товаров, он представляет собою единство процесса труда и процесса образования стоимости.

Это справедливо для товарного производства вообще. Но теперь мы занимаемся рассмотрением процесса производства при особой форме товарного производства — именно производства товаров при помощи купленной рабочей силы, с целью получения прибавочной стоимости.

Какую же форму принимает тогда процесс труда?

Первое время он не испытывает существенных изменений в результате вмешательства капиталиста.

Представим себе, напр., ткача, работающего за свой счет. Его ткацкий станок принадлежит ему: он сам покупает пряжу; он может работать, когда и как ему угодно, продукт его работы составляет его собственность. Но вот он разорился и принужден продать свой станок. Чем ему теперь жить? Ему ничего не остается, как наняться к капиталисту и ткать на него. Тот покупает его рабочую силу, покупает также ткацкий станок и необходимое количество пряжи и помещает ткача за ему, капиталисту, принадлежащий станок с тем, чтобы он перерабатывал купленную пряжу. Может быть ткацкий станок, который купил капиталист, тот самый, который ткач по своей нужде должен был продать. Но и при отсутствии такого совпадения ткач ткет тем же способом, что и прежде, и процесс труда с внешней стороны не изменился.

И все-таки при этом произошло два важных изменения. Во-первых, ткач работает уже не для себя, а на капиталиста; тот контролирует теперь работника, следит за тем, чтобы он не работал слишком медленно или небрежно и т. п. И, во-вторых, продукт труда принадлежит теперь не работнику, а капиталисту.

Таково ближайшее действие, которое оказывает капитал на процесс труда, как только он завладевает процессом производства. Какой же вид принимает теперь процесс образования стоимости?

Вычислим прежде всего, какова стоимость продукта, который в качестве товара производит для капиталиста купленная им рабочая сила при посредстве купленных средств производства.

Положим, капиталист покупает рабочую силу на один день. Необходимые средства для существования работника производятся в 6 часов общественно необходимого рабочего времени. Это же количество общественно необходимого рабочего времени пусть воплощается в 3 марках. Капиталист покупает рабочую силу по ее стоимости: он платит работнику за рабочий день 3 марки [1].

Предположим, что по мнению капиталиста хлопчатобумажная пряжа представляет потребительную стоимость, на которую имеется большой спрос и которую в силу этого легко будет сбыть. Он решает производить пряжу, покупает орудия труда — ради простоты предположим, что последние состоят из одних лишь веретен и хлопка. В одном фунте хлопка содержится, положим, 2 часа труда — он стоит, следовательно, 1 марку. Из одного фунта хлопка можно выпрясть 1 фунт пряжи. При выработке 100 фунтов хлопка, положим, потребляется, изнашивается одно веретено, следовательно, при выработке 1 фунта потребляется 1/100 веретена. В одном веретене заключается 20 часов труда, или 10 марок. За один час работы прядутся 2 фунта хлопка; за 6 часов, следовательно, — 12 ф., предполагая при этом всегда нормальные, средние общественно необходимые условия производства.

Сколько стоимости будет заключаться при таких обстоятельствах в 1 фунте пряжи?

Во-первых, стоимость хлопка и веретен, потребленных при ее изготовлении. Эта стоимость целиком, не увеличиваясь и не уменьшаясь, переходит на продукт. Потребительная стоимость хлопка и веретен изменилась, их стоимость

---

[1] Приведенные здесь и ниже цифры являются, конечно, совершенно произвольными и выбраны исключительно ради большей наглядности. Это, казалось бы, должно быть само собой понятно. Но некоторые из писавших о «Капитале» изображают дело таким образом, будто бы Маркс приводил примеры вроде вышеизложенного, как факты. До чего в состоянии дойти толкователи «Капитала», можно судить по следующему: в 57-м томе «Preussische Jahrbücher» господина фон Трейчке некто д-р Штегеман поместил чрезвычайно поверхностную статью об «экономическом мировоззрении Карла Маркса». Непосредственно после того, как он «принцип стоимости» приводит как основное требование Маркса, он рассказывает (на стр. 227): «Маркс утверждает, что человеческое общество нуждалось бы только в 6 часах ежедневного труда для создания необходимых для всех средств существования, если бы только каждый работал и притом сообразно своим силам». Из всего этого нет в «Капитале» ни одного слова. Если бы господин Штегеман меньше фантазировал и читал «Капитал» с бо́льшим вниманием, то он нашел бы там на стр. 152, что Маркс, на основании числовых данных, доставленных ему одним манчестерским фабрикантом, вычислил необходимый труд, который в 60-х годах фактически должен был затратить прядильщик одной определенной прядильной фабрики. Маркс пришел к заключению, что при десятичасовом рабочем дне необходимое рабочее время прядильщика не достигает 4-х часов, остальное же рабочее время, в течение которого он производит прибавочную стоимость, составляет больше 6 часов. Мы увидим ниже, что необходимое для существования работника рабочее время представляет чрезвычайно изменчивую величину.

осталась нетронутой. Это станет ясным, если рассматривать различные процессы труда, необходимые для изготовления окончательного продукта, как следующие одна за другой части одного и того же процесса труда.

Предположим, что прядильщик является в то же время и плантатором хлопка и что хлопок перерабатывается непосредственно после его добывания. Тогда пряжа является продуктом работы плантатора и прядильщика. Ее стоимость измеряется рабочим временем, общественно необходимым для добывания хлопка и переработки его в пряжу.

В стоимости продукта не произойдет никаких изменений, если, при прочих равных условиях, процессы труда, необходимые для его изготовления, будут совершаться уже за счет не одного, а нескольких лиц. Стоимость подвергшегося переработке хлопка появится, следовательно, снова в пряже; то же самое произойдет и со стоимостью потребленных веретен. Различных вспомогательных веществ мы, ради простоты, не будем принимать здесь в расчет.

К этой перенесенной стоимости присоединяется еще стоимость, которую прибавляет к хлопку труд прядильщика. В течение одного рабочего часа, предположим, перерабатываются в пряжу 2 фунта, а 2 рабочих часа выражаются в одной марке. Час труда представляет, следовательно, стоимость в ½ марки.

Стоимость 1 фунта пряжи равна, следовательно, стоимости 1 фунта хлопка (= марке) + $\frac{1}{100}$ веретена (= 1/10 марки) + + ½ часа труда (= ¼ марки); или, выражая всю стоимость в марках, $1 + \frac{1}{10} + \frac{1}{4} = 1$ марка 35 пфеннигов.

За 6 часов будет выпрядено 12 фунтов пряжи стоимостью в 16 марок 20 пфеннигов. Но во что обошелся капиталисту этот продукт? Он должен был затратить 12 ф. хлопка = 12 марок, 12/100 веретена = 1 марка 20 пфеннигов и 1 день рабочей силы = 3 марки, а всего — 16 марок 20 пфеннигов, т. е. ровно столько, сколько он имеет в стоимости пряжи.

Итак, капиталист до сих пор, следовательно, напрасно заставлял работника трудиться. Купленный им товар — рабочая сила — пока не доставил ему никакой прибавочной стоимости.

Но капиталист не смущается. Он купил потребительную стоимость рабочей силы на весь день. Он купил ее честно и правильно, по ее полной стоимости. Значит он имеет полное право целиком и без остатка использовать всю ее потребительную стоимость. Ему и в голову не придет сказать работнику: «Я купил твою рабочую силу за сумму денег, выражающую 6 рабочих часов; ты работал на меня 6 часов, мы стало быть квиты, ты можешь итти». Напротив, он говорит ему: «Я купил твою рабочую силу на весь день, в течение всего дня она принадлежит мне; поэтому живо снова за работу, пока ты в силах, не теряя ни одного мгновения времени — ведь это время

принадлежит не тебе, а мне». И он заставляет рабочего работать не 6 часов, а больше, — скажем, 12 часов.

По истечении следующих шести часов, в конце рабочего дня он снова подсчитывает итог. Теперь он обладает 24 ф. пряжи стоимостью в 32 марки 40 пфеннигов. Издержки же его таковы: 24 ф. хлопка = 24 марки, 24/100 веретена = 2 марки 40 пфеннигов и 1 рабочая сила = 3 марки — всего 29 марок 40 пфеннигов. С улыбкой закрывает он свою счетную книгу. Он выиграл, или, по его выражению, «заработал» 3 марки.

Он заработал, приобрел прибавочную стоимость, не нарушив законов товарного обращения. Хлопок, веретена, рабочая сила — все это куплено по их стоимости. Если он приобрел прибавочную стоимость, то только потому, что он потребил купленные им товары—потребил, разумеется, не как средства наслаждения, а как средства производства, — а также потому, что потребительную стоимость купленной им рабочей силы он потребил выше известного предела.

Процесс производства, при системе товарного производства, всегда является процессом образования стоимости, независимо от того, совершается ли он с помощью купленной или же собственной рабочей силы. Но только тогда, когда процесс образования стоимости продолжается дальше известного предела, он становится и творцом прибавочной стоимости и в качестве такового — процессом возрастания стоимости. Процесс производства должен продолжаться дальше того пункта, до которого он необходим для производства стоимости, равной стоимости купленной рабочей силы, если целью его является производство прибавочной стоимости.

И крестьянин, обрабатывающий свое собственное поле, и ремесленник, работающий за свой собственный счет, могут работать сверх того времени, которое они вынуждены работать для воспроизведения потребляемых ими средств существования. И они могут, следовательно, производить прибавочную стоимость, и их труд может представлять процесс возрастания стоимости. Но только когда процесс возрастания стоимости совершается с помощью купленной чужой рабочей силы — он является капиталистическим процессом производства; этот последний по самой природе своей, по той цели, которая ему ставится, в силу необходимости является процессом возрастания стоимости.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОЛЬ КАПИТАЛА В ОБРАЗОВАНИИ СТОИМОСТИ

В первой главе первого отдела мы познакомились с установленным впервые Марксом различием, касающимся двойственного характера труда, производящего товары. С одной стороны, этот труд представляет собой определенную форму

полезной, производящей потребительные стоимости, работы. С другой стороны, он представляет собой общечеловеческий, средний простой труд, производящий стоимости товаров.

Соответственно этому двойственному характеру труда и самый производственный процесс при господстве товарного производства раздвоен. Он есть единство процесса труда и процесса образования стоимости. В качестве же капиталистического процесса производства он представляет единство процесса труда и процесса возрастания стоимости.

В последней главе мы познакомились с обоими элементами процесса труда: средствами производства и рабочей силой. Но мы познакомились также и с различными ролями, какие играют оба эти элемента, в качестве частей капитала, в процессе возрастания стоимости. Мы видели, что средства производства совсем иначе принимают участие в образовании стоимости продукта, чем рабочая сила.

Мы нашли, что стоимость издержанных средств производства снова появляется в стоимости произведенного продукта. Перенесение этой стоимости происходит в процессе труда и при посредстве труда.

Но почему это возможно? Труд должен выполнять одновременно двойную задачу, — создавать новую стоимость и переносить старую. Это можно понять, лишь приняв во внимание двойственный характер труда, о котором мы только что упомянули. В качестве образующего стоимость общечеловеческого труда он создает новую стоимость. В качестве же производящей потребительную стоимость особенной формы полезной работы он переносит на продукт стоимость средств производства.

Только при помощи особенной формы работы — прядения — может быть перенесена стоимость хлопка и прялки на пряжу. Напротив того, прядильщик имеет возможность ту стоимость, которую он создает в качестве прядильщика, создавать и путем иной формы работы, например, в качестве столяра. Но тогда он уже не производит пряжи и не переносит, следовательно, стоимости хлопка на пряжу.

Двойственный характер труда, как создающего стоимость и как переносящего стоимость, станет особенно ясным, если мы рассмотрим, как влияют изменения производительности труда на образование стоимости и на перенесение стоимости. Величина стоимости, создаваемой в течение одного рабочего часа, не изменяется, если при прочих равных условиях производительность труда возрастает или падает. Напротив, количество потребительных стоимостей, производимых в течение определенного промежутка времени, возрастает или падает вместе с производительностью труда. Следовательно, в той же степени возрастает или уменьшается и способность труда к перенесению стоимости.

Допустим, например, что какое-нибудь изобретение удвоит производительность труда

водительность труда в производстве хлопка остается прежней. Положим, в одном фунте хлопка содержится 2 рабочих часа, так что он стоит, придерживаясь прежнего примера, 1 марку. Раньше в течение одного часа превращалось в пряжу 2 фунта хлопка, а теперь — 4 фунта. Та же самая новая стоимость — согласно нашему примеру — 50 пфеннигов, — которая раньше прибавлялась к 2 фунтам в течение одного рабочего часа, теперь прибавится к 4 фунтам. Но теперь в течение одного часа труд прядильщика переносит на пряжу уже двойную стоимость: раньше — 2 марки, теперь — 4.

Как видим, способность труда сохранять или переносить стоимость основывается на ином его свойстве, чем способность его создавать стоимость.

Никакое производство немыслимо без средств производства. Поэтому всякий труд, производящий товары, является не только производящим стоимость, но и сохраняющим стоимость. Притом не в том только смысле, что он переносит на продукт стоимость потребленных средств производства, но и в том, что он предохраняет стоимость последних от уничтожения.

Все земное — преходяще, и средства производства рано или поздно разрушаются, хотя бы они и не употреблялись. Некоторые из них, как, например, различные машины, портятся тем скорее, чем дольше они бездействуют. А вместе с потребительной стоимостью средств производства исчезает также и их стоимость. Если потребление происходит нормальным образом в процессе производства, то стоимость, теряемая средствами производства, снова появляется в стоимости продукта. Если же средства производства уничтожаются, не будучи употреблены в процессе производства, то их стоимость исчезает безвозвратно.

Капиталист обыкновенно не обращает внимания на эту сторону труда, но она дает ему себя очень осязательно чувствовать, когда он, например, вследствие кризиса, оказывается вынужденным прервать процесс производства. Маркс приводит в пример одну английскую бумагопрядильню, которая определила свой годовой убыток, вызванный хлопковым кризисом 1862 г., в 120 000 марок, в том числе 24 000 марок вследствие порчи машин.

Различные средства производства играют, впрочем, различную роль в процессе перенесения стоимости. Одни, как, например, сырье и вспомогательные материалы, теряют в процессе труда свою самостоятельную форму. Другие же сохраняют при этом свой вид. Хлопок, превращенный в пряжу, теряет свой вид, тогда как прялка, которая прядет, нисколько его не теряет. Первые отдают в каждом процессе производства всю свою стоимость продукту, последние же — только часть ее. Если машина стоит 1 000 марок и при нормальных условиях изнашивается в течение 1 000 дней, то в каждый рабочий день она передает произведенному за это время с ее помощью продукту стоимость в одну марку.

Здесь перед нами снова выступает двойственный характер процесса производства. Каким образом может машина передавать 1/1000 своей стоимости определенному продукту? Ведь при изготовлении последнего находится в действии не 1/1000 машины, но вся она. Такие возражения действительно делались. На них приходится ответить, что вся машина фигурирует в процессе производства лишь постольку, поскольку последний является процессом труда. Напротив, поскольку он оказывается процессом возрастания стоимости, в нем участвует лишь соответствующая часть машины. В качестве потребительной стоимости в процессе участвует вся машина; в качестве же стоимости — лишь часть ее. В качестве потребительной стоимости машина входит целиком в каждый производственный процесс, в качестве же стоимости — только в некоторой своей части.

С другой стороны, в продукт может быть перенесена вся стоимость данного средства производства, но лишь часть его тела. Предположим, например, что для производства 100 фунтов пряжи требуется при нормальных условиях 115 фунтов хлопка. Количество отбросов равняется в нашем случае 15 фунтам. В таком случае в 100 фунтов пряжи переносится лишь 100 фунтов хлопка. Однако, в стоимость 100 фунтов пряжи переносится стоимость 115 фунтов хлопка.

В процессе труда средства производства переносят на изготовляемый продукт точно такую же стоимость, какую они при этом теряют сами. Они никогда не могут прибавить к нему стоимость бо́льшую той, какою они сами обладают, как бы огромна ни была их потребительная стоимость. Совершенно бессмысленны поэтому попытки вульгарных экономистов вывести прибавочную стоимость и ее превращенные формы — процент, прибыль, земельную ренту — из потребительной стоимости средств производства, из их «услуг».

Стоимость израсходованных в процессе производства средств производства возрождается в неизменном виде в стоимости продукта.

Но труд не только сохраняет стоимость, — он создает новую стоимость. Вплоть до известного момента труд, создающий новую стоимость, лишь возмещает стоимость, затраченную капиталистом на покупку рабочей силы. Когда же труд продолжается дольше указанного момента, он начинает производить излишек стоимости — прибавочную стоимость.

«Итак, — говорит Маркс, — та часть капитала, которая превращается в средства производства, т. е. в сырой материал, вспомогательные материалы и средства труда, в процессе производства не изменяет величины своей стоимости. Поэтому я называю ее постоянной, неизменяющейся частью капитала, или, короче, постоянным капиталом.

Напротив, та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того

излишек, прибавочную стоимость, которая в свою очередь может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю ее переменной частью капитала, или, короче, переменным капиталом. Те самые составные части капитала, которые с точки зрения процесса труда различаются как объективные и субъективные факторы, как средства производства и рабочая сила, с точки зрения процесса увеличения стоимости различаются как постоянный капитал и переменный капитал». («Капитал», I, 145.)

Разумеется, величину стоимости постоянного капитала следует принимать за постоянную лишь по отношению к процессу возрастания стоимости.

Процесс производства, в котором применяется постоянный капитал, не изменяет величину его стоимости. Но она может, разумеется, испытывать на себе влияние других факторов. Равным образом может изменяться и отношение между постоянным и переменным капиталом. К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СТЕПЕНЬ ЭКСПЛОАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Возьмем для примера капитал, скажем, в 5 000 марок. Разделим его на две части — на денежную сумму, затрачиваемую на закупку средств производства, — постоянный капитал — c, который мы примем равным 4 100 марок, и на другую сумму, которая служит для закупки необходимой рабочей силы, — переменный капитал v, который пусть будет равен 900 марок.

Постоянный капитал, в свою очередь, распадается на две части: сырые материалы и пр., стоимость которых целиком переносится на продукт, и орудия и пр., которые при каждом отдельном процессе производства передают продукту лишь часть своей стоимости. В последующем изложении мы не будем, однако, принимать во внимание это различие, так как оно, нисколько не изменяя результатов, только осложняло бы задачу. Итак, мы предполагаем ради простоты, что стоимость всего затраченного капитала сполна переносится на продукт.

Капиталист покупает средства производства и рабочую силу и пускает их в ход. В конце процесса производства стоимость затраченного капитала увеличивается на сумму прибавочной стоимости m, которая равна 900 марок. Стало быть, теперь капиталист имеет $c+v+m = 4\,100 + 900 + 900 = 5\,900$ марок. Из этой суммы 4 100 марок составляют перенесенную стоимость, а $900 + 900$ марок — вновь созданную.

Ясно, что величина стоимости постоянного капитала не оказывает никакого влияния на величину произведенной прибавочной стоимости. Конечно, без средств производства немыслимо

производство, и чем продолжительнее процесс производства, тем больше их требуется. Поэтому для производства определенного количества прибавочной стоимости требуется приложение определенной массы средств производства, которая определяется техническим характером процесса труда. Но величина стоимости этой массы не имеет никакого влияния на величину прибавочной стоимости.

Если я занимаю 300 рабочих, причем дневная стоимость рабочей силы каждого равна 3 маркам, а стоимость, которую каждый создает в течение одного дня, равна 6 маркам, то эти 300 рабочих произведут в течение одного дня стоимость, равную 1 800 маркам, из которых 900 марок будут составлять прибавочную стоимость, — независимо от того, какова будет стоимость потребленных ими средств производства, — 2 000, 4 000 или 8 000 марок.

Образование стоимости и изменение ее величины в процессе производства совершенно не зависит от стоимости авансируемого постоянного капитала. Поскольку поэтому перед нами стоит задача изучить оба эти процесса в их чистом виде, мы можем совершенно отвлечься от постоянного капитала, предположить, что он равен нулю.

Итак, из всего капитала, затраченного на производство, мы будем здесь принимать во внимание только переменную часть v, а из стоимости продукта — только стоимость, вновь созданную трудом. Она равна стоимости затраченного переменного капитала плюс прибавочная стоимость, $v+m$. Отношение прибавочной стоимости к затраченному переменному капиталу равняется в нашем случае 900 : 900, или 100%.

Этот относительный прирост переменного капитала или относительную величину прибавочной стоимости Маркс называет нормой прибавочной стоимости. Ее нельзя, как это часто делают, смешивать с нормой прибыли. Прибыль имеет источником прибавочную стоимость; но она не есть прибавочная стоимость.

Чтобы произвести в течение рабочего дня стоимость, равную стоимости своей рабочей силы, т. е. равную v, рабочий должен проработать известное время, — по нашему прежнему предположению 6 часов. Это рабочее время необходимо для поддержания жизни самого рабочего. Маркс называет его необходимым рабочим временем.

Ту же часть дня, в течение которой рабочий работает сверх необходимого рабочего времени и не возмещает стоимость своей рабочей силы, а создает прибавочную стоимость для капиталиста, Маркс называет прибавочным, избыточным рабочим временем, а труд, затраченный в течение этого времени, — прибавочным трудом.

Прибавочный труд находится в том же отношении к необходимому труду, как прибавочная стоимость к переменному капиталу. Следовательно, норму прибавочной стоимости можно выразить через $\frac{m}{v}$, или $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$.

Прибавочная стоимость овеществляется в продукте, который Маркс называет прибавочным продуктом. Поэтому ее отношение к переменному капиталу может быть изображено также в виде отношения одной части продукта к другой его части. Однако при анализе этого отношения, где дело идет не о вновь созданной стоимости, а о готовом продукте, мы уже не можем, как прежде, игнорировать постоянный капитал, составляющий часть стоимости продукта.

Предположим, что в течение 12-часового рабочего дня рабочим производится 20 фунтов пряжи стоимостью в 30 марок. Стоимость превращенного в пряжу хлопка равняется 20 маркам (20 фунтов по 1 марке). Износ прялки и т. п. составляет 4 марки; стоимость рабочей силы — 3 марки. Норма прибавочной стоимости пусть будет равна 100%. Таким образом, стоимость пряжи, составляющая 30 марок, равна 24 маркам (c) + 3 марки (v) + 3 марки (m); эта стоимость воплощается в 20 фунтах пряжи, т. е. постоянный капитал воплощается в 16 фунтах, переменный — в 2 фунтах, а прибавочная стоимость — также в 2 фунтах.

20 фунтов пряжи производятся в течение 12 час., иначе говоря — в течение 1 часа производится $1\frac{2}{3}$ фунта. 16 фунтов, в которых воплощается стоимость постоянного капитала, произведены в течение 9 часов 36 минут, 2 фунта, содержащие стоимость переменного капитала, — в течение 1 часа 12 минут, равно как и те 2 фунта, в которых воплощается прибавочная стоимость.

По нашему подсчету выходит как будто, что прибавочная стоимость производится не в течение 6 часов, как мы предположили, а в течение 1 часа 12 минут. Именно такой подсчет и производят фабриканты, пытаясь доказать, будто их прибыль производится в течение последнего рабочего часа. Поэтому — утверждают они — если сократить рабочее время хотя бы на один только час, то получение прибыли станет совершенно невозможным, и промышленность будет разорена.

Уже в 1836 г. такой расчет английские фабриканты и их ученые и неученые адвокаты, с Сениором во главе, выдвигали против всякого законодательного ограничения рабочего времени. Тот же самый аргумент был подогрет и снова пущен в ход в Германии и Австрии для борьбы против ограничения рабочего дня. И это несмотря на то, что фактический опыт Англии самым решительным образом доказал полную несостоятельность подобного аргумента. В Англии в различных отраслях промышленности рабочий день был сокращен законодательным путем, — мы еще возвратимся к этому вопросу ниже, — и это не только не пошатнуло промышленность, но даже не уменьшило сколько-нибудь заметно барышей господ фабрикантов.

Вся приведенная аргументация покоится на смешении потребительной стоимости с стоимостью. В последний час, действительно, производится потребительная стоимость

2 фунтов пряжи, но не их стоимость. Ведь 2 фунта пряжи не появились вдруг из ничего. В них содержится не только 1 час 12 минут труда прядильщика, но и стоимость 2 фунтов сырого материала. А по нашему предположению (1 фунт пряжи = = 1 марке, 1 марка = 2 рабочим часам) в 2 фунтах хлопка воплощены 4 рабочих часа. Сверх того, прялка и т. п. передает 2 фунтам пряжи стоимость, произведенную в течение 48 минут общественно необходимого рабочего времени.

Следовательно, для изготовления 2 фунтов пряжи, произведенных в течение 1 часа 12 минут, в действительности требуется шесть рабочих часов. Если бы рабочий в нашем примере действительно производил в течение 1 часа 12 минут всю прибавочную стоимость, которая представляет продукт стоимостью в 6 часов, то он должен был бы оказаться в состоянии в течение 12-часового рабочего дня создать стоимость, соответствующую 60 рабочим часам. И находятся люди, которые верят таким бессмыслицам, рассказываемым господами фабрикантами!

Так как отголосок этого аргумента мы и поныне находим в некоторых кругах, то следует осветить еще одну из его сторон. Вычислим, какова была бы норма прибавочной стоимости в случае сокращения рабочего дня с 12 до 11 часов при указанных выше условиях[1].

В этом случае у нас будет уже не 24 марки постоянного капитала, а только 22, так как теперь перерабатывается меньше ($18^1/_3$ фунтов хлопка=$18^1/_3$ марки, износ прялки и пр. только $3^2/_3$ марки); к этому надо присоединить переменный капитал в 3 марки (мы предполагаем, что заработная плата за 11 часов остается та же, что и раньше за 12 часов) и прибавочную стоимость в $2^1/_2$ марки. Таким образом, норма прибавочной стоимости равняется уже не 100, а $83^1/_3$ процента.

Мы получаем в виде продукта всего $18^1/_3$ фунта пряжи стоимостью в $27^1/_2$ марки. Постоянный капитал воплощен в $14^2/_3$ фунта, переменный — в 2 фунтах, прибавочная стоимость — в $1^2/_3$ фунта; $14^2/_3$ фунта производятся в течение 8 часов 48 минут, 2 фунта — в течение 1 часа 12 минут и, наконец, то количество пряжи, в котором содержится прибавочная стоимость,— в течение 1 часа.

Стало быть, благодаря сокращению рабочего времени на один час время, затраченное на производство прибавочного продукта, воплощающего в себе прибавочную стоимость, сокра-

---

[1] Мы предполагаем при этом, что сокращение рабочего времени с 12 до 11 часов сопровождается также и понижением производительности труда на 1/12. В действительности же это отнюдь не обязательно. Обычно сокращение рабочего времени сопровождается повышением энергии, ловкости, напряженности, внимания, понимания, словом — работоспособности рабочего. Эта работоспособность может возрасти до такой степени, что рабочий в течение более короткого времени начинает производить больше, нежели прежде, когда он работал более долгое время. Впрочем, с этим следствием сокращения рабочего времени мы в данном случае не будем считаться,— ради простоты мы не принимаем его во внимание.

тилось не на час, а только на 12 минут. Расчет фабрикантов основан на нелепом допущении, что в течение 11 часов будет выработано продукта на $^1/_{12}$ меньше, тогда как средств производства (сырых материалов и пр.) будет потреблено столько же, как и в течение 12 часов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И ПРИБЫЛЬ

Между прибавочной стоимостью и прибылью существует такое же различие, как и между стоимостью и ценой.

Практик — продавец или покупатель товаров — интересуется их ценой. Его интересуют только законы цен, потому что их знание может помочь его коммерческим расчетам и спекуляциям. Лежащие же в основании цен законы стоимости интересуют, напротив, только теоретика, для которого вопрос сводится не к тому, чтобы подешевле купить и подороже продать, а чтобы исследовать общественные связи, устанавливаемые товарным производством.

Точно так же капиталиста-практика интересует не прибавочная стоимость, а прибыль. Он не собирается исследовать отношения между капиталом и трудом, а хочет получать возможно бо́льшую прибыль. Ему совершенно безразлично, какой затратой труда создается его прибыль. Ведь не его трудом она создается. Но деньги, затрачиваемые при этом, принадлежат ему. Поэтому он сопоставляет полученную прибавочную стоимость не с количеством израсходованного при ее производстве труда, а с количеством затраченных для этой цели денег.

Если процесс создания прибавочной стоимости изображается формулой Д—Т—(Д+д), то капиталист измеряет свою прибыль отношением д к Д. Это отношение не тождественно с $\frac{m}{v}$, т. е. с отношением прибавочной стоимости к переменному капиталу. Денежная сумма, которую капиталист должен затратить на производство, должна быть достаточной не только для покрытия расходов по заработной плате, но также и для оплаты фабричных зданий, машин, сырья, вспомогательных материалов, короче — всего того, что Маркс называет «постоянным капиталом».

Уже вследствие одного этого обстоятельства даже в тех случаях, когда прибавочная стоимость и прибыль совершенно совпадают, норма прибыли отличается от нормы прибавочной стоимости. Если норму прибавочной стоимости выразить формулой $\frac{v}{m}$, то норма прибыли выразится отношением $\frac{c+v}{m}$

Заметим еще, что во многих производствах, особенно в сельском хозяйстве, год составляет естественный производственный период, по истечении которого производство начинается сызнова. Поэтому установилось обыкновение вычислять норму прибыли в виде отношения всего количества годовой прибыли к количеству капитала, затраченного в течение того же года на производство.

Совершенно ясно, что норма прибыли должна разниться от нормы прибавочной стоимости.

В предыдущей главе мы взяли в виде примера капитал в 5 000 марок, из которых 4 100 составляют постоянный, 900 — переменный капитал и 900 — прибавочную стоимость. Норма прибавочной стоимости составляла, следовательно, $\frac{900}{900}$ или 100%. Норма же прибыли в этом случае равна $\frac{900}{5\,000}$ или 18%.

Но между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли кроме этого чисто формального различия, основанного на ином способе расчета, существует еще другое различие.

Очевидно, что одна и та же норма прибавочной стоимости даст различные нормы прибыли, если меняется состав капитала, т. е. если на то же количество заработной платы приходятся различные количества постоянного капитала. Но состав капитала неизбежно различен в разных отраслях производства в зависимости от технических условий и высоты развития техники.

«Состав капитала по стоимости, поскольку он определяется его техническим составом и отражает этот последний, мы называем органическим составом капитала... капиталы, которые содержат бо́льший процент постоянного, и, следовательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал, мы называем капиталами высшего состава. Наоборот, капиталы, в которых постоянный капитал занимает относительно меньшее, а переменный относительно большее место, чем в среднем общественном капитале, мы называем капиталами низшего состава. Наконец, капиталами среднего состава мы называем такие, состав которых совпадает с составом среднего общественного капитала». («Капитал», III, 93, 107.)

Теперь посмотрим, как складывается норма прибыли в зависимости от различного состава капитала.

Возьмем три предприятия в трех разных отраслях производства.

Первая отрасль является, предположим, технически отсталой. В ней употребляется мало машин сравнительно с числом рабочих, нет больших фабричных зданий и т. д. Это — производство с низшим органическим составом капитала. Вторая отрасль пусть будет со средним составом, а третья — настолько высоко развита, что на каждого рабочего приходится большое количество стоимости в виде материалов и строений. Следовательно, в этом производстве органический состав будет высокий.

Чтобы возможно более упростить пример, допустим, что во всех трех отраслях производства норма прибавочной стоимости одинакова, что весь затраченный капитал делает один оборот в год, т. е. целиком потребляется в производстве в течение года, что продукт получается в конце года и затем без остатка распродается. Все это — лишь предположения, едва ли встречающиеся в действительности, но целесообразно к ним прибегнуть во избежание ненужного осложнения и затемнения примера.

В каждом из трех предприятий занято по 100 рабочих, получающих в год заработной платы по 1 000 марок. Норма прибавочной стоимости составляет 100%. Общая сумма выданной заработной платы равна, следовательно, 100 000 марок, а прибавочная стоимость также равняется 100 000 марок. Постоянный капитал в предприятии *A* составляет 100 000 марок, в предприятии *B* — 300 000 марок и, наконец, в *C* — 500 000 марок.

Таким образом, мы имеем:

Предприятие	Капитал			Прибавочная стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли
	Переменный	Постоянный	Весь			
A	100 000	100 000	200 000	100 000	100%	50%
B	100 000	300 000	400 000	100 000	100%	25%
C	100 000	500 000	600 000	100 000	100%	16,6%
Всего . . .	300 000	900 000	1 200 000	300 000	100%	25%

Итак, при одинаковой норме прибавочной стоимости нормы прибыли весьма различны, если товары продаются точно по их стоимостям.

Но такие различия в нормах прибыли представляют собой явление, которое не может в течение продолжительного времени существовать при капиталистическом способе производства. Ведь капиталист производит ради прибыли, а не для удовлетворения какой-либо общественной потребности. Ему безразлично, производить ли иголки или локомотивы, ваксу или одеколон. Ему всего важнее получить возможно больше прибыли на свои деньги.

Что же случится, если в одной отрасли производства предприятия будут давать 50% прибыли, а в другой — только 17%? Капитал начнет избегать отрасль *C*, насколько это возможно, и будет со всею энергией устремляться в отрасль *A*. Внутри *A* возникнет сильная конкуренция, и производство товаров в этой отрасли скоро расширится до того, что капиталы снова начнут переходить в *C*.

Мы вступаем здесь в область конкуренции, в область спроса и предложения. Мы уже видели, что стоимость и цена — две различные вещи, хотя последняя определяется первой. Цены отклоняются от стоимости и стоят то выше, то ниже последних. В ряду причин, вызывающих это явление, важнейшей является колебание в спросе со стороны покупателей и в предложении со стороны продавцов.

При господстве свободной конкуренции спрос и предложение являются регуляторами современного способа производства. Без них производство впало бы в самую разнузданную анархию, так как оно не регулируется планомерно, а ведется как совокупность частных предприятий, из которых каждое производит по усмотрению своего владельца или руководителя. Спрос и предложение обусловливают такое распределение существующих рабочих сил между различными отраслями производства, при котором в общем каждая из них производит столько, сколько требует общество при данных условиях.

Конечно, это верно лишь в общем, а не в частности, не в каждом отдельном случае. Наоборот, при отсутствии планомерности в современном способе производства всегда производится то слишком много, то слишком мало того или другого товара. Только вслед за тем рост или падение спроса и предложения, повышение или понижение цен приводят к тому, что производство сокращается или расширяется в зависимости от потребностей общества.

Положим, какого-нибудь товара произведено больше, чем могут или желают купить платежеспособные члены общества по данной цене, определяемой в конечном счете стоимостью товара. Тогда цена товара падает. Благодаря этому расширяется круг тех членов общества, которые могут или хотят его купить.

Но вместе с ценой понижается и прибыль. Если она падает ниже среднего уровня, то капитал отливает из соответствующей отрасли. Производство сокращается. Вследствие этого цена снова повышается до тех пор, пока не достигнет высоты, соответствующей среднему уровню прибыли.

Наоборот, если произведено меньше товара, чем соответствует спросу покупателей, и цена его поднимается выше указанного уровня, то вместе с нею поднимается и прибыль. Капитал притягивается данной отраслью производства, приливает к ней. Производство расширяется, и затем цены снова снижаются до уровня, дающего среднюю прибыль.

Около этого уровня цены колеблются непрерывно, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже его. Только посредством такого волнообразного движения устанавливается этот уровень, который всегда существует лишь в качестве тенденции, стремления, а не в качестве устойчивого состояния.

Такое влияние спроса и предложения должно также противодействовать и тому неравенству нормы прибыли, которое проистекает из неравенства органического состава капитала.

В отрасли *C* производство начнет сокращаться, цены, а с ними и прибыли — повышаться. В отрасли *A* производство будет

расти, а цены — понижаться. И то, и другое будет продолжаться до тех пор, пока прибыли не выравняются и не достигнут средней высоты, соответствующей всему общественному производству. Мы предположили, что *B* представляет средний органический состав капитала, а следовательно, его норма прибыли — среднюю норму прибыли. Тогда прибыли распределяются в наших трех предприятиях следующим образом:

Предприятие	Весь капитал	Прибавочная стоимость	Норма прибавочной стоимости	Норма прибыли	Прибыль
A	200 000	100 000	100%	25%	50 000
B	400 000	100 000	100%	25%	100 000
C	600 000	100 000	100%	25%	150 000
Всего . . .	1 200 000	300 000	100%	25%	300 000

Такое уравнение нормы прибыли оказалось возможным только потому, что товарные цены отклоняются от стоимости товаров. По нашему предположению весь затраченный капитал оборачивается в течение одного года и воплощается в стоимости годового продукта. Получаем теперь следующее соотношение между стоимостью и ценой годового продукта каждого предприятия:

Предприятие	Весь капитал	Прибав. стоимость	Стоимость продукта (издержки производства + прибавочная стоимость)	Прибыль	Цена производства всего продукта (издержки производства + прибыль)
A	200 000	100 000	300 000	50 000	250 000
B	400 000	100 000	500 000	100 000	500 000
C	600 000	100 000	700 000	150 000	750 000
Всего . . .	1 200 000	300 000	1 500 000	300 000	1 500 000

Предположим, что годовой продукт каждого предприятия равен 10 000 штук товара; в таком случае мы будем иметь для каждой единицы товара:

	A	*B*	*C*
Стоимость	30 руб.	50 руб.	70 руб.
Цена производства . . .	25 „	50 „	75 „

В действительности дело происходит не так, что, скажем, каждый капиталист сначала получает прибавочную стоимость полностью и капиталисты в одной отрасли получают 50% прибыли, а в другой — только 17%. Подобное различие наблюдается только при начале капиталистического способа производства, а ныне — только в тех областях и отраслях промышленности, которыми капитализм впервые овладевает.

В развитом капиталистическом производстве образуется некоторый обычный средний уровень прибыли. Этот уровень капиталисты заранее кладут в основу расчета при калькуляции цен. Конечно, это не исключает того, что они пользуются всяким случаем, чтобы повысить цены за эти пределы, считая в то же время убытком понижение цены и, стало быть, более низкую норму прибыли.

Эта цена, определяемая издержками производства (вложенным переменным и постоянным капиталом), к которым прибавляется «обычная для данной страны» прибыль, представляется капиталисту «естественной» ценой. Маркс называет ее ценой производства. Она состоит из издержек производства (суммы переменного и постоянного капитала) и средней прибыли.

Не стоимость, а цена производства образует при развитом капиталистическом способе производства тот уровень, вокруг которого волнообразно колеблются рыночные цены под влиянием спроса и предложения. Но сама цена производства не падает с неба, — она имеет своей основой стоимость.

Противники теории стоимости Маркса охотно утверждают, будто Маркс сам опроверг свою теорию, развитую в первом томе «Капитала», доказав в третьем томе, что, вследствие стремления прибылей к уравнению, при развитом капиталистическом производстве цены большей части товаров надолго отклоняются от своих стоимостей, причем цены одной половины этих товаров в течение долгого времени стоят настолько же ниже своих стоимостей, насколько цены другой половины стоят выше. Но говорить об опровержении Марксом его теории стоимости можно было бы только в том случае, если бы он показал, что цены не зависят от стоимостей.

Но он не только не устанавливает этого,— третий том «Капитала», напротив, доказывает, что цены производства, вокруг которых колеблются рыночные цены, находятся в полнейшей зависимости от закона стоимости, без которого они были бы необъяснимы.

Тот самый фактор, который вызывает отклонение цен производства от стоимостей,— средняя прибыль может быть сама объяснена только на основе законов прибавочной стоимости, которые, в свою очередь, вытекают из законов стоимости. Если мы не допустим, что общая наличная масса прибавочной стоимости в обществе равна общей массе прибыли с ее разновидностями (процент, земельная рента, рассмотрением которых мы здесь не будем заниматься), то мы потеряем всякую возможность

объяснить, почему при данных условиях средняя норма прибыли представляет данную определенную величину.

Закон стоимости не упраздняется тем, что при развитом капиталистическом производстве между стоимостью и ценой появляется новое посредствующее звено в виде средней нормы прибыли и находящейся от нее в зависимости цены производства. Если на этом основании признать закон стоимости несостоятельным, то надо признать несостоятельным и закон падения, так как в воде падающее тело встречает большее сопротивление, чем в воздухе.

Марксова теория цены производства неотделима от его теорий стоимости и прибавочной стоимости. Она не только не является приведением этих теорий к абсурду, она, напротив, составляет их завершение. Теория цен производства дает нам ключ к ряду явлений, лежащих в основе взаимоотношений господствующих классов, — к противоречиям между капиталом (прибылью) и землевладением (земельной рентой), между промышленным капиталом (промышленной прибылью) и денежным капиталом (процентом) и т. д. Больше того, она дает нам ключ к пониманию ряда теорий стоимости, а вместе с тем к их опровержению, так как эти теории стоимости представляют собой в сущности лишь теории цен производства, объявляемых ими конечной основой рыночных цен.

Здесь уместно бросить взгляд на те теории стоимости, которые отрицают определение стоимости трудом. О них всех, как и о вышеупомянутых теориях, можно сказать, что они — вовсе не теории стоимости, что они под стоимостью понимают нечто такое, что вовсе не является стоимостью: потребительную стоимость, цену производства, среднюю цену.

Могут, конечно, сказать: всякий теоретик имеет право понимать под стоимостью все, что ему угодно. Следует, дескать, считаться лишь с тем, правильно ли его объяснение того, что́ он понимает под стоимостью, или нет. А будет ли это теория потребительной стоимости, цены или чего-нибудь иного — это не имеет значения.

Однако ни в одной другой науке подобное мнение не было бы принято всерьез. Оно было бы отвергнуто, как совершенно ненаучное и наивное. Возьмем в качестве примера атомную теорию.

Что бы мы сказали по поводу утверждения, будто каждый исследователь волен понимать под атомом все, что хочет, хотя бы это была молекула или клетка; будто раз он дает правильную теорию клетки, то безразлично, называет ли он свой вывод атомной теорией или как-нибудь иначе. Ему тотчас ответили бы, что когда говорят об атоме, то речь идет не о голом названии, которое можно давать по произволу то той, то иной вещи, а о совершенно определенных явлениях, объяснением которых должна служить атомная теория,— явлениях, которые, между прочим, лежат в основе образования молекулы или клетки. Можно принимать или отвергать атомную теорию, т. е. объяснять данные явления посредством этой теории или как-нибудь

иначе, но было бы грубой научной ошибкой называть атомом продукт тех процессов, которые, согласно данной теории, обусловливаются расположением атомов. Никогда нельзя смешивать основное явление с производным.

В естествознании невозможны никакие сомнения на этот счет. Явления, рассматриваемые политической экономией, сложнее, но и она должна удовлетворять тем же требованиям, как и естествознание. Законом стоимости должны быть объяснены совершенно определенные общественные отношения и явления, и неуместно называть законами стоимости и трактовать, как таковые, законы других отношений и явлений, обусловленных стоимостью.

Явление, которое всякая теория стоимости хочет и должна объяснить, есть обмен двух товаров. Общественное отношение, которое она хочет и должна объяснить, есть отношение между двумя товаровладельцами, обменивающимися своими товарами. Явление обмена товаров, из которого развивается затем купля-продажа, есть основное явление. Это — пружина, приводящая в движение весь хозяйственный механизм современного общества. Поэтому всякое объяснение этого механизма должно исходить из исследования закона, управляющего обменом товаров, а это как раз и есть закон стоимости. Если бы мы понимали под законом стоимости объяснение какого-либо иного явления, то закону, лежащему в основании обмена товаров, необходимо было бы дать особое название. Но этого не делает ни одна из теорий стоимости. Следовательно, каждая из них хочет объяснить именно это явление.

Но если мы не будем упускать из виду то явление, которое должен объяснить закон стоимости, то легко поймем, что необходимо прежде всего строго различать потребительную стоимость и меновую стоимость и не считать их равнозначащими на том лишь основании, что в каждый из них входит слово стоимость. Некоторые теории стоимости выводят стоимость из полезности вещи: чем она полезнее, тем выше ее стоимость. Это верно, если под более высокой стоимостью понимать бóльшую потребительную стоимость, но неверно, если понимать под этим бóльшую меновую стоимость.

Потребительная стоимость или полезность вещи означает отношение между отдельным человеком,— потребителем,— и этой вещью, а не общественное отношение, не отношение между двумя людьми, каким является отношение обмена. Или этим хотят сказать, что одинаково полезные вещи будут обмениваться одна на другую в одинаковых количествах? Но обмен или продажа по большей части состоит в том, что каждый продавец отдает вещи, не имеющие для него никакой потребительной стоимости, никакой полезности.

Когда булочник и его семья сыты, то выпеченный ими хлеб, который они продают, не имеет для них уже никакой потребительной стоимости. Если бы булочник не нашел для него потребителя, то ему нечего было бы с ним делать.

Напротив, тот же хлеб для проходящего мимо рабочего, который в этот день еще ничего не ел, может иметь огромную потребительную стоимость. Меновая же стоимость хлеба для обеих сторон одинакова.

Допустим, что проходящий мимо рабочий—корзинщик, который разносит для продажи свои корзины. Булочник нуждается в корзине; последняя представляет для него большую потребительную ценность, а для рабочего — никакой. У последнего дома — целая куча корзин, ему самому не нужных. Он охотно отдаст корзины за определенное количество хлеба. Но в каком отношении будут обмениваться корзины и хлеб, если их владельцы будут исходить из полезности? Сколько караваев хлеба столь же полезны для корзинщика, как одна корзина — для булочника? Ясно, что совершенно невозможно сравнить между собой полезность двух различных потребительных стоимостей. Между ними невозможно установить количественное отношение. Если корзинщик получит за свою корзину 5 караваев хлеба, то было бы нелепо говорить, что корзина в пять раз полезнее или (в этом смысле) обладает в пять раз большей стоимостью, чем один каравай хлеба. Полезность различных товаров несоизмерима.

Разумеется, за разными единицами одного и того же вида товаров можно признать бо̀льшую или меньшую степень потребительной стоимости. Прочная пара ботинок имеет бо̀льшую потребительную стоимость, чем менее прочная, и я охотно заплачу за нее дороже, если только у меня есть в кармане деньги. Бутылка иоганнисбергского вина имеет бо̀льшую потребительную и меновую стоимость, чем бутылка шпандауского или грюнебергского. Итак, можно подумать, что потребительная стоимость все же является элементом стоимости товаров.

Но так только кажется. Если бы бо̀льшая потребительная стоимость обусловливала и бо̀льшую меновую стоимость, можно было бы спросить: почему каждый производитель не производит товаров только наилучшего сорта? Почему каждый сапожник не выделывает только самую шикарную обувь? Почему каждый винодел не выделывает лишь самые лучшие сорта вина?

Ответ прост. Лучшее качество ботинок есть следствие либо лучшего материала, который стоит больше труда и денег, либо—лучшей работы, т. е., при средней искусности рабочего, большей затраты труда. Вследствие этого, а не вследствие более высокой потребительной стоимости, прочные ботинки дороже. Известно выражение, что самые дорогие товары всегда дешевле, т. е. их потребительная стоимость превышает потребительную стоимость товаров низших сортов в гораздо большей степени, чем их стоимость превышает стоимость последних. Пара ботинок ценою в 12 марок, быть может, проносится вдвое дольше, чем пара за 10 марок.

Более высокая цена некоторых сортов вина основана на том, что соответствующие сорта винограда родятся лишь в определенных местах. В этом случае закон стоимости вообще теряет

силу, так как мы натыкаемся здесь на монополию[1]. А закон стоимости предполагает наличие свободной конкуренции.

Всюду, где разница в качестве товаров одного и того же рода вызывает и разницу в ценах, эта последняя разница обусловлена либо различием в затрате труда, либо существованием монополии.

Другие теории стоимости смешивают стоимость с ценой. Они объясняют стоимость отношением между спросом и предложением. На самом деле спрос и предложение объясняют только, почему цена определенного товара всегда колеблется вокруг своей стоимости (или цены производства). Но они не объясняют, почему цена одного товара всегда в среднем на столько-то выше, чем цена другого, почему, скажем, в течение столетий фунт золота был в среднем в 13 раз дороже, чем фунт серебра.

Как только теория, объясняющая стоимость спросом и предложением, хочет объяснить эти постоянные различия цен разных товаров, ей не остается ничего иного, как стыдливо прибегнуть к теории трудовой стоимости. На вопрос, почему один товар постоянно оказывается настолько-то дороже другого, она отвечает, что это происходит от его большей редкости; последнее вызывает то, что предложение этого товара постоянно меньше, чем предложение других товаров. Однако для того, чтобы доставить на рынок более редкий товар в том же количестве, как и другой, который встречается чаще, требуется больше труда.

Не будет большой разницы сказать, что фунт золота потому в 13 раз дороже фунта серебра, что оно встречается в 13 раз реже, или же потому, что добывание фунта золота стоит в 13 раз больше труда, чем добывание фунта серебра. Если теоретик не становится на точку зрения простого купца, которого интересует только цена товаров на рынке, а не то, каким образом они ее приобрели,— если он захочет глубже вникнуть в дело и исследовать, каким образом произведены те товары, которые вынесены на рынок, то он всегда найдет, что стоимости товаров определяются процессом производства, что они создаются на производственном предприятии, а не на рынке. Конечно, для буржуазных теоретиков рынок в большинстве случаев ближе, чем предприятие, и поэтому они, как правило, не понимают теории трудовой стоимости.

---

[1] Это неверно. Закон стоимости сохраняет силу и при господстве монополии. Еще в условиях домонополистического капитализма Маркс указывал, что «если бы уравнение прибавочной стоимости в среднюю прибыль встретило в различных сферах производства препятствие в виде искусственных или естественных монополий, и в частности в виде монополии земельной собственности, так что сделалась бы возможной монопольная цена, превышающая цену производства и стоимость товаров, на которые распространяется действие монополии, то даже и в этом случае не были бы уничтожены границы, определяемые стоимостью товаров. Монопольная цена известных товаров лишь перенесла бы часть прибыли производителей других товаров на товары с монопольной ценой». («Капитал», III, 621—622.) Именно это и происходит в эпоху империализма, экономическая суть которого заключается в господстве монополий. Марксистский анализ империализма, как монополистического капитализма, дан Лениным, продолжен и развит Сталиным.— Ред.

На рынке стоимость только превращается в деньги, в цену; сначала — в воображаемые деньги, в требование определенной цены, а потом — и в настоящие деньги, если товар продается. Чем больше развивается капиталистическое хозяйство, тем больше появляется посредствующих звеньев между предприятием и рынком, между производителем и продавцом товара потребителю, тем значительнее могут быть обусловленные этим уклонения реально достигнутой цены от теоретически определяемой стоимости. Однако это не мешает тому, что стоимость товаров в конечном счете всегда определяется условиями производства и что цена всегда остается зависимой от последнего, хотя бы эта зависимость была далеко не прямой.

Капиталисты-практики сами определяют стоимость товаров условиями производства последних. Впрочем, под этими условиями они понимают не рабочее время, общественно необходимое для изготовления товаров, а издержки производства (заработную плату, затраты на машины, сырье и т. д.) плюс средняя прибыль.

Вслед за ними и целый ряд теоретиков утверждает, что стоимость определяется издержками производства.

Но что правильно с точки зрения капиталиста-практика, то нелепо с точки зрения теории. Ведь задача теории состоит не в том, чтобы вычислять нормальную цену в каждом отдельном случае, а в том, чтобы раскрыть конечные причины общественных явлений капиталистического способа производства.

Прежде всего, что такое издержки производства? Определенная сумма денег. Следовательно, они уже наперед предполагают деньги. Определение стоимости посредством издержек производства означает, таким образом, что стоимость должна быть объяснена при помощи денег, а не наоборот. Мы подходим к вопросу не с того конца.

Издержки производства представляют собой данную сумму стоимостей,— стоимость рабочей силы (заработную плату), стоимость средств производства, прибыль. Из этой суммы стоимостей и объясняется стоимость. Мы видим, что такое определение стоимости вращается в порочном кругу.

Возьмем какого-нибудь товаропроизводителя, скажем ткача-крестьянина, о котором мы предполагаем, что он производит все сам. Он сам добывает себе жизненные припасы, а также сырье, лен, который прядут его дочери. Он же сам мастерит ткацкий станок из собственного дерева. Каковы у этого человека издержки производства? У него нет никаких денежных расходов, его продукт стоит ему только труда, ничего кроме труда.

Сделаем следующий шаг к более высокой ступени производства — к ткачу-ремесленнику. Ему уже приходится производить и денежные затраты; у него уже есть издержки производства. Он должен купить ткацкий станок, пряжу, а также и жизненные припасы. Это — его издержки производства. Но по ним ли он будет высчитывать стоимость произведенного им полотна? В таком случае его ремесло едва ли окажется пресловутым золотым дном. Оно не принесет ему никаких излишков, которые

можно было бы отложить про запас. При этом часть его издержек производства, именно расходы на жизненные припасы и на ткацкий станок, останется неизменной, будет ли он работать 4 или 12 часов в день. Разве он на этом основании не станет расценивать продукт 12 часов выше, чем продукт 4 часов, — независимо от количества сырья? Мы видим, что и он будет причислять к издержкам на материал также и свой труд, как фактор, образующий стоимость.

Лишь для капиталиста дело примет иной вид. Ему продукт вовсе не стоит труда, а только денег. Он оплачивает деньгами не только средства производства, но и труд. Следовательно, для него все условия производства сводятся к денежным затратам. Эти последние и кажутся ему образующими стоимость. Но он сделал бы удивленное лицо, если бы его стали уверять, что стоимость его продукта равна сумме, затраченной им на производство. Он не для того ведет производство, чтобы только выручить свои денежные затраты для нового производства. Он хочет получить и прибыль. В этом и состоит причина, по которой он вообще пускает деньги в производство, а не расходует их на личное потребление. Поэтому к издержкам производства он причисляет еще «обычную для данной страны» прибыль. Определенная таким образом цена есть минимальная цена, которую он должен получить, по крайней мере, для того, чтобы не «работать», как он выражается, себе в убыток.

По представлению капиталиста, прибыль принадлежит к издержкам производства, определяющим стоимость продукта. Но эта «стоимость» оказывается не чем иным, как тем, что в теории Маркса носит наименование цены производства. А цена производства сама может быть понята только с помощью закона стоимости.

Потребительная стоимость, рыночная цена, цена производства,— таковы категории, выдвигаемые в качестве «стоимости» теориями, отличными от теории трудовой стоимости. Это — либо такие категории, которые, как потребительная стоимость, связаны с меновой стоимостью лишь в том смысле, что представляют ее предпосылку, но не определяющее ее основание; либо такие, которые исходят из меновой стоимости,—как, например, цена производства или рыночная цена. Эти последние не объясняют менового отношения, а, наоборот, предполагают его объясненным для того, чтобы они сами могли быть объяснены.

Теории эти довольствуются тем, что принимают представления покупателей и продавцов, капиталистов о своих коммерческих операциях за действительную основу этих операций. Эти теоретики воображают, что дают научное объяснение явления, если они собирают и повторяют мысли практиков о нем. Но для этого не нужно науки. Последняя должна вскрывать самые глубокие основы общественных явлений и отношений, которые зачастую вовсе не доходят до сознания участников или доходят лишь в неполном, а часто и в совершенно искаженном виде

Из вышеназванных теорий стоимости ближе всего подходит к истине та, которая ищет основу стоимости в издержках производства. Но она терпит крушение на вопросе о средней прибыли. Ни одна теория стоимости, кроме теории трудовой стоимости, не может объяснить, чем определяется величина средней прибыли, почему она составляет при определенных условиях, скажем, 10%, а не 100 или 1 000%. Другие теории удовлетворяются тем, что либо оправдывают, либо объясняют психологически присвоение прибыли. Но ни глубокомысленнейшая философия права, ни тончайшая психология не могут объяснить, откуда прибыль происходит, как она создается.

Для понимания общественных отношений теория прибыли имеет величайшее значение. Однако мы здесь все-таки не можем ею больше заниматься, так как должны вернуться к теории прибавочной стоимости. Теория прибыли есть теория распределения добычи — прибавочной стоимости — между различными слоями господствующих классов. Именно промышленный или сельскохозяйственный капиталист заставляет производить прибавочную стоимость, но он не в состоянии удержать ее целиком.

Ему приходится не только уступать часть прибавочной стоимости другим капиталистам, вложившим свои капиталы в отрасли производства с более высоким органическим составом капитала в том случае, если он вкладывает свой капитал в отрасль производства с низким органическим составом капитала. Этого процесса уравнения он не замечает и нисколько им не интересуется. Но он замечает очень хорошо, что ему приходится уплатить часть своей прибыли денежному капиталисту, у которого он взял деньги взаймы, в качестве процентов на капитал; часть — отдать купцу в виде торговой прибыли; наконец, если у него сельскохозяйственное предприятие, то ему приходится уступить часть прибавочной стоимости в качестве земельной ренты землевладельцу, если он арендатор; если же он сам землевладелец, — уплатить процент за капитал, который он затратил на покупку своего имения.

Однако, как бы ни были важны все эти отношения, нас интересует здесь прежде всего отношение между капиталистом и рабочим. Притом — не между отдельным капиталистом и отдельным рабочим, а между классом капиталистов и рабочим классом. А для исследования этого отношения теория прибыли не нужна,— она скорее способна затемнить его, так как объясняет зависимость величины прибыли от ряда обстоятельств, которые не имеют ничего общего с отношением между капиталом и трудом.

Однако, какой бы вид ни приобретала прибыль отдельного капиталиста, ее величина в конечном счете зависит от величины прибавочной стоимости, т. е. от степени эксплоатации наемных рабочих. Это относится прежде всего к совокупности капиталистов, так как вся сумма прибыли равнозначаща всей сумме прибавочной стоимости.

Не на основании законов прибыли, а на основании законов прибавочной стоимости учимся мы пониманию классовых про-

тиворечий и классовой борьбы между капиталом и трудом, а также и пониманию своеобразия капиталистического способа производства.

Итак, в дальнейшем мы снова будем говорить лишь о стоимости и прибавочной стоимости, исходя из того предположения, что цена равна стоимости, а прибыль — прибавочной стоимости. Мы должны будем здесь оставить в стороне среднюю норму прибыли и цены производства, подобно тому, как при вычислении закона падения оставляют в стороне сопротивление воздуха [1].

Конечно, на практике должны быть принимаемы во внимание и те моменты, которые здесь оставлены без рассмотрения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Необходимое и прибавочное рабочее время вместе составляют рабочий день.

Необходимое рабочее время при данных условиях — определенной высоте производительности труда, потребностей рабочего класса и пр.— составляет определенную величину. В нашем примере мы принимаем эту величину равной 6 часам. Разумеется, рабочий день ни при каком способе производства не может быть короче необходимого времени. А при капиталистическом способе производства он должен быть длиннее этого последнего. Чем длиннее прибавочное рабочее время, тем больше — при прочих равных условиях — норма прибавочной стоимости. Поэтому стремления капиталиста клонятся к тому, чтобы как можно больше растянуть рабочий день. Охотнее всего он заставил бы рабочего трудиться непрерывно в течение 24 часов в сутки [2].

К величайшему его огорчению, этого нельзя практиковать в течение сколько-нибудь длительного времени. Рабочий истомится вконец, если ему не будет предоставлен некоторый перерыв для отдыха, сна, обеда. Но капиталист заботится, по крайней мере, о том, чтобы максимально сократить эти перерывы и

---

[1] Это противопоставление законов прибыли законам прибавочной стоимости, утверждение, будто теория прибыли не нужна для объяснения отношения между буржуазией и пролетариатом,— в корне неверно. Маркс указывает, что солидарность всего класса капиталистов в деле эксплоатации рабочего класса объясняется «не только в силу общей классовой симпатии, но и непосредственно экономически; потому что,— предполагая данными все прочие условия, в том числе стоимость всего авансированного постоянного капитала,— средняя норма прибыли зависит от степени эксплоатации всего труда всем капиталом». («Капитал», III, 132.) — Ред.

[2] Австрийской парламентской анкетой 1883 г. о положении рабочих было констатировано, что в некоторых прядильнях Брюнна работа производится непрерывно с утра субботы до утра воскресенья. Эта постыдная практика, к сожалению, не ограничивается одним только Брюнном и одними только прядильнями.

в течение всего остального времени иметь рабочего в своем полном распоряжении.

Рабочую силу невозможно, однако, отделить от рабочего. Поэтому все то время, в течение которого капиталисту принадлежит потребительная стоимость рабочей силы, ему принадлежит также и личность рабочего. Каждая минута рабочего времени, которую рабочий тратит на себя, кажется капиталисту кражей его собственного капитала [1].

Но именно потому, что рабочая сила и рабочий нераздельно связаны друг с другом, интересы последнего требуют возможно большего сокращения рабочего времени. В продолжение процесса производства он является лишь частью капитала. При капиталистическом способе производства он тогда лишь становится человеком, когда перестает работать. Однако, помимо такого морального мотива, существует также и материальный мотив в пользу сокращения рабочего дня.

Капитал стремится к тому, чтобы получить больше, чем ему следует по правилам товарного обмена. Когда капиталист покупает дневное рабочее время по его стоимости, то ему принадлежит его потребительная стоимость только на один день. Иными словами, он в праве пользоваться рабочей силой в течение дня лишь настолько, чтобы это не повредило ее восстановлению.

Если кто-нибудь покупает урожай с яблони и при этом, желая выжать побольше прибыли, не только срывает с дерева яблоки, но и срубает сучья, чтобы использовать их на дрова, то он нарушает заключенный им договор: на следующий год дерево уже не сможет принести столько плодов, как прежде. Точно так же обстоит дело и в том случае, когда капиталист заставляет рабочего работать чрезмерно долго: это возможно лишь за счет работоспособности рабочего и продолжительности его жизни.

Если в результате чрезмерной работы период трудоспособности рабочего сокращается с 40 до 20 лет, то это означает не что иное, как то, что капитал в продолжение одного дня потреблял в среднем потребительную стоимость двух рабочих дней. Он оплачивал рабочему его рабочую силу за один день и брал рабочую силу двух дней. Капиталист проповедует рабочему бережливость и аккуратность и в то же время принуждает

---

[1] Английские рабочие,—и не одни английские, конечно,—превосходно умеют высмеивать ту расчетливость, с которой капиталист наблюдает за тем, чтобы рабочий ничего не оттягивал у него из купленного им рабочего дня. Так, рассказывают анекдот о некоем владельце каменоломни, что у него один рабочий преждевременно взорвавшейся миной был выброшен на воздух, но благодаря случайности упал на землю невредимым. При расчете предприниматель вычел с него за время, проведенное им в воздухе, как за прогульное. Нечто подобное действительно имело место при постройке водопровода в Кротоне в штате Нью-Йорк. Надо было пробуравить гору. От взрывов в туннелях распространялись удушливые газы, приводившие рабочих в бесчувствие и делавшие их некоторое время (менее чем на час) неработоспособными. За это время у них производился вычет из заработной платы. В Цюрихском кантоне один фабрикант-бабник вычитывал из заработной платы работниц за то время, которое они проводили у него в кабинете.

его расточать свое единственное достояние — свою рабочую силу [1].

Здесь речь идет о капиталисте не как о частном лице, а как о представителе капиталистического способа производства, выполняющем заповеди последнего, — безразлично, побуждает ли его к этому личная жадность или конкуренция.

Перед нами встает тут противоположность между интересами рабочего класса и класса капиталистов. Первый пытается по мере возможности сократить рабочий день, последний — удлинить его. Результатом этой противоположности интересов обоих классов является борьба, продолжающаяся и поныне, но начавшаяся столетия тому назад и имеющая величайшее историческое значение. В этой борьбе трудящиеся пролетарии познали солидарность своих интересов. Она была основной побудительной причиной к конституированию рабочих в класс, к развитию рабочего движения как политического движения. И эта политическая борьба имела своим следствием политический же результат — государственное регулирование продолжительности рабочего дня, законодательное ограничение рабочего дня.

В Англии, родине современной промышленности, условия и причины этой борьбы развились всего раньше и всего резче, — поэтому и самая борьба разгорелась там раньше, чем где бы то ни было.

«Английские фабричные рабочие были профессиональными борцами не только английского, но и всего современного рабочего класса; точно так же, как их теоретики первые бросили вызов теории капитала». («Капитал», I, 220.)

Нигде нельзя так ясно проследить борьбу за продолжительность рабочего дня и ее причины, как в Англии. В этой стране пресса, парламентские дебаты и анкетные комиссии, равно как и официальные отчеты, особенно фабричных инспекторов, доставили богатый материал, подобного которому нельзя найти в других странах. Когда Маркс заканчивал первый том «Капитала» (в 1866 г.), материал этот был единственным.

Поэтому Маркс дал подробное описание борьбы за нормирование рабочего дня, разыгравшейся в Англии. Картина, нарисованная им, дополняется книгой Энгельса о «Положении рабочего

---

[1] Маркс цитирует следующее место из статьи д-ра Ричардсона в «Social Science Review» за 1863 г.: «В Marylebone (один из самых больших городских кварталов Лондона) смертность кузнецов составляет 31 на 1 000 ежегодно, что на 11 превышает среднюю смертность взрослых мужчин Англии. Занятие, представляющее почти инстинктивное искусство человека, само по себе безукоризненное, становится вследствие чрезмерного труда разрушительным для человека. Он может делать такое-то количество ударов молотом в день, такое-то количество шагов, совершать столько-то дыхательных движений, исполнять такую-то работу и прожить в среднем, скажем, 50 лет. Его принуждают делать больше на столько-то ударов, проходить на столько-то шагов больше, на столько-то учащать дыхание, и это в общей сложности увеличивает его жизненную задачу на одну четверть. Он делает попытку в этом направлении и в результате оказывается, что в продолжение ограниченного периода он действительно увеличивает производимую им работу на одну четверть и умирает в 37 лет вместо 50». («Капитал», I, 182—183.)

класса в Англии». Эта книга охватывает период времени до 1844 г., а книга Маркса — до 1866 г. Несмотря на это, выводы Энгельса и Маркса относительно борьбы за нормирование рабочего дня представляют и теперь еще не только исторический интерес.

Описываемое ими положение, подвохи, увертки и интриги капитала с целью возможно больше удлинить рабочий день или сделать призрачным его вынужденное сокращение, отношение политических партий и рабочего класса к этим махинациям, — все это настолько типично, что позднейшее развитие отношений на континенте явилось точной копией развития Англии. Отношения, описанные Энгельсом восемьдесят, а Марксом — шестьдесят лет назад, еще и теперь живы в Германии. Скудный материал, доставленный в последние годы частными исследованиями и официальными отчетами о германской и австрийской промышленности, служит живой иллюстрацией к выводам «Капитала».

Маркс говорит в своем предисловии, что он уделил «столь значительное место истории, содержанию и результатам английского фабричного законодательства» («Капитал», I, XV) в первом томе своего труда потому, что одна нация может и должна учиться у другой и что господствующим классам их собственные ближайшие интересы настоятельно повелевают устранить всякие юридические ограничения, задерживающие развитие рабочего класса. Нарисованная Марксом картина положения английских рабочих не осталась совсем без результата. Факты, собранные им, были до того потрясающи и до того неоспоримы, что они не преминули произвести впечатление не только на рабочий класс, но и на мыслящих представителей господствующих классов. Успехами фабричного законодательства в Швейцарии, Австрии и Германии мы обязаны в значительной степени влиянию «Капитала».

Однако число мыслящих представителей буржуазии, не погрязших в классовых предрассудках, очень невелико, а политическое значение рабочего класса еще весьма незначительно, и преобладающее впечатление, которое мы выносим от чтения исследований Маркса относительно фабричного законодательства, есть не чувство удовлетворения достигнутым, а чувство стыда за колоссальное невежество, которое и поныне господствует в отношении фабричного законодательства. Только этим объясняется тот факт, что в европейских парламентах до сих пор во всеуслышание высказываются взгляды, которые уже давно опровергнуты жизнью и позабыты в Англии — этой «стране манчестерства», на которое у нас так любят фарисейски поглядывать свысока.

Подробное изложение главы «Капитала», трактующей о рабочем дне, здесь невозможно.

Мы рекомендуем каждому, кому это доступно, проштудировать главы «Капитала», где детально изображено положение тех отраслей английской промышленности, в которых рабочий день не ограничен законом, где даны картины ночной работы,

системы смен и, наконец, борьбы за нормальный рабочий день[1]. Нет лучше оружия для борьбы за фабричное законодательство, чем восьмая и тринадцатая главы «Капитала».

Вообще в области государственного регулирования рабочего дня в Англии можно проследить два противоположных течения. Начиная с XIV и до конца XVII века издаются законы с целью удлинения рабочего дня. С начала же XIX века законодательство направлено к его сокращению.

В начале развития капиталистического способа производства капитал был слишком слаб, чтобы одной лишь силой экономических отношений выжимать из рабочего достаточное количество прибавочной стоимости. Еще в XVIII веке в Англии раздавались жалобы на то, что промышленные рабочие работают лишь четыре дня в неделю и в течение этого времени зарабатывают достаточно для существования в течение всей недели. Для понижения заработной платы и удлинения рабочего дня было тогда предложено заключать бродяг и нищих в работный дом, который стал бы «домом ужаса». В этом «доме ужаса» рабочее время должно было составлять 12 часов в сутки.

Сто лет спустя, в 1863 г., в «век гуманности», анкетная комиссия констатировала, что в гончарных заведениях Стеффордшира семилетние дети работают изо дня в день по пятнадцати часов.

Капитал теперь уже не нуждается в принудительных законах и каторжных тюрьмах, чтобы принудить рабочего к прибавочному труду. Он превратился в экономическую силу, которой пролетарий вынужден подчиняться. С последней трети XVIII века в Англии начинается настоящее состязание в погоне за прибавочным трудом. Один капиталист старается перещеголять другого в деле безмерного растяжения рабочего дня.

Рабочий класс с ужасающей быстротой приходил в упадок физически и морально и из года в год заметно приближался к вырождению; даже постоянное освежение крови благодаря притоку сельских рабочих в фабричные округа не могло остановить разрушительного процесса.

«Хлопчатобумажная промышленность существует уже 90 лет»,—воскликнул оратор Феррэнд в английской палате общин в 1863 году.— «В период времени, соответствующий трем поколениям английской расы, она поглотила девять поколений хлопчатобумажных рабочих». («Капитал», I, 192.)

Фабриканты не обманулись в своих расчетах. Несмотря на быстрое разрушение человеческих жизней, нисколько не наблюдалось недостатка в свободной рабочей силе. Из сельских округов, из Шотландии, Ирландии и Германии в английские фабричные округа и в Лондон массами устремлялись кандидаты на смерть, гонимые с родины падением домашней промышленности, превращением пашен в пастбища и пр.

---

[1] Здесь и повсюду дальше выражение «нормальный рабочий день» употребляется в смысле нормированного, т. е. ограниченного законодательным путем рабочего дня. — Ред.

Однако, если перспективы вырождения населения Англии не могли удержать класс капиталистов от дальнейшего удлинения рабочего дня, то оно должно было пробудить внимание как английских государственных людей, не принадлежащих к классу фабрикантов, так и наиболее дальновидных членов этого класса. Что станет с Англией и всей ее промышленностью, если ее население так неудержимо истощается капитализмом?

Подобно тому как во всех капиталистических странах оказалось необходимым по возможности ограничить истребление лесов капиталом, точно так же явилась настоятельная необходимость положить границы хищнической эксплоатации национальной рабочей силы капиталом. Государственные люди, усмотревшие эту необходимость, подталкивались вперед английским рабочим движением — первым современным движением этого рода.

Уже Роберт Оуэн в начале XIX столетия выставил требование ограничения рабочего дня и практически ввел на своей фабрике рабочий день в 10½ часов, притом с наилучшими результатами. Рабочее движение, которое, начиная с 20-х годов, стало гигантски расти, а с 1835 г. организовалось в чартистскую партию и стало вырывать у господствующих классов Англии одну уступку за другой, поставило своей главной целью добиться всеобщего избирательного права и десятичасового рабочего дня.

С каким упорством и ожесточением велась борьба, с какой настойчивостью капиталисты и юристы изощрялись в остроумии, чтобы свести на-нет каждую отвоеванную уступку, с каким мужеством и энергией фабричные инспектора, даже наперекор желаниям министров, выступали в защиту рабочего класса (и среди них первый — Леонард Горнер, память которого должен чтить каждый рабочий), как фритредеры обещали рабочим десятичасовой рабочий день, пока они им были нужны, и как они самым циничным образом нарушили свое обещание, добившись отмены хлебных законов, как, наконец, угрожающее движение рабочего класса вынудило к установлению десятичасового рабочего дня, по крайней мере для определенных категорий рабочих,— обо всем этом подробно и жизненно, с большим количеством документальных данных, рассказано в «Капитале».

С начала 50-х годов английское рабочее движение вошло в более спокойные рамки. С одной стороны, оно не могло не испытать воздействия от поражения рабочего класса в Париже, а также от временного поражения революции на всем континенте. С другой стороны, цель чартистского движения в существенных чертах все более и более достигалась, и в то же время английская промышленность получила сильнейшее развитие за счет промышленности других стран. В водоворот этого подъема был вовлечен и английский рабочий класс, и в его среде стало распространяться воззрение, будто между интересами капитала и труда в Англии существует гармония в противоположность капиталу и труду иноземных стран.

Несмотря на это, английское фабричное законодательство и в эти спокойные годы сделало ряд шагов вперед. Законом 27 мая 1878 г. была, наконец, объединена и кодифицирована вся предыдущая законодательная работа 1802—1874 гг., охватывавшая шестнадцать отдельных фабричных законов.

Крупнейший шаг вперед, сделанный этим законом, заключается в уничтожении разделения промышленных заведений на фабрики и мастерские. С этих пор охрана труда распространяется не только на фабрики, но и на мелкие мастерские и даже до известной степени на домашнюю промышленность. Но охрана закона не распространяется на взрослых рабочих-мужчин, а только на детей, подростков и женщин.

Закон 1878 г. был затем улучшен рядом дальнейших законов, из которых особенно важны законы 1891 и 1901 гг. Дети до 12-летнего возраста совершенно не допускаются к промышленному труду. Для детей от 12 до 14 лет максимальный размер рабочего дня установлен на половину меньший, чем для подростков (от 14 до 18 лет) и для женщин. Для последних количество рабочих часов в неделю ограничено 60, за исключением текстильной промышленности, где оно не должно превышать 56½ часов. Работа лиц, охраняемых законом, запрещена по воскресеньям, равно как в день рождества и в страстную пятницу. Сюда присоединяется восемь полупраздников и четыре полных праздника (падающих не на субботу), из которых половина приходится на период с 15 марта по 1 октября.

Разумеется, этими законами в большинстве случаев, а именно там, где мужчины работают совместно с женщинами и детьми, рабочий день взрослых мужчин также ограничен 10 часами. Однако до какой степени необходимо распространение охраны закона и на взрослых мужчин, показывает бедственное положение английских рабочих в тех отраслях, которые, не находясь под покровительством закона, не представляют в то же время привилегированных отраслей, где занята рабочая аристократия.

Результаты законодательного ограничения рабочего дня были поразительно благоприятны. Собственно, оно и спасло от вырождения английский рабочий класс, а тем самым спасло и английскую промышленность от застоя. Введение 10-часового рабочего дня не только не задержало развития промышленности, но, напротив, сопровождалось колоссальным, до тех пор неслыханным подъемом английской индустрии. Законодательное ограничение рабочего дня стало в стране манчестерства одним из национальных институтов, который уже никому не приходит в голову расшатывать. Сами фабриканты, которые всеми средствами боролись сначала против введения, а потом — против применения на практике законодательного ограничения рабочего дня, кичатся им и провозглашают его одной из основ превосходства английской промышленности над промышленностью европейского континента.

Пример Англии и развитие капитализма со всеми его результатами в континентальных странах привели и там к необходимости регулирования рабочего дня. Это регулирование практи-

чески сделало более или менее крупные шаги вперед в зависимости от силы рабочего движения и вдумчивости господствующих политических партий, т. е. в зависимости от того, насколько они преодолевают ограниченную точку зрения фабрикантов.

Самым прогрессивным из континентальных законодательств по охране труда бесспорно является швейцарское. Союзный закон 23 марта 1877 г., заменивший существовавшие до тех пор разнообразные фабричные законы, изданные отдельными кантонами, устанавливает 11-часовой рабочий день для всех рабочих, занятых на фабриках. Он идет дальше, чем английский закон, который не охраняет взрослых мужчин. Зато в другом отношении он остается позади этого закона, так как устанавливает максимальный рабочий день в 11, а не в 10 часов, и оставляет вне своей компетенции мелкие мастерские и домашнюю промышленность. Дети до 14 лет вообще не должны работать на фабриках, а для подростков от 14 до 16 лет время обучения в школе вместе с временем работы на фабрике не может превышать 11 часов в день.

Франция получила первый фабричный закон в 1841 г. Этот закон устанавливал рабочее время для детей от 8 до 12 лет в 8 часов в день, а для детей от 12 до 16 лет — в 12 часов. Но даже и такой жалкий закон остался лишь на бумаге. Точно так же не применялся на практике и закон о 12-часовом нормальном рабочем дне для всех фабрик и мастерских, изданный в 1849 г. под давлением революции. Не было инспекторов, которые наблюдали бы за проведением закона в жизнь. Только законом 19 мая 1874 г. было положено начало более серьезному законодательству по охране труда. Он совершенно запрещал работу детям до 10 лет, а в некоторых отраслях промышленности — до 12 лет. Рабочий день детей от 10 до 12 лет был ограничен 6 часами, а подростков от 12 до 16 лет — 12 часами. Для проведения этого закона был введен институт государственных фабричных инспекторов, в помощь которым были образованы особые местные комиссии.

В 1892 г. этот закон был улучшен. Работа детей до 12 лет была запрещена, и был установлен максимальный рабочий день для подростков от 12 до 16 лет в 10 часов, а для подростков от 16 до 18 лет — в 11 часов в день и не более 60 часов в неделю. Для взрослых женщин-работниц — в 11 часов.

Неоднократные попытки ввести вместо 11-часового 10-часовой день потерпели неудачу вследствие сопротивления сената. В конце концов Мильерану удалось провести компромисс. Законом 30 марта 1900 г. был установлен рабочий день в 10 часов для всех категорий на тех фабриках, на которых женщины и дети работают совместно с мужчинами. Однако этот успех был куплен ценою сравнительного ухудшения положения детей. Рабочий день был установлен одинаковый для всех категорий, включая и детей от 12 лет,— единственный случай во всем международном законодательстве по охране труда. В течение первых двух лет после вступления закона в силу рабочий день был

установлен в 11 часов, для следующих двух лет — в 10½ часов и лишь после того должен был осуществиться 10-часовой рабочий день. Следовательно, рабочее время той категории, которая всегда больше нуждается в охране, а именно детей, было временно удлинено.

В Австрии с 11 июня 1885 г. существует законодательно установленный 11-часовой рабочий день для фабрик, впрочем, с тою оговоркой, что министру торговли разрешено для некоторых отраслей промышленности удлинять рабочий день на 1 час[1]. Дети до 12 лет не могут привлекаться к регулярному промышленному труду, даже и в мелких мастерских. Максимальный рабочий день «молодых подсобных рабочих» (для ученых австрийского и некоторых других парламентов детский возраст оканчивается в 12 лет, а после того дети становятся «молодыми людьми») установлен в 8 часов.

Германское законодательство не лучше других указанных фабричных законодательств. Новелла к закону о промышленности, установившая ныне действующие положения по охране труда, издана в мае 1891 г. Она воспрещает применение на фабриках труда детей до 13 лет, для детей от 13 до 14 лет она устанавливает максимальный размер рабочего дня в 6, а от 14 до 16 лет — в 10 часов. Для женщин старше 16 лет установлен рабочий день в 11 часов. Новелла к уставу о промышленности от 28 декабря 1908 г. установила, по крайней мере, взамен одиннадцатичасового — десятичасовой день для работниц. Взрослые рабочие-мужчины эксплоатируются, как и прежде, без ограничения времени.

В остальных европейских государствах законодательство по охране труда развито слабо. Оно касается почти исключительно детского труда.

В Соединенных Штатах во многих отдельных штатах существуют законы в защиту труда детей и подростков, а в большинстве случаев также и женщин, на фабриках. Большинство из них устанавливает 10-часовой рабочий день для охраняемых законом лиц, и только в Калифорнии, Делаваре, Айдахо и Миссури — 9-часовой, а в Иллинойсе — даже 8-часовой (для подростков от 14 до 16 лет, но не для женщин). Труд детей до 14 лет запрещен в большинстве северных штатов, южные устанавливают большей частью предельный возраст в 12 и даже в 10 лет или вообще не имеют никаких постановлений на этот счет. Охрана труда в южных штатах еще более жалка. Рабочее время мужчины в Соединенных Штатах в общем законом еще не установлено. Так же обстоит дело и в Австралии.

В Виктории и Новой Зеландии введен 8-часовой день для женщин и детей.

Наконец, в последние десятилетия иногда проявляется стремление вывести регулирование рабочего дня за нынешние национальные границы и сделать его общим, международным делом

[1] Кажется, из всего закона до сих пор всего больше применялась на практике эта оговорка.

всех капиталистических государств. В этом духе высказались до сих пор не только рабочие Швейцарии, Франции, Германии и Австрии — союзный совет Швейцарии уже обратился с запросом к различным правительствам насчет их взглядов по этому вопросу. От дальнейших шагов союзный совет воздержался главным образом вследствие отрицательного отношения германского правительства. Однако, дальнейшее сокращение рабочего дня в настоящее время властно диктуется обстоятельствами, и путь международного соглашения является наиболее подходящим для всех участников. Не приходится удивляться тому обстоятельству, что капиталисты и их ученые и неученые защитники столь же рьяно бросаются в бой против международного трудового законодательства, как в свое время английские фабриканты боролись против ограничения рабочего дня в Англии. Нечего удивляться и тому, что капиталисты на континенте и в особенности в Германии выдвигают в этой борьбе отчасти те же несостоятельные доводы, которые разоблачены уже полвека назад. Однако это не должно препятствовать рабочим повсюду бороться за дальнейшее сокращение рабочего дня как в пределах отдельных государств, так и в международных рамках. Этого требует как их классовый интерес, так и общий интерес их нации. Каждый час, на который сокращается их ежедневное рабочее время, удлиняет то время, в течение которого они могут чувствовать и действовать в качестве людей, а не инструментов, и содействует их участию в культурном и политическом развитии.

Международное выступление рабочего класса в пользу 8-часового рабочего дня, начало которого было положено Парижским международным конгрессом 1889 г., уже приобрело значение всемирно-исторического движения. Майский праздник — демонстрация в пользу международной охраны труда — стал действительно величественным смотром сил и победным праздником международного борющегося пролетариата.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ МЕЛКОГО ХОЗЯИНА И ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ КАПИТАЛИСТА

Если дана стоимость рабочей силы, а следовательно, и рабочее время, необходимое для поддержания рабочего, то вместе с нормой прибавочной стоимости дана также и масса прибавочной стоимости, приносимой каждым рабочим. Если стоимость рабочей силы равна 3 маркам, а норма прибавочной стоимости — 100%, то масса прибавочной стоимости, производимой рабочим, равна 3 маркам. Как же велика общая масса прибавочной стоимости, достающейся при данных обстоятельствах капиталисту? Положим, что он занимает 300 рабочих при описанных выше условиях. Переменный капитал, ежедневно пускаемый в ход

равен 900 маркам, норма прибавочной стоимости — 100%. В таком случае масса прибавочной стоимости будет равняться также 900 маркам в день.

«Масса прибавочной стоимости, производимой переменным капиталом, равна величине этого авансированного переменного капитала, помноженной на норму прибавочной стоимости». («Капитал», I, 224.)

Если один из этих факторов уменьшается, то масса прибавочной стоимости может быть удержана на прежней высоте путем соответственного увеличения другого. Наоборот, увеличение одного делает возможным соответственное уменьшение другого без изменения массы прибавочной стоимости.

Поясним это несколькими примерами. Капиталист, скажем, нанимает 300 рабочих. Необходимое рабочее время равно 6 часам, стоимость рабочей силы — 3 маркам, рабочее время — 12 часам в сутки. Масса ежедневно производимой прибавочной стоимости будет равна при этом 900 маркам. Положим, что уступчивость рабочих позволила капиталисту удлинить рабочее время до 15 часов. Норма прибавочной стоимости, при прочих равных условиях, будет теперь равняться 150%:

$$\frac{\text{9 часов прибавочного труда}}{\text{6 часов необходимого труда}}.$$

Чтобы производить ту же массу прибавочной стоимости, как и раньше, т. е. 900 марок, капиталисту нужно теперь затратить уже не 900 марок переменного капитала, как прежде, а всего 600; вместо 300 рабочих теперь достаточно 200.

Но если, наоборот, рабочие несговорчивы, если путем особенно удачной стачки им удалось добиться сокращения рабочего времени с 12 до 9 часов, то норма прибавочной стоимости составит лишь 50%:

$$\frac{\text{3 часа прибавочного труда}}{\text{6 часов необходимого труда}}.$$

Чтобы производить прежнюю массу потребительной стоимости, капиталист должен теперь нанять 600 рабочих и авансировать 1 800 марок переменного капитала.

Нечего, конечно, и говорить, что первый случай для капиталиста приятнее.

Капиталист стремится к тому, чтобы как можно больше увеличить массу прибавочной стоимости. Но ему выгоднее достичь этого путем увеличения нормы прибавочной стоимости, чем путем расширения переменного капитала, путем увеличения числа занятых рабочих.

Однако норма прибавочной стоимости не может быть установлена по произволу. При определенных условиях она представляет более или менее определенную величину. Но раз норма прибавочной стоимости дана как определенная величина, то производство известной массы прибавочной стоимости требует определенного размера переменного капитала, который ее создает, равно как и определенного размера постоянного капитала, который ее всасывает.

Это обстоятельство имеет большое историческое значение.

Еще в до-капиталистические времена существовали наемные рабочие, которые производили прибавочную стоимость. В особенности это явление имело место в цеховом ремесле. Но число рабочих, которых занимал средневековый мастер, было невелико. Соответственно этому и масса достававшейся ему прибавочной стоимости была незначительна. Обыкновенно ее нехватало, чтобы обеспечить ему достаточный доход, и он должен был лично принимать участие в работе; «мелкий мастер» — не наемный рабочий, но и не капиталист: это — нечто среднее между тем и другим.

Чтобы стать настоящим капиталистом, тот, кто применяет наемный труд, должен нанимать столько рабочих, чтобы масса производимой ими прибавочной стоимости не только обеспечивала ему приличествующий его положению достаток, но и позволяла постоянно увеличивать его богатство. Это при капиталистическом способе производства, как мы увидим ниже, является для него необходимостью.

Не всякая сумма денег позволяет своему владельцу стать капиталистом. Если владелец денег хочет стать промышленным капиталистом, то его денежный запас должен быть достаточно велик для того, чтобы он мог закупить достаточное количество рабочей силы и средств производства, которое выходит уже за рамки ремесленного предприятия. Владелец денег, приступая к производству, должен быть также свободен и от всяких препятствий, мешающих увеличивать число рабочих до необходимых размеров. Средневековый цеховой строй старался помешать превращению мастера в капиталиста, сильно ограничивая число рабочих, которых имел право держать мастер.

«Во главе новой мастерской стоял купец, а не старый цеховой мастер». (Маркс, «Нищета философии», стр. 96.)

Цеховой мастер присваивает прибавочную стоимость, но он не является еще настоящим капиталистом.

Цеховой подмастерье производит прибавочную стоимость, но он еще не является настоящим пролетарием — наемным рабочим.

Цеховой мастер еще работает сам, а капиталист только распоряжается и наблюдает за работой других.

Цеховой подмастерье еще распоряжается средствами производства, и средства производства, в свою очередь, служат подмастерью и облегчают ему труд. Он является помощником, сотрудником мастера. Он хочет и обыкновенно может сам когда-нибудь сделаться мастером.

Наемный рабочий при капиталистическом способе производства является, напротив, единственным работником в процессе производства. Он — источник прибавочной стоимости, а капиталист выкачивает ее. Средства производства служат теперь прежде всего для того, чтобы всасывать в себя рабочую силу работника; теперь они применяют рабочего, который практически никогда не может стать капиталистом. Орудия труда имеют уже назначением не облегчать труд рабочего, а приковывать последнего к труду.

Посмотрим на капиталистическую фабрику, и мы увидим, быть может, тысячи веретен, тысячи центнеров хлопка. Они куплены с той целью, чтобы они возросли в своей стоимости, т. е. чтобы они впитали в себя прибавочную стоимость. Но они возрастают в стоимости лишь путем приложения труда, а потому требуют труда, труда и труда. Уже не прядильная машина поставлена здесь для того, чтобы облегчать рабочему его труд, а рабочий поставлен для того, чтобы прядильная машина могла приносить доход. Веретена движутся и требуют человеческой рабочей силы. Рабочий голоден, но веретено вертится, и потому он должен глотать обед, обслуживая в то же время свою госпожу. Его силы истощены, ему хочется спать, но веретена вертятся живо и весело и требуют еще труда, а так как веретено вертится, то и рабочий не смеет спать.

Мертвое орудие поработило живого рабочего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

Если необходимое рабочее время (т. е. та часть рабочего дня, в течение которой производится лишь стоимость, равная по своей величине затраченному на покупку рабочей силы капиталу) является определенной величиной, то норма прибавочной стоимости может быть повышена только путем удлинения рабочего дня. Если, напр., необходимое рабочее время равно 6 часам в сутки и остается неизменным,— что и бывает в действительности при данных условиях производства,— то норма прибавочной стоимости может быть повышена только путем удлинения рабочего дня.

Значение этого обстоятельства мы рассмотрели в пятой главе.

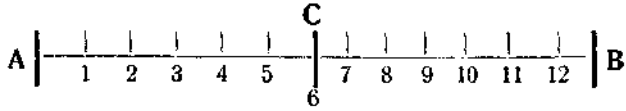
Однако рабочий день не может быть удлинен до бесконечности. Стремление капиталиста к его удлинению находит естественные границы в истощении рабочего, моральные границы — в потребности последнего, как человека, в свободной деятельности, наконец политические границы — в ограничениях рабочего дня государством, вызываемых теми или иными мотивами.

Предположим, что рабочий день достиг такого предела, дальше которого он не может быть удлинен, и что этот предел равен 12 часам. Необходимое рабочее время пусть равняется 6 часам; следовательно, норма прибавочной стоимости будет равна 100%.

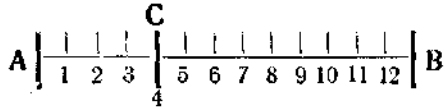
Каким же образом можно увеличить эту норму? Очень просто. Стоит лишь понизить необходимое рабочее время с 6 до 4 часов, и время прибавочного труда повысится с 6 до 8 часов. Длина рабочего дня осталась прежней, но соотношение двух его составных частей — необходимого и прибавочного рабочего времени — изменилось.

Вместе с тем изменилась и норма прибавочной стоимости. Благодаря сокращению необходимого рабочего времени с 6 до 4 часов при 12-часовом рабочем дне норма прибавочной стоимости возросла со 100 до 200%,— она удвоилась.

Для наглядности изобразим величину рабочего дня и его частей в виде линий известной длины. Предположим, напр., что линия *AB* представляет 12-часовой рабочий день, часть ее *AC* — необходимое, а часть *CB* — прибавочное рабочее время:



Каким образом могу я удлинить часть *CB* на два деления, представляющие рабочие часы, не удлиняя *AB*? Очевидно, путем сокращения *AC*:



В первом случае *CB* такой же длины, как и *AC*, во втором *CB* вдвое больше *AC*.

Стало быть, можно увеличить прибавочную стоимость не только путем абсолютного удлинения рабочего дня, но и путем сокращения необходимого рабочего времени.

Прибавочную стоимость, производимую путем удлинения рабочего дня, Маркс называет абсолютною прибавочною стоимостью. Прибавочную стоимость, получаемую от сокращения необходимого рабочего времени и соответствующего изменения в отношении величины обеих составных частей рабочего дня, он называет относительной прибавочной стоимостью.

Стремление капиталиста к увеличению прибавочной стоимости последним путем откровенно сказывается в его попытках понизить заработную плату. Но так как стоимость рабочей силы при данных условиях является определенной величиной, то эта тенденция может выражаться лишь в понижении цены рабочей силы ниже ее стоимости. Как ни важно это обстоятельство на практике, мы все же не можем вдаваться в его ближайшее рассмотрение здесь, где речь идет об изучении основ экономического развития, а не внешних форм его проявления.

Мы должны поэтому в дальнейшем исходить из предположения, что все идет нормальным порядком, что цена соответствует стоимости, а следовательно, и оплата рабочей силы соответствует стоимости последней. Итак, нам здесь еще не приходится задаваться вопросом о том, каким образом заработная плата может быть понижена ниже стоимости рабочей силы и какие последствия это влечет за собой; мы должны лишь рассмотреть, как может быть понижена сама стоимость рабочей силы.

Рабочий имеет при данных условиях определенные потребности. Он нуждается для поддержания своей семьи и себя самого в известном количестве потребительных стоимостей. Эти предметы потребления—товары. Их стоимость определяется рабочим временем, общественно необходимым для их производства. Все это нам уже известно и не требует дальнейших пояснений.

Если среднее рабочее время, необходимое для производства упомянутых предметов потребления, понижается, то понижается также и стоимость этих продуктов. Вместе с тем понизится стоимость рабочей силы рабочего, равно как и часть рабочего дня, необходимая для восстановления этой стоимости. При этом обычные потребности рабочего нисколько не ограничиваются.

Другими словами, с повышением производительности труда понижается при известных условиях стоимость рабочей силы. Но только — при известных условиях, а именно лишь тогда и лишь постольку, поскольку повышение производительности труда сокращает рабочее время, необходимое для изготовления средств к жизни, обычно потребляемых рабочим.

Если рабочий привык не ходить босиком, а носить сапоги, то стоимость рабочей силы сократится, когда для изготовления пары сапог окажется необходимым вместо 12 лишь 6 часов. Но если удвоится производительность труда шлифовальщика алмазов или кружевницы, то это не окажет влияния на стоимость рабочей силы.

Повышение производительной силы труда возможно лишь путем изменения способов производства, — путем улучшения орудий или методов работы. Стало быть, производство относительной прибавочной стоимости обусловливается переворотами в способах труда.

Подобные перевороты и постоянное усовершенствование способов производства являются естественной необходимостью для капиталистической системы производства. Конечно, отдельный капиталист не всегда сознает, что чем дешевле он производит, тем ниже становится стоимость рабочей силы и тем выше, при прочих равных условиях, прибавочная стоимость. Однако конкуренция постоянно принуждает его вводить новые улучшения в процесс производства.

Стремление опередить конкурентов побуждает его вводить способы производства, позволяющие при меньшей затрате общественно необходимого рабочего времени производить прежнее количество товаров. Но конкуренция точно так же вынуждает и его конкурентов вводить улучшенные способы производства. Добавочный барыш, получавшийся до тех пор, пока новый способ применялся в единичных случаях, исчезает, когда этот способ начинает применяться всюду. Однако, в меру влияния этого способа на производство необходимых средств к жизни, остается устойчивым более или менее значительное

падение стоимости рабочей силы и соответствующий рост относительной прибавочной стоимости.

В этом кроется только одна из причин того, что капитализм непрерывно революционизирует способы производства и таким образом все более и более повышает относительную прибавочную стоимость.

Если повышается производительность труда, то повышается и норма относительной прибавочной стоимости, между тем как стоимость произведенных товаров соответственно понижается. Таким образом, мы видим здесь кажущееся противоречие; именно, капиталисты непрестанно стараются производить все дешевле и дешевле, все более и более понижать стоимость своих товаров, чтобы иметь возможность присваивать себе все большее и большее количество стоимости. Мы видим, однако, еще одну кажущуюся несообразность: чем выше производительность труда, тем выше, при господстве капиталистического способа производства, прибавочный труд, излишнее рабочее время рабочего. Тенденция капиталистического способа производства заключается в том, чтобы увеличивать производительность труда до исполинских размеров, сокращать необходимое рабочее время до минимума и в то же время, насколько только возможно, удлинять рабочий день.

Как капитализм удлинял рабочий день, мы видели уже в пятой главе. Посмотрим теперь, каким образом он сокращает необходимое рабочее время.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КООПЕРАЦИЯ

Мы видели в шестой главе этого отдела, что недостаточно нанимать наемных рабочих, чтобы быть капиталистом в полном смысле этого слова.

Предприниматель, пользующийся трудом наемных рабочих, становится капиталистом лишь в том случае, если производимая рабочими масса прибавочной стоимости достаточно велика, чтобы обеспечить ему приличествующий положению доход и увеличивать его богатство без его личного участия в труде. А это предполагает одновременный труд известного числа рабочих, далеко превосходящего их количество, допускавшееся при цеховом ремесле.

«Совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении (или, если угодно, на одной и той же арене труда) для производства одного и того же сорта товаров, под руководством одного и того же капиталиста, и исторически и логически образует исходный пункт капиталистического производства». («Капитал», I, 240.)

Итак, различие между капиталистическим и ремесленным способом производства прежде всего — только количествен-

ное, а не качественное. Занимаю ли я в одном и том же помещении и в одно и то же время трех ткачей при трех ткацких станках или тридцать ткачей при таком же количестве станков,— это прежде всего, повидимому, будет иметь последствием лишь ту разницу, что в последнем случае будет произведено в десять раз больше стоимости и прибавочной стоимости, чем в первом.

Однако наем большого количества рабочих влечет за собой еще и другие различия. Прежде всего вспомним о законе больших чисел, о том обстоятельстве, что индивидуальные особенности обнаруживаются тем сильнее, чем меньше индивидов мы принимаем во внимание, и тем скорее сглаживаются, чем в большей степени предметом наблюдения становятся массы. Если мы захотим узнать среднюю продолжительность человеческой жизни, то наверное придем к ошибочным выводам, вычисляя ее по продолжительности жизни 5—6 лиц. Но с большой степенью вероятности можно допустить, что мы близко подойдем к истине, определив ее по продолжительности жизни, скажем, миллиона людей.

Точно так же и индивидуальные отличия отдельных рабочих проявятся гораздо сильнее, когда они будут заняты в количестве трех человек, чем когда их будет тридцать. В последнем случае повышенная работоспособность хороших и пониженная — плохих сравняются, так что в результате получится средний труд. По словам Берка, уже при одновременной работе пяти сельских рабочих исчезают все индивидуальные различия, так что любые пять наугад взятых рабочих сделают вообще столько же, сколько и пять других.

Если рабочие мелкого мастера дают общественно-средний труд, то это не более как случайность. Только для капиталиста становится возможным, чтобы приводимый им в движение труд постоянно являлся общественно-средним трудом.

Одновременный труд многих рабочих в одном помещении представляет еще и другие выгоды. За постройку помещения, в котором работает тридцать ткачей, не придется заплатить в десять раз дороже, чем за помещение для трех ткачей. Точно так же и склад, вмещающий 100 центнеров хлопка, не стоит в десять раз дороже, чем склад для 10 центнеров, и т. д.

Следовательно, стоимость той части постоянного капитала, которая переходит в продукт, сокращается сравнительно с числом занятых рабочих тем сильнее, чем больше рабочих, при прочих равных условиях, участвует в определенном процессе труда. Вместе с тем возрастает прибавочная стоимость сравнительно с общей суммой затраченного капитала. В то же время уменьшается стоимость продукта. А при известных, указанных в предыдущей главе, условиях уменьшается также и стоимость рабочей силы. В последнем случае прибавочная стоимость возрастает также по сравнению с переменным капиталом.

Одновременное применение труда многих рабочих в одном и том же месте для достижения определенного результата приводит к их планомерному сотрудничеству, т. е. к коо-

перации. Последняя создает новую общественную производительную силу, которая и количественно превосходит и качественно отличается от суммы отдельных составляющих ее индивидуальных производительных сил.

Эта новая производительная сила есть прежде всего сила массы. Она делает возможными некоторые процессы труда, совершенно невыполнимые с менее значительными силами или выполнимые лишь в несовершенной степени. Тридцать человек без труда подымут в несколько мгновений бревно, над которым три человека напрасно промучились бы весь день. Кооперация делает также возможным выполнение таких работ, где требуется не сила массы, а сосредоточение трудовой деятельности в возможно более крупном масштабе в небольшой промежуток времени, как, напр., при уборке хлеба.

Но даже и там, где не требуется ни большая масса энергии, ни сосредоточение и концентрация ее в определенном месте или в определенный момент, кооперация все же выгодна: она повышает производительность труда. Каждому известно, как при постройке зданий доставляются наверх кирпичи: составляется цепь из рабочих, передающих кирпичи друг другу. Благодаря этому планомерному сотрудничеству кирпичи попадают наверх гораздо быстрее, чем если бы рабочие таскали их туда поодиночке.

Наконец, нельзя забывать и того, что человек — животное общественное. Коллективная работа оживляет его психику. При такой работе начинают действовать честолюбие и чувство соревнования. Таким образом, коллективная работа идет быстрее, и трудовая энергия бывает при ней выше, чем у изолированных рабочих.

При капиталистической системе наемные рабочие лишь тогда могут вступить в сотрудничество, когда их рабочая сила куплена одним и тем же капиталистом. Чем больше нужно купить рабочих сил, тем больше требуется переменного капитала; чем больше занято наемных рабочих, тем большее количество сырого материала, средств труда и пр. им нужно, а следовательно, тем больше и необходимый постоянный капитал. Поэтому осуществление кооперации в известном масштабе предполагает известную величину капитала. Капитал известной величины становится теперь предварительным условием капиталистического способа производства.

Кооперация свойственна не одному лишь капиталистическому способу производства. Мы встречали ее в примитивных формах уже у индейцев. При этом мы выяснили, что планомерное сотрудничество последних при охоте требует планомерного руководства. Такое руководство необходимо при всяком общественном труде, в какой бы форме он ни совершался. При капиталистическом способе производства подобная руководящая роль неизбежно становится функцией капитала. Здесь снова обнаруживается плодотворность марксова открытия двойственного характера труда, производящего товары.

Как мы уже видели, в силу этого двойственного характера процесс производства при капиталистической системе есть в одно и то же время процесс труда и процесс возрастания стоимости. Поскольку процесс производства представляет собой процесс труда, капиталист является руководителем производства. Выполняемая им функция является более или менее необходимой при всяком общественном процессе труда.

Особенностью же капиталистического процесса производства как процесса возрастания стоимости является, как это было уже выяснено в главе о рабочем дне, лежащая в его основе противоположность интересов труда и капитала. Поэтому, чтобы процесс возрастания стоимости беспрепятственно протекал в направлении, желательном для капиталиста, требуется подчинение рабочего деспотическому господству капиталиста.

Но процесс возрастания стоимости и процесс труда составляют лишь две различные стороны одного и того же процесса — капиталистического процесса производства. Поэтому руководство производством и деспотическое господство капитала над рабочим выступают как единое явление. Но так как первое является технически необходимым, то — вещает нам буржуазная экономия — господство капитала над трудом также является техническою необходимостью, диктуемою силою вещей, и с уничтожением его было бы уничтожено самое производство, поскольку оно носит общественный характер. Словом, — господство капитала является естественной и необходимой предпосылкой цивилизации.

Родбертус заявил, что в качестве руководителей производства капиталисты являются как бы служащими общества и в праве получать от общества содержание. На самом же деле капиталист предпринимает производство потребительных стоимостей лишь потому, что иначе он не может стать обладателем стоимостей. Поэтому и руководство производством является для него лишь неизбежным злом, которому он покоряется потому только, что с ним неразрывно связано возрастание стоимости его капитала.

Он уклоняется от этого зла во всех тех случаях, когда это возможно сделать, не нанося ущерба прибавочной стоимости. Если его предприятие достаточно велико, он передает свое общественное «служение» наемным служащим, управляющим и их подчиненным. Иногда он прибегает и к другим приемам, чтобы освободиться от руководства производством. Так, во время хлопкового кризиса в начале 60-х годов владельцы английских бумагопрядилен закрыли свои фабрики и стали выколачивать себе «содержание» спекуляцией на хлопковой бирже.

Утверждение, будто капиталист заслуживает вознаграждения за свое руководство производством, напоминает рассказ об одном мальчике, увидевшем яблоню, сплошь усыпанную яблоками, к которой он не мог пробраться иначе, чем через высокий забор. Соблазн был чересчур велик, и мальчуган перелез через забор, что стоило ему немалых усилий. Но не успел он добраться

до яблони, как пришел владелец сада и обратился к нему с вопросом, по какому праву он рвет яблоки. «Я честно заслужил их, — ответил мальчуган, — это — награда за тяжелую работу, которую я проделал, перелезая через забор». Точно так же как мальчик мог пробраться к яблокам не иначе, как через забор, так и капиталист обыкновенно может добраться до прибавочной стоимости лишь в качестве руководителя производством.

Здесь следует указать еще на одно странное воззрение, встречающееся в экономических сочинениях. Мы предполагали до сих пор, что капиталист покупает рабочую силу всякий раз по ее полной стоимости. Но планомерное сотрудничество всех купленных им рабочих сил развивает новую производительную силу. Рабочие силы производят в этом случае больше, чем если бы он заставил каждого рабочего трудиться отдельно. Капиталист не оплачивает этой новой производительной силы.

Эта последняя не имеет никакого отношения к стоимости рабочей силы и составляет особенность ее потребительной стоимости. Эта новая сила обнаруживается лишь в процессе труда, следовательно лишь после того, как товар — рабочая сила перешел во владение капиталиста, стал капиталом. Поэтому капиталистам и их защитникам кажется, будто повышение производительности труда следует приписать не труду, а капиталу.

«Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока его труд не принадлежит капиталу, то она кажется производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе, имманентной капиталу производительной силой». («Капитал», I, 250.)

Кооперация, как уже было упомянуто выше, свойственна не одному лишь капиталистическому способу производства. Совместное общественное производство свойственно уже первобытному коммунизму, который мы встречаем на заре человеческой истории. Первобытное земледелие велось повсюду на общинных, кооперативных началах. Лишь впоследствии земля была поделена между отдельными семьями. Примеры кооперации у индейцев и индусов приведены нами в первом отделе.

Развитие товарного производства уничтожило эту первобытную кооперацию. И хотя вместе с товарным производством расширяется круг лиц, работающих друг для друга, но совместный труд в сущности исчезает, сохраняясь лишь в форме принудительного труда, труда рабов, крепостных или обязанных на их господ.

Капитал, возникающий как противоположность изолированности и раздробленности сил в крестьянском хозяйстве и ремесленном производстве, снова развивает кооперацию, общественный, совместный труд. Кооперация есть основная форма капиталистического способа производства, его особая историческая форма в рамках товарного производства. Капитал стремится все

более и более развивать общественное производство. Он создает все высшие формы кооперации: мануфактуру, крупную промышленность. Цель, которую он при этом преследует, заключается в увеличении прибавочной стоимости. Но помимо своей воли он подготовляет этим почву для новой, высшей формы производства.

Ремесленная форма товарного производства основана на раздробленности и изолированности различных предприятий. Капиталистическое же предприятие, напротив, зиждется на объединении различных видов труда, на общественном, совместном производстве. Ремесленная форма товарного производства предполагает, как правило, существование множества мелких самостоятельных товаропроизводителей. Капиталистическое же предприятие, основанное на кооперации, предполагает безусловную власть капиталиста над отдельными рабочими.

В первом отделе мы на двух примерах познакомились с первобытной кооперацией и разделением труда. Затем мы проследили возникновение товарного производства. Теперь мы рассмотрели развитие капиталистического способа производства, которое одновременно является и товарным производством и производством, основанным на кооперации.

Если капиталистическая форма товарного производства отличается от ремесленной концентрацией предприятий и созданием совместного, общественного труда, то, с другой стороны, капиталистическая кооперация отличается от первобытно-коммунистической кооперации безусловным авторитетом капиталиста, который является и руководителем производства и собственником средств производства и которому в то же время принадлежат и продукты кооперативного труда, принадлежавшие в первобытной кооперации самим трудящимся.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И МАНУФАКТУРА

1. Двоякое происхождение мануфактуры. Ее элементы: частичный рабочий и его орудие

В первом отделе мы в основу своего изложения положили кроме «Капитала» еще «Критику политической экономии» Маркса, а отчасти его «Наемный труд и капитал». При составлении настоящей и следующей глав, трактующих о разделении труда и мануфактуре, о машинах и крупной промышленности, мы пользовались кроме «Капитала» еще «Нищетой философии» Маркса, а именно § 2 второй главы, озаглавленным «Разделение труда и машины».

В «Нищете философии» подробнее, чем в «Капитале», разобрана литература, характеризующая невыгодные последствия,

вытекающие для рабочих от разделения труда в капиталистической мануфактуре. Таким образом, упомянутый § 2 является не только предшественником по времени двух излагаемых здесь глав «Капитала», но и их дополнением. Эти главы, по нашему мнению, следует отнести к числу самых блестящих страниц, написанных Марксом, а они до сих пор, к сожалению, не пользуются со стороны большинства читателей «Капитала» тем вниманием, какого они заслуживают.

Прежде всего рассмотрим мануфактуру, т. е. «ту промышленность, которая не превратилась еще в современную крупную промышленность с ее машинами, но не представляет уже ни средневекового ремесла, ни домашней промышленности». Как характерная форма капиталистического производственного процесса она в общем и целом господствует примерно с середины XVI до конца XVIII века[2].

Она имеет двоякое происхождение. С одной стороны, капитал застал такие продукты, которые должны были проходить через руки различных ремесленников, прежде чем они получили свою окончательную форму. Так, экипаж из рук каретника переходил в руки шорника, обойщика, маляра, стекольщика и т. д. На место самостоятельных ремесленников разных специальностей капиталист поставил наемных рабочих тех же видов труда, работающих планомерно и совместно в общем помещении над изготовлением кареты.

Но мануфактура развивалась также и противоположным путем. Капиталист собирал целый ряд рабочих, производивших один и тот же предмет, например, булавочников. Каждый из них должен был выполнять в известной последовательности все операции, необходимые для изготовления продукта. Но как только значительное количество рабочих начало работать таким образом, это, естественно, привело к разделению различных операций между различными рабочими.

Итак, мануфактура, с одной стороны, возникала путем соединения разнородных и самостоятельных ремесел, а с другой стороны — путем разделения разнородных операций одного и того же ремесла между различными рабочими.

Однако была ли выполняемая мануфактурным рабочим операция раньше самостоятельной операцией отдельного ремесленника или она произошла из разложения операций одного и того же ремесла, — ремесло всегда составляло не только историческую, но и техническую основу мануфактуры. Необходимым условием этого вида производства остается выполнение каждой отдельной операции человеческими руками. Успеш-

---

[2] Слово «мануфактура» составлено из двух латинских слов: manus (рука) и factus (сделанный, изготовленный). Одною из важнейших отраслей промышленности, которой овладела мануфактура, была обработка волокнистых веществ — шерсти, хлопка и т. д. Поэтому еще и теперь текстильные фабрики часто называют мануфактурами, хотя их следует относить не к области мануфактуры, а к области крупной машинной промышленности; иногда [illegible] под [illegible]уфа[illegible]ой разу[illegible] исключительн[illegible]ную промышлен[illegible] Так [illegible]потр[illegible]ние слов[illegible]ануфактура»

ность труда в мануфактуре, как и в ремесле существенным образом зависит от ловкости, уверенности и проворства отдельных рабочих.

Однако между ремесленником и мануфактурным рабочим существует громадное различие. На место разнообразия операций первого мануфактура вводит простоту и однообразие операций, выполняемых рабочим изо дня в день, из года в год. Рабочий здесь уже не является целесообразно действующим самостоятельным производителем, он превращается в несамостоятельную часть большого рабочего механизма, он является как бы членом совокупного рабочего организма.

Конечно, благодаря этому искусность рабочего в его ограниченной сфере деятельности в огромной степени повышается. Он открывает много новых приемов работы, передает их товарищам и, в свою очередь, многому у них научается. Перемена места и орудия, неизбежная при разнообразии операций, влечет за собой излишнюю трату времени и энергии. Эта трата избегается частичным рабочим мануфактуры, который непрерывно работает на одном и том же месте, одним и тем же орудием, в одном и том же направлении. С другой стороны, перемена работы дает отдых и возбуждает энергию. Частичный рабочий лишен этого.

Разделение труда в мануфактуре не только развивает искусность рабочего, но и способствует совершенствованию его орудия. Орудие, которое должно служить для множества разнородных операций, не может быть вполне приспособлено к каждой из них. Орудие же, которое применяется исключительно при одной операции, может быть соответствующим образом приспособлено к ней. Это значительно повышает его производительность.

Все эти обстоятельства приводят к значительному повышению производительности труда в мануфактуре по сравнению с ремеслом.

2. Две основные формы мануфактуры

Выше мы рассмотрели двоякое происхождение мануфактуры и ее составные элементы — частичного рабочего и его орудие. Рассмотрим теперь мануфактуру в целом.

Мануфактуре свойственны две основные формы, существенно отличные одна от другой, вытекающие из природы изделия, продукта. В первом случае продукт составляется из нескольких частей, из которых каждая является особым самостоятельным продуктом. Во втором случае он изготовляется путем нескольких, одна с другой тесно связанных манипуляций и операций, которые последовательно производятся над одним и тем же предметом труда.

Каждую из этих двух основных форм мануфактуры мы можем пояснить классическим примером. Сэр Вильям Петти наглядно поясняет мануфактурное разделение труда на примере производства часов, которое следует причислить к

первой из основных форм мануфактуры. В ремесленном производстве часы были первоначально продуктом труда одного рабочего, который изготовлял их сам с начала до конца. Но как только изготовление часов подпало под власть капиталистического производства, выделка каждой отдельной составной части часов, равно как их сборка, были поручены особым частичным рабочим. Таким образом, появились особые мастера, изготовляющие пружины, циферблаты, зубчатые колеса, наконец, мастера, собирающие часы из отдельных частей и выверяющие их.

Пример второй основной формы мануфактуры дал нам Адам Смит в своем знаменитом описании изготовления булавок, как оно происходило в его время.

«Один рабочий тянет проволоку, — говорит он, — другой выпрямляет ее, третий обрезает, четвертый заостряет конец, пятый обтачивает один конец для насаживания головки; изготовление самой головки требует двух или трех самостоятельных операций; насадка ее составляет особую операцию, полировка булавки — другую; самостоятельной операцией является даже завертывание готовых булавок в пакетики. Таким образом сложный труд производства булавок разделен приблизительно на восемнадцать самостоятельных операций, которые в некоторых мануфактурах все выполняются различными рабочими, тогда как в других один и тот же рабочий нередко выполняет две или три операции». («Богатство народов», I, 10.)

Кусок проволоки проходит последовательно через руки различных частичных рабочих; но все эти рабочие заняты одновременно. В булавочной мануфактуре одновременно тянут проволоку, растягивают, разрезают, заостряют ее и т. д., — короче говоря, различные операции, которые ремесленному рабочему приходилось выполнять одну за другой, в мануфактуре выполняются одновременно и одна рядом с другой. Благодаря этому становится возможным в тот же промежуток времени производить товаров больше прежнего.

Сравнительно с ремеслом мануфактура выигрывает и в отношении производительности труда, чем она обязана своему кооперативному характеру. Однако мануфактура еще стеснена некоторыми ограничительными условиями; все равно, принадлежит ли она к первому типу, который мы иллюстрировали примером часового производства, или ко второму, примером которого служит булавочное производство, — в обоих случаях изделие или составные части его должны совершать переход из одних рук в другие, что требует времени и труда. Это ограничение устраняется лишь крупной промышленностью.

При таком переходе изделия из одних рук в другие один рабочий доставляет другому сырой материал для его труда, т. е. каждый рабочий дает работу другому. Так, например, рабочий, насаживающий головки на булавки, не может выполнить своей операции, если ему не будут доставлены в достаточном количестве куски проволоки, надлежащим образом приготовленные. Чтобы общая работа шла непрерывно и безостано-

вочно, должно быть поэтому точно определено время, необходимое для изготовления каждой из отдельных частей продукта, а со временем необходимо сообразовать и число рабочих, занятых изготовлением каждой из этих частей.

Если, напр., рабочий, разрезывающий проволоку на куски, может нарезать в час в среднем 1 000 булавок, между тем как рабочий, насаживающий головки, справится за это время только с 200 булавками, то для того, чтобы десять рабочих, исполняющих последнюю функцию, были заняты бесперебойно, необходимо иметь в мануфактуре двух резчиков проволоки.

С другой стороны, капиталист, нанявший одного резчика проволоки, должен пригласить пять рабочих, насаживающих головки, если он хочет полностью использовать рабочую силу первого. Если капиталист пожелает расширить свое предприятие, то число новых рабочих, которых он может занять, опять-таки не будет произвольным, если только он хочет сполна использовать их рабочую силу. Если он, в нашем примере, оставит одного нового резчика проволоки, то это лишь в том случае принесет ему соответствующую выгоду, когда он пригласит при этом еще пятерых, а не троих или четверых рабочих, насаживающих булавки.

Изготовление товара в течение общественно необходимого для этого рабочего времени является, как мы знаем, требованием товарного производства вообще; к исполнению этого требования товаропроизводитель вынуждается конкуренцией. С развитием же капиталистической мануфактуры изготовление определенного количества продуктов в течение общественно необходимого рабочего времени становится также и технической необходимостью.

Если ремесленник работает быстрее или медленнее, чем это является общественно необходимым, то это обстоятельство оказывает влияние на его трудовой заработок, но не делает еще для него невозможным самый труд. В капиталистической же мануфактуре весь процесс труда нарушается, как только в изготовлении какой-нибудь детальной части продукта произошло отклонение от нормы. Однако, как мы видели выше, одновременное применение труда значительного числа рабочих в одном и том же деле превращает их труд в средний. Это явление, представляющее выгодную сторону простой кооперации, становится необходимым условием производства в мануфактуре.

Итак, только при капиталистическом способе производства отдельный товаропроизводитель (капиталист) в виде общего правила производит свои товары при затрате общественно необходимого среднего труда,— и он принужден производить именно таким образом. Только при капиталистическом способе производства закон стоимости достигает своего полного развития.

Уже при мануфактуре начинается кое-где применение машин. Но в этот период они всегда играют лишь второстепенную роль.

Важнейшей машиной мануфактуры остается совокупный рабочий, при котором отдельные частичные рабочие являются лишь колесиками, тесно соединенными между собою. При мануфактурной системе рабочий является в сущности лишь частью машины и, подобно последней, должен действовать регулярно и непрерывно. Как в машине есть и более и менее сложные части, так и различные частичные работы требуют и более и менее обученных рабочих. Их рабочая сила обладает, соответственно этому, большей или меньшей стоимостью.

Когда изготовление булавок производилось еще ремесленным способом, обучение каждого булавочного мастера было одинаково. Соответственно этому, стоимость рабочей силы каждого из них была, вообще говоря, одинакова и притом сравнительно высока. Когда же производством булавок овладела мануфактурная система, это производство распалось на ряд частичных работ. Одни из них требовали основательного навыка, а другие могли быть усвоены без всякого труда. Рабочая сила тех рабочих, которые потратили много времени на приобретение необходимого и основательного навыка, естественно, имела гораздо бо́льшую стоимость, чем рабочая сила тех, которые выполняли более простые операции.

Так возникла «иерархия рабочих сил, которой соответствует шкала заработной платы»[1].

Название работы	Рабочие	Поденная плата
Вытягивание проволоки	1 мужчина	3 шилл. 3 пенса
Растягивание проволоки	1 женщина и 1 девочка	1 шилл. — 6 пенсов
Заострение	1 мужчина	5 шилл. 3 пенса
Приготовление головок	1 мужчина и 1 мальчик	5 шилл. 4½ пенса — 4½ пенса
Насаживание головок	1 женщина	1 шилл. 3 пенса
Полировка	1 мужчина и 1 женщина	6 шилл. 3 шилл.
Втыкание в бумагу	1 женщина	1 шилл. 6 пенсов

Таким образом, заработная плата колебалась от 4½ пенсов (18 коп.) до 6 шилл. (3 руб.).

На низшей ступени этой шкалы стоят те рабочие, которые выполняют операции, доступные каждому без особой

[1] Эта таблица, заимствованная у Баббэджа («On the Economie of Machinery and Manufakture», London, 1835), дает очень ясное изображение иерархической шкалы заработной платы и прекрасно иллюстрирует техническую необходимость — приводить в надлежащее соответствие число рабочих, занятых при каждой отдельной операции, равно как и строго придерживаться среднего общественно необходимого времени. Таблица изображает положение небольшой английской булавочной мануфактуры в начале XIX века.

подготовки и навыка. Такого рода простые операции бывают в каждом производственном процессе. В ремесле они чередуются с более сложными работами. В мануфактуре же они остаются постоянным и неизменным занятием особого разряда рабочих, которые теперь различаются как необученные рабочие от обученных.

Почти каждому из мануфактурных рабочих приходится тратить на свою подготовку меньше времени, чем ремесленнику соответствующей отрасли труда. Ремесленнику приходится овладеть всеми приемами, необходимыми для окончательного изготовления продукта, тогда как мануфактурный рабочий может ограничиться усвоением лишь одного или нескольких приемов. А у необученного рабочего расходы на обучение вовсе отпадают.

Таким образом, при мануфактурном способе производства понижается стоимость рабочей силы. Вместе с тем понижается и необходимое для содержания рабочего рабочее время. При той же самой длине рабочего дня растет продолжительность прибавочного труда, растет и относительная прибавочная стоимость.

А рабочий оказывается физически и духовно изуродованным. Работа теряет для него всякое содержание, всякий интерес. Он сам становится придатком капитала.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

1. Развитие машины

Разделение труда в мануфактуре привело к видоизменению ремесленного труда. Но оно не устранило его совершенно. Искусность ремесленника в общем и целом остается основой мануфактуры. Это дает частичному рабочему, хотя бы и односторонне обученному, известную независимость по отношению к предпринимателю. Его нельзя сразу заменить, а между тем его работа необходима для хода всего предприятия. Мы видели это на примере производства булавок. Сами рабочие прекрасно сознают эту выгоду. Они всеми силами стараются удержать за мануфактурой этот ремесленный характер путем возможно полного сохранения ремесленных обычаев, например, в области ученичества и пр.

Такую тенденцию можно еще и теперь наблюдать в целом ряде производств, которые до сих пор сохранили свой мануфактурный характер. Здесь кроется также тайна многих успехов профессионального движения.

Но что составляет радость для одного, доставляет горе другому.

«Поэтому, — говорит Маркс, — в течение всего мануфактурного периода не прекращаются жалобы на недисциплинированность рабочих. И если бы даже у нас не было показаний со стороны писателей этой эпохи, для нас достаточно было бы того простого факта, что начиная с XVI столетия и вплоть до возникновения крупной промышленности капиталу не удавалось подчинить себе все то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий, что мануфактуры не долговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой, — уже одни эти факты говорят нам больше, чем целые библиотеки». («Капитал», I, 279.) Понятен после этого крик скорби, вырвавшийся у анонимного автора вышедшего в 1770 г. памфлета: «Рабочие никогда не должны считать себя независимыми от поставленных над ними начальников... Порядок должен устанавливаться во что бы то ни стало».

И порядок был установлен. Мануфактура сама создала необходимые для этого предпосылки. Она породила иерархически расчлененную мастерскую для производства усложненных орудий труда, а «этот продукт мануфактурного разделения труда в свою очередь производил машины». («Капитал», I, 279.) Машина же нанесла господству ремесленного способа труда смертельный удар.

Чем же отличается машина от инструмента ремесленника, что превращает орудие труда из инструмента в машину? То, что механический аппарат, которому только должно быть сообщено соответствующее движение, «совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше рабочий совершал подобными же орудиями». («Капитал», I, 282.) Служит ли при этом источником двигательной силы человек или опять-таки машина, — ничуть не меняет сущности дела.

Это нужно твердо усвоить себе, чтобы не впадать в ошибочное представление, будто машина отличается от инструмента тем, что приводится в движение не человеком, а какою-нибудь силой природы, как, например, животным, водою, ветром и т. д. Применение таких двигательных сил несравненно древнее машинного производства; вспомним хотя бы о плуге, запряженном быком или лошадью. Животные, ветер, вода и т. п., как известно, уже в глубокой древности применялись человеком в качестве двигательной силы при устройстве мельниц, насосов и пр., отнюдь не вызывая революции в способах производства.

Даже паровая машина в том виде, в каком она была изобретена в конце XVII века, еще не вызвала сама по себе промышленного переворота. Переворот произошел лишь тогда, когда была изобретена первая сколько-нибудь важная «рабочая машина» — прядильная машина.

Нет ничего пошлее сказки, приписывающей открытие паровой машины случайному наблюдению над кипящим горшком. Сила пара была известна грекам, вероятно, уже 2 000 лет тому назад, но они не умели ни к чему применить ее, а впоследствии ею воспользовались для разного рода механических забав.

Изобретение же паровой машины является продуктом сознательной и напряженной деятельности ума, опиравшейся на предыдущий опыт. Оно оказалось возможным лишь после того, как мануфактура создала необходимые для этого технические предпосылки, в особенности же — достаточное количество искусных механических рабочих. Оно стало, далее, возможным лишь после того, как потребность пробудила интерес к новым двигательным силам[1]. А это имело место тогда, когда была изобретена рабочая машина.

Эта последняя требовала для своей эксплоатации двигательной силы, которая отличалась бы большей мощностью и регулярнее функционировала бы, чем ранее существовавшие. Человек — очень несовершенное орудие для непрерывного и вполне однообразного движения, и к тому же он слишком слаб. Лошадь, более сильная, чем человек, не только слишком дорога и лишь в ограниченных пределах может быть применяема на фабрике, но и обладает кроме того скверным качеством — иметь свой норов. Ветер слишком непостоянен и не поддается управлению. Точно так же и сила воды, которой широко пользовались уже в мануфактурный период, не удовлетворяла новым требованиям. Она не могла быть увеличиваема по произволу, в известное время года совершенно отказывалась служить, а главное, была привязана к месту.

Лишь после того, как Джемс Уатт после долгих усилий изобрел свою вторую паровую машину, так называемую машину двойного действия, найдя в «обширнейшем» промышленном предприятии своего компаньона Матиаса Болтона «как технические, так и денежные средства», требовавшиеся для выполнения его плана, — лишь тогда впервые был найден двигатель, «который, потребляя уголь и воду, сам производит двигательную силу, и действия которого находятся всецело под контролем человека. Двигатель и сам средство передвижения; он позволяет концентрировать производство в городах вместо того, чтобы рассеивать его в деревне. Наконец он универсален по своему техническому применению и сравнительно мало зависит в своем местопребывании от тех или иных локальных условий». («Капитал», I, 285.) Понятно, что усовершенствованная двигательная сила, с своей стороны, воздействует на рабочую машину, толкая ее к дальнейшему развитию.

«Всякая вполне развитая машина состоит из трех существенно различных частей: двигательного механизма, трансмиссии, наконец, исполнительного механизма, или собственно рабочей машины». («Капитал», I, 281.) Двигательный механизм, как движущую силу всей машины, мы уже рассмотрели. Передаточный механизм, состоящий из маховых колес, валов, зубчатых колес, эксцентриков, стержней, приводных ремней и всякого рода промежуточных приспособлений и принадлежностей, регули-

[1] На вопрос «Что такое изобретение?» Гёте метко отвечает: «Завершение искомого».

рует движение, изменяет, где нужно, его форму, превращая его, например, из прямолинейного в круговое, распределяет и переносит его на различные части исполнительного механизма. «Обе эти части механизма существуют только затем, чтобы привести в движение исполнительный механизм, благодаря чему последний охватывает предмет труда и целесообразно изменяет его». («Капитал», I, 281.)

Именно рабочая машина, как мы видели, произвела промышленный переворот в XVIII веке. Да и теперь еще она служит исходным пунктом в процессе превращения уцелевшего до сих пор ремесленного или мануфактурного производства в машинное. Прежде всего она является либо более или менее измененной механической формой старого ремесленного инструмента, что мы встречаем, напр., в механическом ткацком станке, либо прилаженные к «пальцам» рабочей машины органы оказываются нашими старыми знакомыми, как, напр., веретена у прядильной машины, спицы у чулочновязальной машины, ножи у резальной машины и т. п. Но количество инструментов, которыми одновременно работает одна и та же рабочая машина, «с самого начала эмансипируется от тех органических ограничений, которым подчинено ручное орудие рабочего». («Капитал», I, 282.)

Теперь одна двигательная машина может посредством целесообразного приспособления передаточного механизма («разветвление на особые русла») приводить в движение одновременно ряд рабочих машин. Таким образом, отдельная рабочая машина низводится до роли простого элемента машинного производства.

В одних случаях весь продукт выделывается одной и той же рабочей машиной (напр., механическим ткацким станком),— там, на предприятии, основанном на машинном производстве, т. е. на фабрике, каждый раз перед нами снова выступает простая кооперация, при которой несколько однородных рабочих машин (рабочего мы пока можем оставить в стороне) действуют одновременно и совместно в одном и том же помещении. В этом случае, однако, существует механическое единство. Одна и та же двигательная машина, один общий толчок одинаковым образом приводит их в движение. Они — лишь органы одного и того же двигательного механизма.

В других случаях предмет труда должен проходить целый ряд связанных между собою последовательных процессов, выполняемых целой цепью разнородных, но дополняющих друг друга рабочих машин. Здесь, стало быть, снова появляется свойственная мануфактуре кооперация, основанная на разделении труда, но уже в виде комбинации частичных рабочих машин. Именно в этих случаях место отдельной самостоятельной машины впервые занимает настоящая система машин. Каждая частичная машина доставляет другой, следующей за ней, ее сырой материал. Как это наблюдается в мануфактуре при кооперации частичных рабочих, так и в

расчлененной системе машин постоянная зависимость между отдельными частичными машинами создает известное определенное соотношение между их числом, их размерами и скоростью их движения.

Эта комбинированная рабочая машина тем совершеннее, чем непрерывнее идет выполняемый ею общий процесс, т. е. чем с меньшими перерывами сырой материал доходит от первой фазы до последней, чем в большей степени, следовательно, эти переходы совершаются не при помощи человеческих рук, а самой машиной. Когда же машина исполняет все движения, необходимые для обработки сырого материала, без помощи человека и ее работа нуждается лишь в некоторых поправках со стороны человека,— тогда перед нами автоматическая система машин. Что эта последняя также способна к постоянному усовершенствованию в деталях, показывает, напр., аппарат, автоматически останавливающий прядильную машину, как только оборвется хоть одна нитка.

«Примером как непрерывности производства, так и проведения автоматического принципа может служить,— говорит Маркс,— современная писчебумажная фабрика». («Капитал», I, 288.)

Как изобретение паровой машины Уаттом, так и другие ранние изобретения в области машин могли быть осуществлены лишь благодаря тому, что мануфактурный период подготовил значительное количество искусных рабочих-механиков — частичных рабочих мануфактуры, а также самостоятельных ремесленников, которые умели изготовлять машины. Первые машины были изготовлены в ремесленных или мануфактурных мастерских.

На первых порах машины были обязаны своим существованием личному искусству и личным силам рабочих. Труд этих рабочих граничил с искусством. Машины не только были слишком дороги — момент, всегда превосходно понимаемый капиталистом,— но и дальнейшее распространение их, а следовательно, и развитие крупной промышленности оставалось в зависимости от возрастания этой категории рабочих. Между тем их искусство требовало продолжительного обучения — их число могло поэтому увеличиваться лишь постепенно.

Но на известной ступени развития крупная промышленность приходит и в техническом отношении в противоречие со своим ремесленно-мануфактурным основанием. Всякое усовершенствование или увеличение размеров машины, ее освобождение от первоначального ремесленного образца, употребление более пригодных для нее, но труднее поддающихся обработке материалов, напр., железа вместо дерева,— все это наталкивалось на величайшие трудности. Преодолеть эти трудности не могла даже система разделения труда, проведенная в мануфактуре.

«Мануфактура не могла бы создать таких машин, как, напр., современный типографский станок, современный паровой ткацкий станок и современная чесальная машина». («Капитал», I, 290.)

С другой стороны, переворот в одной какой-либо отрасли промышленности влечет за собой переворот в ряде других

отраслей, связанных с первой. Так, машинное пряденье делает необходимым машинное ткачество, и оба вместе влекут за собой химическую и механическую революцию в белильном, красильном и ситцепечатном производствах. А затем революция в способах производства в области промышленности и земледелия обусловила также переворот в средствах сообщения и транспорта.

Крупной промышленности с ее лихорадочной быстротой производства необходимо быстро получать свои сырые материалы, быстро и в больших количествах выбрасывать на рынки свои продукты. Она должна быть в состоянии привлекать и выбрасывать, сообразно своим потребностям, большие массы рабочих. Отсюда — переворот в судостроении, замена парусного судна пароходом, проселочной дороги — железной дорогой, курьера — телеграфом.

«Но огромные массы железа, которые приходилось теперь ковать, сваривать, резать, сверлить и формовать, в свою очередь требовали таких циклопических машин, создать которые мануфактурное машиностроение было не в силах». («Капитал», I, 291.)

Таким образом, крупная промышленность должна была создать себе свою собственную, соответствующую ее существу основу. Овладев машиной, она начала производить машины посредством машин же.

«Существеннейшим производственным условием для машинной фабрикации машин был двигатель, способный развивать силу в любой степени и в то же время всецело подчиняющийся контролю. Он уже существовал в виде паровой машины. Но вместе с тем задача заключалась и в том, чтобы машинным способом производить необходимые для отдельных частей машин строго геометрические формы: линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары. В первом десятилетии XIX столетия Henry Maudsley разрешил эту проблему изобретением slide rest'a, который скоро был превращен в автоматический механизм и в модифицированной форме перенесен с токарного станка, для которого он первоначально предназначался, на другие машиностроительные машины. Это механическое приспособление заменяет не какое-либо особенное орудие, а самую человеческую руку, которая создает определенную форму, приближая, прилагая острие режущего инструмента к материалу труда или направляя его на материал труда, напр. на железо. Таким образом удалось производить геометрические формы отдельных частей машин «с такой степенью легкости, точности и быстроты, которой никакая опытность не могла бы доставить руке искуснейшего рабочего»[1]. («Капитал», I, 291.)

Нет надобности долго распространяться о великолепных

[1] «The Industry of Nations», London, 1855, т. II, стр. 239. Из этого же сочинения Маркс цитирует следующее место относительно изобретения «slide rest»: «Как бы прост и на первый взгляд незначителен ни казался этот придаток к станку, мы думаем, что без преувеличения можно сказать, что его влияние на усовершенствование и распространение машин было так же велико, как вызванное усовершенствованиями Уатта в самой паровой машине».

машинах, употребляемых при машиностроении. Кто не слыхал о наших исполинских машиностроительных заводах, о тех гигантских паровых молотах, свыше 100 центнеров весом, которые, играючи, превращают в порошок гранитную глыбу, но в то же время способны давать самые легкие удары, заранее размеренные с величайшей точностью? Каждый день приносит новые успехи в машинном деле, новое расширение области их применения.

В мануфактуре разделение труда было еще главным образом субъективным. Частичные процессы были приспособлены к личности рабочего. В системе же машин крупная промышленность обладает уже вполне объективным производственным организмом, с которым рабочий сталкивается, как с уже готовым, и к которому поэтому ему самому приходится приспособляться. Кооперация, вытеснение одиночного рабочего обобществленным, становится уже не случайностью, а «технической необходимостью, диктуемой природою самого средства труда». («Капитал», I, 292.)

2. *Перенесение стоимости машин на продукт*

Подобно всякому орудию, машина входит в состав постоянного капитала. Она не создает стоимости, но лишь передает свою собственную стоимость продукту. В каждом данном случае она передает продукту ту стоимость, какую сама теряет вследствие износа.

Машина всегда входит в процесс труда целиком, а в процесс образования стоимости — только частью. Точно так же обстоит дело и с инструментом. Но разница между первоначальной общей стоимостью орудия и частью стоимости, переданной продукту, у машины гораздо больше, чем у орудия. Прежде всего она служит дольше, чем орудия, потому что построена из более прочного материала. Затем употребление ее, регулируемое строго научными законами, делает возможной бо̀льшую экономию в износе ее составных частей и в потреблении вспомогательных материалов — масла, угля и пр. Наконец, поле производства у нее несравненно шире, чем у простого инструмента.

При данном соотношении между стоимостью машин и тою частью стоимости, которую они ежедневно переносят на продукт, степень, в которой эта часть стоимости ежедневно увеличивает стоимость продукта, зависит от размера продукта. В докладе, читанном в 1858 г., г. Baynes из Блэкбёрна вычислил, что «каждая реальная механическая лошадиная сила[1] приводит в движение 450 веретен мюли с принадлежностями, или 200 тростильных веретен, или 15 ткацких станков для 40-дюймовой ткани вместе с сновальными, шлихтовальными и т. д. приспособлениями». («Капитал», I, 294—295.)

[1] К этому месту Энгельс, редактор 3-го и 4-го изданий «Капитала», делает такое примечание: «Одна лошадиная сила равна силе 33 000 футо-фунтов в минуту, т. е. силе, которая в 1 минуту поднимает 33 000 фунтов на 1 фут (английский) или 1 фунт на 33 000 футов. Это и есть та лошадиная сила, о которой выше идет речь». («Капитал», I, 294.)

Вместе с тем, дневные издержки на одну паровую лошадиную силу и износ машин, приводимых ею в движение, распределяются в первом случае на дневной продукт 450 веретен, во втором — на продукт 200 тростильных веретен, в третьем — на продукт 15 механических ткацких станков,— так что на один фунт пряжи или на аршин ткани переносится очень незначительная часть стоимости.

При данном поле действия рабочей машины, т. е. при данном количестве ее инструментов, или, если дело идет о ее силе (как, напр., в случае парового молота), при данном объеме ее силы, количество продуктов зависит от скорости, с которой машина работает.

Раз дана та пропорция, в которой машина переносит свою стоимость на продукт, величина этой части стоимости зависит от величины стоимости самой машины. Чем меньшей затраты труда она сама стоит, тем меньше стоимости она переносит на продукт. Если производство машины стоит столько же труда, сколько потом сберегает ее применение, то на деле происходит простое перемещение труда, а не увеличение его производительности. Производительность машины измеряется той степенью, в которой она сберегает человеческую рабочую силу. Поэтому нисколько не противоречит принципу машинного производства то обстоятельство, что, вообще говоря, по сравнению с товарами, производимыми ремесленным или мануфактурным способом, у машинного продукта часть стоимости, передаваемая орудием труда, относительно, т. е. по отношению к общей стоимости всего продукта, повышается, но абсолютно — падает.

С точки зрения удешевления продукта, предел применения машины дается тем, что ее собственное производство должно стоить меньше труда, чем сберегается ее применением. Но, как мы видели раньше, капитал оплачивает не употребляемый им труд, а лишь стоимость употребляемой им рабочей силы. Поэтому для него пределы применения машин определяются разницей между стоимостью машин и общей стоимостью, сберегаемой ею во весь период деятельности рабочей силы.

Но действительная заработная плата рабочего то падает ниже стоимости рабочей силы, то поднимается выше ее. Кроме того, она неодинакова в различных странах, в различные эпохи и в различных отраслях промышленности. Поэтому пределы применения машин при капитализме определяются разницей между ценой машины и ценой вытесняемой ею рабочей силы. Только эта разница имеет значение для капиталиста, только она давит на него принудительными законами конкуренции. Поэтому иногда случается, что машины, которые оказываются выгодными в одной стране, не получают применения в другой. В Америке изобрели машины для разбивания камня, но в Старом Свете они не применяются, так как пролетарии, исполняющие эту работу, получают оплату столь ничтожной части своего труда, что применение машин только удорожило бы производство для капиталиста.

Низкий уровень заработной платы является прямым препятствием для введения машин, так что и с этой точки зрения он оказывается невыгодным для общественного развития. Только в обществе, в котором будет уничтожена противоположность между капиталом и трудом, машины найдут простор для своего полного развития.

3. Ближайшие действия машинного производства на рабочего

«Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но с более гибкими членами... Таким образом это мощное средство замещения труда и рабочих немедленно превратилось в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи без различия пола и возраста». («Капитал», I, 299—300.) Обязательный труд на фабрике не только вторгся на место детских игр, он вытеснил также свободный труд в домашнем кругу, исполняемый для нужд самой семьи. «Женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин!» (Там же.)

Последствия этого для рабочего класса должны были оказаться крайне тяжкими как в экономическом, так и в социальном и моральном отношениях.

До тех пор стоимость рабочей силы определялась рабочим временем, необходимым для поддержания не только самого взрослого рабочего, но и всей рабочей семьи, чьим кормильцем он являлся. Теперь же, когда жена и дети также оказались выброшенными на рынок труда и получили возможность кое-что зарабатывать, стоимость рабочей силы мужчины стала раскладываться на всю семью. И это изменение в стоимости рабочей силы с поразительной быстротой вызывает соответствующее изменение ее цены, т. е. заработной платы. Вместо одного отца, постепенно вся семья оказывается вынужденной для поддержания своего существования работать за плату и поставлять, таким образом, капиталу не только труд, но и прибавочный труд. Таким образом, машины не только увеличивают материал для эксплоатации, но повышают и самую степень эксплоатации.

Это, впрочем, не исключает возможности некоторого номинального повышения заработка рабочей семьи. Если вместо отца начинают работать отец, мать и двое детей, то в большинстве случаев общая сумма получаемой ими заработной платы оказывается выше, чем прежняя заработная плата одного лишь отца. Но дело в том, что стоимость жизни при этом также повышается. Машина влечет за собой увеличение размеров фабричного предприятия, и она губит домашнее хозяйство рабочего. Фабричная [illegible]ница уже не имеет возможности быть домохозяйкой. Бере[illegible]ть и

расчетливость в израсходовании средств к жизни теперь невозможны.

Раньше рабочий продавал свою собственную рабочую силу, которою он, формально по крайней мере, распоряжался в качестве свободной личности. Теперь он становится рабовладельцем и продает на фабрику жену и детей. Если фарисеи капитализма громко вопиют об этом «зверстве», то они забывают, что сами создали это зверство, сами эксплоатируют его и желают увековечить под красивым названием «свободы труда». Всем этим разговорам о «зверстве» рабочих-родителей достаточно противопоставить тот крупный факт, что ограничение женской и детской работы на английских фабриках отвоевано у капитала взрослыми рабочими-мужчинами.

Маркс приводит многочисленные доказательства изнурительного действия фабричного труда на женщин и детей. Мы отсылаем к ним читателя и здесь приведем пример из новейшего времени, заимствуемый из книги Зингера «Исследования социального быта в фабричных округах северо-восточной Богемии». (Untersuchungen über die socialen Zustände in den Fabrikbezirken des nordöstlichen Böhmen, Leipzig, 1885.) Данные этой книги позволяют нам сравнить среднюю смертность детей в стране, почти совершенно незнакомой с крупною промышленностью, именно в Норвегии, с детской смертностью в стране с высокоразвитою промышленностью, которая в момент издания книги не была еще ограничена законами в защиту труда,— именно в северо-восточной Богемии.

В Норвегии с 1866 по 1874 г. из 10 000 новорожденных обоего пола, родившихся живыми, умирало в возрасте до 1 года 1 063. В то же время в нижеследующих округах с высокоразвитою промышленностью на 10 000 новорожденных, родившихся живыми, приходилось смертных случаев на первом году жизни:

Округ	
Верхняя Эльба	3 026
Габлонц	3 104
Браунау	3 236
Траутенау	3 475
Рейхенберг с окрестностями	3 805
Фридланд	4 130

Итак, смертность грудных младенцев в фабричных округах оказывается в три-четыре раза выше, чем в отсталой по своей «культуре» Норвегии. Большую смертность в первом случае нельзя объяснить — подобно тому как это делают мальтузианцы — чрезмерной плодовитостью населения. Напротив, цифра рождений там очень низка. В исследуемых Зингером округах на 1 000 жителей приходится около 35 рождений в год, между тем как для Германии приходится 42, а во всей Австрии— свыше 40.

Помимо физического и нравственного калечения, превращение незрелого человека в простую машину для производства

прибавочной стоимости породило также «интеллектуальное... одичание... его легко отличить от того первобытного невежества, которое оставляет ум невозделанным, не причиняя вреда его способности к развитию, его естественному плодородию». («Капитал», I, 304.)

Зато путем присоединения женщин и детей к общему рабочему персоналу машиной достигается один «благотворный» результат: это помогает, наконец, сломить сопротивление, которое мужчина-рабочий в мануфактуре еще оказывал деспотизму капитала.

Какова же цель, ради которой капиталист вводит машины? Не для того ли, чтобы облегчить труд рабочих? Никоим образом. Машина имеет целью путем повышения производительности труда удешевить товары и сократить ту часть рабочего дня, в течение которой рабочий воспроизводит стоимость своей рабочей силы, в пользу той части, в течение которой он создает прибавочную стоимость.

Но мы видели, что машина тем производительнее, чем меньше та часть ее собственной стоимости, которую она переносит на определенную массу продуктов. Эта же часть тем меньше, чем больше масса производимых ею продуктов. Масса эта, в свою очередь, тем больше, чем длиннее период функционирования машины. Безразлично ли для капиталиста, будет ли этот «рабочий период» его машины продолжаться, скажем, 15 лет, при 8-часовой ежедневной работе, или 7½ лет при 16-часовой работе? По арифметическому расчету время пользования машиной в обоих случаях одинаково. Капиталист, однако, считает иначе.

Он рассуждает так. Во-первых, в течение 7½ лет при 16-часовой ежедневной работе машина передает общей массе продуктов не бо́льшую стоимость, чем в течение 15 лет при 8-часовой работе. Но зато в первом случае ее собственная стоимость воспроизводится вдвое быстрее, чем во втором. Это создает для меня приятную перспективу получить в течение 7½ лет столько же прибавочной стоимости, сколько во втором случае получилось бы лишь за 15 лет,— не говоря уже о других выгодах, которые приносит с собой удлинение рабочего дня.

Далее, моя машина изнашивается не только при употреблении, но и тогда, когда она стоит в бездействии и подвергается влиянию стихий. Раз она стоит без дела, она ржавеет. Этот износ представляет собой чистый убыток, который я могу сократить путем сокращения времени бездействия машины.

Затем, в наше время непрерывных переворотов в области техники, я каждый день должен ожидать, что моя машина будет обесценена более дешевой или более совершенной в техническом отношении конкуренткой. Поэтому чем быстрее я заставлю ее возвратить свою стоимость, тем меньше опасность такой потери.

Кстати сказать, такая опасность сильнее всего грозит при первоначальном введении машин в какую-либо отрасль производства. В это время новые методы появляются на сцене один за

другим. Поэтому в такой период стремление удлинить рабочий день проявляется с особой силой.

Наш капиталист продолжает: мои машины, здания и пр. представляют капитал в столько-то тысяч марок. Когда машины бездействуют, весь мой капитал, вложенный в них, перестает приносить мне прибыль. А потому, чем больше машины работают, тем успешнее я увеличиваю не только стоимость, затраченную на машины, но и стоимость той части капитала, которая вложена в строения и пр.

К этим соображениям капиталиста присоединяется еще один мотив, который, впрочем, столь же мало сознается им самим, как и его учеными защитниками, политико-экономами,— хотя сила этого мотива нисколько от этого не уменьшается. Капиталист обзаводится машинами, чтобы сберечь заработную плату (переменный капитал), чтобы в будущем рабочий производил за один час столько же товаров, сколько прежде производил за три или четыре часа.

Машина повышает производительность труда и потому способствует удлинению прибавочного труда за счет необходимого, следовательно повышению нормы прибавочной стоимости. Но она может достичь этого результата лишь путем уменьшения числа занимаемых данным капиталом рабочих. Машинное производство превращает в машины, т. е. в постоянный капитал, часть капитала, бывшего раньше переменным, т. е. превращавшегося в живую рабочую силу.

Но мы знаем, что масса прибавочной стоимости определяется, во-первых, нормой прибавочной стоимости и, во-вторых, числом занятых рабочих. Введение машин в крупную капиталистическую промышленность имеет целью повысить первый фактор, определяющий массу прибавочной стоимости, путем сокращения второго фактора. Таким образом, в применении машин с целью производства прибавочной стоимости заключается внутреннее противоречие. Это противоречие заставляет капитал возмещать относительное уменьшение числа эксплоатируемых рабочих увеличением не только относительного, но и абсолютного прибавочного труда, удлинением рабочего дня до последней степени возможности.

Таким образом, капиталистическое применение машин создает новые могущественные стимулы для беспредельного удлинения рабочего дня. Вместе с тем оно до известной степени создает и возможность такого удлинения. Так как машина может работать беспрерывно, то капитал в своем стремлении к удлинению рабочего дня связан лишь теми рамками, которые ему ставит естественное истощение сил человеческого придатка машины, т. е. рабочего, и его сопротивление. Это последнее он подавляет, с одной стороны, путем вовлечения в производство более покорных и безответных элементов — женщин и детей, а с другой стороны — путем создания «избыточного» рабочего населения, состоящего из рабочих, выброшенных на улицу машинами.

Таким образом, машина разрушает всякие моральные и физические границы рабочего дня. Представляя «самое мощное сред-

ство для сокращения рабочего времени», она «превращается в надежнейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, предоставляемое капиталу для увеличения его стоимости». («Капитал», I, 310.)

Маркс следующими словами заканчивает отрывок, в котором он констатирует это явление: «Если бы,— мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности,—если бы каждое орудие по приказанию или по предвидению могло исполнить подобающую ему работу подобно тому, как создания Дедала двигались сами собою, или как треножники Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы таким образом ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов». И Антипатр, греческий поэт эпохи Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы для размалывания зерна, этой элементарной формы всех производительных машин, как появление освободительницы рабынь и восстановительницы золотого века! «Язычники, — да, язычники!» Они, как открыл проницательный Бастиа, а до него еще более премудрый Мак Куллох, ничего не понимали в политической экономии и христианстве. Они между прочим не понимали, что машина — надежнейшее средство для удлинения рабочего дня. И если они оправдывали рабство одних, то как средство для полного человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедывать рабство масс для превращения немногих грубых и полуобразованных выскочек в «eminent spinners», «extensive sausage makers», «influential shoe black dealers» [в «выдающихся прядильщиков», «крупных колбасников», «влиятельных торговцев ваксой»], — для этого им недоставало специфических христианских чувств». («Капитал», I, 310—311.)

Чем больше развивается применение машины, а вместе с ним и специальный класс опытных рабочих при машинах, тем более, естественно, увеличивается скорость, а следовательно, и напряженность, интенсивность труда. Такое повышение интенсивности труда оказывается, однако, возможным лишь до того момента, пока длина рабочего дня не переходит за известные границы. Далее, на известной ступени развития повышение интенсивности труда становится возможным лишь при соответствующем сокращении рабочего дня. Там, где дело идет о регулярном, изо дня в день повторяющемся труде, природа властно повелевает: до сих пор, и не дальше!

На первых порах развития фабричной промышленности в Англии удлинение рабочего дня и рост интенсивности фабричного труда шли параллельно. Но затем растущее недовольство рабочего класса привело к законодательному ограничению рабочего дня и отрезало, таким образом, для капитала всякую возможность повышать производство прибавочной стоимости первым путем, путем удлинения рабочего дня. Тогда капитал со всей энергией стал добиваться желанного результата путем ускоренного развития машинной системы и большей экономии в процессе производства.

До того времени метод производства относительной прибавочной стоимости в общем состоял в том, чтобы путем повышения производительной силы труда сделать рабочего способным с одинаковой затратой труда в одинаковый промежуток времени производить увеличенное количество продуктов. Теперь же этот метод состоит в том, чтобы путем увеличения затраты труда в один и тот же промежуток времени получить увеличенное количество труда. Сокращение рабочего дня сводится для рабочего к повышению напряжения рабочей силы, к необходимости «плотнее наполнять поры рабочего времени», «конденсировать труд». («Капитал, I, 312.») Ему приходится в один час 10-часового рабочего дня расходовать больше труда, чем раньше в один час 12-часового дня. В данный промежуток времени теперь выжимается большее количество труда.

Мы уже упомянули об обоих путях, которыми может быть достигнут такой результат: это — усиленная экономия в процессе труда и ускорение развития машин. В первом случае капитал посредством методов оплаты труда (особенно — системы поштучной платы, к которой мы еще вернемся) добивается того, чтобы рабочий в меньший промежуток рабочего времени напрягал свою рабочую силу в большей степени, чем раньше. Он стремится увеличить размеренность, однообразие, порядок и энергию труда.

Даже в тех случаях, когда капитал не мог прибегнуть ко второму средству, именно к выжиманию увеличенного количества труда путем увеличения скорости хода машин, требующих приложения физической силы, или путем увеличения размеров механизмов, требующих лишь надзора, — даже в этих случаях были достигнуты такие результаты в деле повышения интенсивности труда, которые опровергли все ранее высказанные на этот счет опасения.

Почти в каждом случае сокращения рабочего времени в Англии фабриканты заявляли, что на их предприятиях надзор за работой поставлен настолько хорошо, а внимание их рабочих так напряжено, что было бы нелепостью ожидать сколько-нибудь значительных результатов от еще большего их напряжения. И все же, едва только проводилось сокращение рабочего дня, как тем же самым фабрикантам приходилось сознаться, что их рабочие в более короткое время исполняют не только такое же количество, но иногда даже больше работы, чем прежде в течение более продолжительного времени, даже если орудия труда оставались теми же самыми. Точно так же обстоит дело и с усовершенствованием машин. Сколько раз ни заявлялось, что теперь на продолжительное время достигнута граница вообще достижимого в этой области, — всякий раз эта граница оказывалась вскоре перейденной.

Интенсификация труда рабочих при сокращении рабочего дня бывает настолько сильна, что хотя английские фабричные инспектора «неустанно и с полным правом восхваляют благоприятные результаты законов 1844 и 1850 гг.» («Капитал», I, 318), тем не

менее они в 60-х годах признавали, что сокращение рабочего дня уже породило интенсивность труда, разрушительную для здоровья рабочих.

Кто думает, что законодательное ограничение рабочего дня установит гармонию между трудом и капиталом, находится в большом заблуждении.

«Не подлежит никакому сомнению, — говорит Маркс, — что, когда законом у капитала раз навсегда отнята возможность удлинения рабочего дня, его тенденция вознаграждать себя за это систематическим повышением степени интенсивности труда и превращать всякое усовершенствование машин в средство усиленного высасывания рабочей силы скоро должна снова привести к тому поворотному пункту, на котором становится неизбежным новое сокращение рабочего времени». («Капитал», I, 318—319.)

Там, где введен 10-часовой нормальный рабочий день, там обрисованные выше усилия фабрикантов делают в непродолжительном времени необходимым восьмичасовой рабочий день.

По нашему мнению, это говорит не против, а за ограничение рабочего дня. Как и всякая настоящая социальная реформа, она перерастает свои собственные пределы и ведет к дальнейшему развитию общества, а не к его застою.

4. Машина как «воспитательница» рабочего

До сих пор мы говорили о результатах введения машин, имеющих главным образом экономический характер. Займемся теперь рассмотрением непосредственно морального влияния машинного производства на рабочих.

Если мы сравним современное производственное предприятие, которое ведется при помощи машин, т. е. фабрику, с мануфактурным или ремесленным предприятием, то нам тотчас бросится в глаза следующее обстоятельство. В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет инструмент служить себе, на фабрике же он сам служит машине. Он является «живым придатком» существующего независимо от него мертвого механизма.

Философ, или, как Маркс его называет, «Пиндар автоматической фабрики», д-р Эндрю Юр (Andrew Ure) описывает современную фабрику как «огромный автомат, составленный из многочисленных механических и сознательных органов, действующих солидарно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение». («Капитал», I, 321.) В другом месте он говорит о подданных «благодетельной силы пара». За спиною этой «благодетельной силы» стоит, конечно, ее господин, капиталист, который благодетельствует лишь самого себя.

На каждой фабрике, помимо массы рабочих, занятых при рабочих машинах, а также подсобных рабочих, мы находим еще

немногочисленный персонал, на котором лежит обязанность надзора над машинами и содержание их в исправности. Этот слой работников, получивших частью научное (инженеры), частью ремесленное (механики, столяры и т. д.) образование, стоит вне круга фабричных рабочих и потому не подлежит здесь нашему рассмотрению. Не будем мы также говорить и о подсобных рабочих, чья работа, ввиду ее простоты, легко может быть заменена машинами (это и происходит повсюду, где фабричные законы отнимают у фабрики самых дешевых из этих подсобных рабочих — детей) или же делает возможной быструю смену лиц, занятых этой работой. Здесь будет итти речь о фабричных рабочих в собственном смысле слова, т. е. о рабочих, занятых при рабочих машинах.

Вместе с прежними инструментами (иглой, веретеном, долотом) и особенная искусность в управлении ими перешла от рабочего к машине. Теперь от рабочего требуется искусность лишь в одном отношении — в умении приспособлять свои собственные движения к однообразным и непрерывным движениям машины. Такое умение быстрее всего приобретается в юношеском возрасте. Рабочий должен рано поступать на фабрику, а фабрикант уже не ограничен более тем слоем рабочих, который занят обслуживанием машин: в подрастающем рабочем поколении он всегда находит заместителей уходящим, быстро включающихся в работу.

Прудон в своей «Философии нищеты» определяет машину как «протест промышленного гения против раздробленного и человекоубийственного труда» и как «восстановление рабочего». (Маркс, «Нищета философии», 94.) В действительности, хотя машинное производство и выбрасывает за борт старую систему разделения труда вместе с ее техническими предпосылками, тем не менее эта система находит свое продолжение и на фабрике, и притом в еще более унизительной форме. Конечно, рабочий уже не управляет в течение всей своей жизни одним и тем же частичным орудием. Зато, в интересах повышенной эксплоатации, машиной злоупотребляют для того, чтобы превратить рабочего с самой колыбели в частицу частичной машины, и таким образом завершается его рабская зависимость от фабрики в ее целом, т. е., иными словами, от капиталиста.

Его труд лишается всякого духовного содержания. Он принимает чисто механический характер и, разрушая нервы рабочего, высасывает из него все силы. Специальное умение рабочего, как жалкая и мелкая деталь, исчезает перед наукой, перед огромными силами природы и перед массовым общественным трудом, воплощенным в машинной системе. Рабочему приходится безвольно покориться как автоматическому ходу машин, так и вообще предписываемой владельцем фабрики дисциплине.

Какова бы ни была форма общественной организации, совместный труд в крупном масштабе и совместное применение орудий труда, особенно машин, всегда будет требовать управ-

ления процессом труда, которое сделало бы его независимым от произвола каждого отдельного лица, участвующего в нем. Если мы не желаем отказаться от выгод машинного производства, то введение такой дисциплины, которой все обязаны подчиняться, является неизбежным. Но дисциплина дисциплине рознь.

В свободном обществе, где она обязательна для всех, она никого не угнетает. Вводимая же принудительно в интересах отдельных лиц, она означает рабство. Она переносится, как тяжкое ярмо, с крайней неохотой, только потому, что всякое сопротивление оказывается бесплодным. Поэтому потребовалась жестокая борьба, прежде чем удалось сломить сопротивление рабочих против принудительного труда, на который обрекла их машина. В упомянутой уже нами книге Юр рассказывает, что Уатт задолго до Аркрайта изобрел искусственные «прядильные пальцы», но что главная трудность состояла не столько в изобретении автоматического механизма, сколько в изобретении и проведении в жизнь соответствовавшего потребностям автоматической системы дисциплинарного кодекса! Лавровый венок за это на голову «благородного» цирюльника Аркрайта, выполнившего такой «геркулесовский» подвиг!

Дисциплинарный кодекс или, попросту говоря, фабричный распорядок современного капиталиста ничуть не заражен столь дорогой для буржуа конституционной системой «разделения властей» или еще более дорогой для него представительной системой. Наоборот, он является выражением абсолютного самодержавия предпринимателя над его рабочими.

«Кнут надсмотрщика за рабами, — говорит Маркс, — заменяется штрафной книгой надзирателя. Все наказания, естественно, сводятся к денежным штрафам и вычетам из заработной платы, и благодаря законодательному остроумию фабричных Ликургов нарушение их законов, пожалуй, еще прибыльнее для них, чем соблюдение». («Капитал», I, 325.)

Так ломается сопротивление и упорство рабочего. Притом он физически калечится непрерывной и односторонней мускульной работой, изнемогает от дурного воздуха и оглушающего шума во время работы. Вот в чем состоит благородное воспитательное влияние машины!

Мы упомянули только что о сопротивлении рабочих введению машин. При этом, однако, сознание того, что машина наносит смертельный удар свободе рабочего, было скорее инстинктивным. В первую голову борьба против машины велась как против способа вытеснения человеческого труда. Именно по этой причине машина для тканья лент, изобретенная впервые, как говорят, в середине XVI века в Данциге, была тотчас воспрещена тамошним муниципалитетом. Впоследствии она же подверглась запрещению в Баварии и в Кельне, а в 1685 г. особым императорским эдиктом была запрещена во всей Германии. Бунты английских рабочих против введения машин про-

держались вплоть до XIX столетия. Имели они место и в других странах. Они происходили еще во Франции в 30-х годах прошлого века, а в Германии — в 1848 г.

Нетрудно, конечно, фарисейски возмущаться по поводу такого варварского способа борьбы против величайшего завоевания нового времени. Факт таков, что машина прежде всего выступает всюду в качестве врага рабочего, предназначенного для его вытеснения. В мануфактурный период разделение труда и кооперация внутри мастерской проявляли себя, главным образом, с положительной стороны, — повышая производительность занятых рабочих. Машина же сразу выступает в качестве конкурента рабочего. Для вытесняемых ею рабочих не может служить большим утешением, что страдания их «преходящи» или что машины лишь постепенно овладевают всем полем производства, а это уменьшает размеры и интенсивность их разрушительного действия. «Одно утешение, — возражает Маркс, — побивается другим». («Капитал», I, 331.)

В последнем случае машина в конкурирующих с нею слоях рабочего населения создает хроническую нищету. Там же, где переход совершается быстро, ее действие носит массовый и острый характер.

«Всемирная история не дает более ужасающего зрелища, чем медленная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 г. гибель английских хлопчатобумажных ткачей. Многие из них умерли голодной смертью, многие долго влачили существование с своими семьями на 2½ п. в день. Напротив, английские хлопчатобумажные машины произвели острое действие на Ост-Индию, генерал-губернатор которой констатировал в 1834—1835 гг.: «Бедствию этому едва ли найдется аналогия в истории торговли. Равнины Индии белеют костями хлопко-ткачей». Конечно, поскольку эти ткачи расстались с сей временной жизнью, постольку машина уготовала им только «временные страдания». («Капитал», I, 331.)

Орудие труда убивает рабочего. Это проявляется особенно осязательно всякий раз, когда вновь введенная машина вступает в конкуренцию с традиционным ремесленным или мануфактурным производством. Но и в рамках самой крупной промышленности постоянное улучшение машин оказывает аналогичное действие. Маркс для доказательства этого положения приводит множество свидетельств из отчетов английских фабричных инспекторов. Мы не будем на них останавливаться подробнее, так как самый факт не может быть оспариваем.

Обратимся лучше снова от машины, как конкурентки рабочего, к машине, как его «воспитательнице».

Множество «пороков», к которым рабочий класс, по мнению его капиталистических друзей, проявляет явную склонность, — отметим здесь лишь строптивость, леность и пьянство, — не имеют более действительного врага, чем машина. Она является самым могущественным средством борьбы капитала против рабочих в тех случаях, когда они сопротивляются его самодержавию

или недовольны получаемой заработной платой, рабочим временем и пр., или когда они дерзают восставать путем стачки и т. п.

«Можно было бы, — говорит Маркс, — написать целую историю таких изобретений с 1830 г., которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущений рабочих». («Капитал», I, 335.)

Но так как всякое дальнейшее приложение научных открытий к промышленности, т. е. развитие машины, является желанным шагом вперед, то кажется, будто рабочие нарочно наделены упомянутыми пороками специально для того, чтобы помимо своей воли содействовать этому прогрессу. Таким образом, мы видим, что в капиталистическом мире все — даже пороки рабочих — в конечном счете ведет к лучшему.

5. Машина и рынок труда

Машина вытесняет рабочего — таков факт, не подлежащий сомнению. Но факт этот очень неприятен для тех, кто считает капиталистический строй наилучшим в мире. Поэтому было не мало попыток затушевать этот неприятный факт.

Так, напр., ряд экономистов утверждал, что всякая машина, вытесняя рабочих, всегда освобождает в то же время соответствующий капитал, достаточный для того, чтобы снова дать занятие этим же рабочим. Капиталом этим, по их мнению, являются те средства к жизни, которые потребили бы рабочие, если бы не потеряли работы! Эти средства освобождаются вследствие вытеснения рабочих и потому, якобы, требуют предоставления нового занятия этим последним, чтобы быть ими потребленными.

Однако те средства к жизни, которые рабочий покупает для своего потребления, в действительности являются для него не капиталом, а простым товаром. Капиталом являются для него лишь деньги, за которые он продает свою рабочую силу. Эти деньги вовсе не освобождаются при введении машины. Напротив, они служат для закупки машин и, таким образом, связываются.

Введение машины не освобождает весь переменный капитал, служивший для найма вытесняемых ею рабочих, а превращает его, по крайней мере отчасти, в постоянный капитал. Поэтому введение новой машины при прежней величине прилагаемого капитала означает увеличение постоянного и сокращение переменного капитала.

Поясним это примером.

Предположим, что капиталист применяет капитал в 200 000 марок, из которых 100 000 служат ему в качестве переменного капитала. Он нанимает 500 рабочих. Положим, он вводит машину, которая позволяет ему получить тот же продукт с помощью 200 рабочих вместо 500. Машина стоит 50 000 марок.

Прежде капиталист употреблял 100 000 марок постоянного и столько же переменного капитала. Теперь же он употребляет

150 000 марок постоянного и только 40 000 переменного капитала. При этом освобождается только 10 000 марок, на которые, однако, можно будет занять не 300 рабочих, а лишь не больше 10 — если эта сумма будет употребляться на тех же условиях, что и остальная часть капитала. В самом деле, из этих 10 000 марок около 8 000 должны быть истрачены на приобретение машин и проч., и только 2 000 марок остаются на долю переменного капитала.

Как видим, вовсе не происходит освобождения соответствующего капитала.

Маркс доказал совершенную необоснованность теории, по которой машина, освобождая рабочих, освобождает в то же время соответствующий капитал. Единственное средство ослабить этот неприятный вывод состоит лишь в том, чтобы самому Марксу приписать какое-нибудь столь же необоснованное утверждение.

Так, в одной статье, автор которой «научно» разделывает Маркса, мы наткнулись на следующее место:

«У него (Маркса) машина просто вытесняет труд, между тем как она ведь может стать причиной повышения общего количества труда и, в самом деле, часто оказывается такой причиной. И при этом совсем нет необходимости в том, чтобы увеличение размеров производства освобождало, а следовательно, делало излишним труд где-нибудь на другом конце света, — как это впоследствии часто категорически утверждалось в различных социалистических изданиях. Производство увеличенных размеров легко может иметь место уже благодаря общему росту производительных сил и связанному с этим повышению потребительной способности». (Статья профессора Лера в «Vierteljahresschrift für Volkswirtschaft», 23 Jahrgang, стр. 114.)

А профессор Юлиус Вольф в сочинении, переполненном извращениями учения Маркса, приписывает Марксу утверждение, «что если общая сумма капитала в стране растет, то в самом лучшем случае может найти себе занятие рабочее население, по количеству равное прежнему, и именно потому, что машины вытесняют все больше и больше людей». («Socialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung». Stuttgart, 1892, стр. 258.)

В действительности же Марксу никогда и в голову не приходило утверждать то, что ему здесь приписывается. Маркс никогда не думал, что «машина просто вытесняет труд». Напротив, он систематически и обстоятельно, как, насколько нам известно, никто до него, изложил условия, при которых машина «может стать причиной повышения общего количества труда и в самом деле часто оказывается такой причиной», и это нисколько не противоречит тому положению, что машина вытесняет рабочих.

Маркс утверждает, что машина сокращает число занятых рабочих по отношению ко всему применяемому капиталу, что с развитием машин переменный капитал относительно сокращается, а постоянный — растет. Пе-

ременный капитал и число занятых в этой отрасли промышленности рабочих может, несмотря на введение, умножение и усовершенствование машин, одновременно с этим расти, если в достаточной степени увеличивается общая сумма применяемого в производстве капитала[1]. Если в таких случаях число занятых рабочих не уменьшается, то это следует приписать не освобождению капитала машиной, а притоку нового добавочного капитала. Тенденция машины лишать рабочего работы благодаря этому смягчается и временно преодолевается, но никоим образом не уничтожается. Она снова обнаруживает свое действие, и вместе с тем относительное уменьшение числа рабочих превращается в абсолютное, как только приток нового добавочного капитала замедляется и падает ниже известного уровня.

Вернемся для наглядности к нашему прежнему примеру. Мы имели дело с капиталом в 200 000 марок, из которых 100 000 марок представляли переменный капитал, дававший занятие 500 рабочим. Введение новой машины повысило размеры постоянного капитала до 158 000 марок и уменьшило переменный капитал до 42 000, а число занятых рабочих — до 210 человек. Предположим, что одновременно с этим в предприятие вкладывается 400 000 марок нового капитала, предприятие соответствующим образом расширяется; в этом случае число занятых рабочих возрастает до 630 человек, т. е. на 130 человек больше их прежнего количества. Но если бы машина не была введена, то утроенный капитал, разумеется, утроил бы и число рабочих, увеличив его с 500 до 1 500 человек.

Однако, если машина всегда вызывает относительное, а иногда и абсолютное уменьшение числа рабочих в той отрасли труда, где она введена, то она может вызвать одновременно увеличение числа рабочих в других отраслях, связанных с первой.

Машина вызывает необходимость в новой категории рабочих — машиностроительных рабочих.

Введение машины в какой-нибудь отрасли промышленности вызывает увеличение общей массы производимых в ней продуктов.

Последнее обстоятельство, в свою очередь, требует увеличения количества сырого материала, а следовательно, при прочих равных условиях, и числа занятых его производством рабочих. Допустим, вводится машина, изготовляющая 1 000 аршин пряжи, быть может, при меньшем количестве рабочих, но так же быстро, как раньше изготовлялось 100 аршин. В таком случае число прядильных рабочих, быть может, уменьшится, но зато одновременно возрастает число рабочих, занятых на хлопковых плантациях. Распространение прядильных машин в Англии было главной причиной увеличения числа негров-рабов в Соединенных Штатах.

---

[1] Рост производства, конечно, предполагает также и соответствующее расширение рынка сбыта. Этот чрезвычайно важный фактор мы, однако, не можем рассматривать здесь подробнее.

Если пряжа подешевеет, то ткач (мы предполагаем, что он остается еще ремесленником) может, не повышая расходов на сырой материал, расширить свое производство. Его доходы возрастут, и его ремесло станет привлекать все больше и больше новых лиц.

«Если машина овладевает предварительными или промежуточными ступенями, через которые должен пройти предмет труда, пока он не примет своей окончательной формы, то вместе с материалом труда увеличивается и спрос на труд в тех отраслях труда, которые ведутся еще ремесленным или мануфактурным способом и в которые поступает машинный фабрикат». («Капитал», I, 342.)

С развитием машины растет прибавочная стоимость и та масса продуктов, в которой она выражается. А вместе с этим возрастает роскошь у класса капиталистов и его присных. Растет спрос на рабочих, занятых производством предметов роскоши, а также на слуг, лакеев и проч. В 1861 г. в Англии в текстильной промышленности было занято 642 607 лиц, тогда как число прислуги достигало 1 208 648 лиц.

Помимо этих факторов, обусловливающих увеличение спроса на труд в результате введения машин, Маркс называет еще один, а именно — возникновение новых областей приложения труда, как например, газовые заводы, железные дороги и т. д.

Достаточно сравнить с этими выводами из исследования Маркса то, что вкладывают ему в уста господа профессора, не говоря уже о плодах их собственной учености, чтобы получить представление о том, чего стоят их труды!

Разумеется, когда Маркс исследовал, каким образом введение машин может привести к увеличению спроса на труд, то сделал это не с той целью, чтобы затушевать страдания, которые несет с собой рабочему населению фабричная система. Фабрика разрушает семью рабочего, похищает у него юность, увеличивает его труд, лишая последний всякого содержания, калечит его физически и духовно и делает его безвольным орудием в руках капиталиста, — а буржуазные экономисты полагают, что самым блестящим образом прославят капиталистическое применение машин, если докажут, что с ростом числа машин растет и число наемных рабочих на фабриках. Как будто такой рост не есть рост нищеты! А на-ряду с бедствиями труда растут и бедствия безработицы.

Переменный капитал может абсолютно возрастать с распространением машин, но рост этот необязателен. В разных отраслях крупной промышленности уже не раз констатировалось, на-ряду с увеличением постоянного капитала, абсолютное уменьшение переменного капитала, уменьшение числа занятых рабочих. Некоторые относящиеся сюда факты мы приведем в третьем отделе, в главе о перенаселении.

Мы здесь совершенно не упоминаем о безработице и нищете, порождаемых как внутри данной страны, так и за границей конкуренцией крупной промышленности с соответствующими отраслями ремесла и домашней промышленности. Вспомним,

что говорилось в предыдущей главе о положении английских и ост-индских ручных ткачей в начале XIX века, которые сотнями тысяч умирали с голоду, тогда как число английских фабричных ткачей возросло за то же время лишь на несколько тысяч. Вульгарные экономисты, пытающиеся убедить рабочих, что машина создает новые занятия для освобожденных рабочих, видели только эти тысячи новых рабочих, благоразумно умалчивая о сотнях выброшенных на улицу.

Даже в том случае, если одновременно с освобождением рабочих в одной отрасли происходит увеличение спроса на труд в другой, это представляет плохое утешение для лишившихся работы. Разве может рабочий, всю жизнь работавший в известной отрасли промышленности, завтра же перескочить в другую отрасль?

На-ряду с колебаниями на рынке труда, которые вызываются непрерывным изменением в соотношении между постоянным и переменным капиталом к невыгоде последнего, этот рынок с развитием крупной промышленности начинает испытывать на себе другое специфическое влияние, переплетающееся с первым.

Как только созданы общие условия производства, соответствующие крупной промышленности, т. е. как только машиностроение, добыча угля и железа, транспорт и т. п. достигают известной высоты развития, этот способ производства оказывается способным к невероятно быстрому расширению. Это расширение находит себе границы лишь в сырье и рынках сбыта. Отсюда — постоянное лихорадочное стремление к открытию новых рынков, доставляющих новое сырье и новых покупателей для фабричных продуктов. За каждым значительным расширением сбыта следует период лихорадочного расширения производства, пока рынок не переполнится, после чего наступает период застоя.

«Промышленная жизнь превращается в последовательный ряд периодов среднего оживления, процветания, перепроизводства, кризиса и застоя». («Капитал», I, 349.)

Для рабочего такой круговорот означает постоянное колебание между чрезмерным трудом и безработицей, полную необеспеченность как относительно получения работы, так и относительно высоты заработка, вообще полную необеспеченность жизни.

Это движение переплетается с порождаемым успехами техники относительным, а зачастую и абсолютным уменьшением переменного капитала. Иногда их действия противоположны, например, во время процветания, когда технический прогресс заботится о том, чтобы рабочий не слишком «избаловался». Иногда же они действуют совместно в одном и том же направлении. Это происходит во время кризиса, когда, на-ряду с безработицей, царит самая необузданная конкуренция и бешеное стремление к понижению цен. Это понижение цен достигается частью благодаря введению новых, сберегающих труд машин, частью же благодаря удлинению рабочего дня и понижению заработной платы, — но всегда за счет рабочего.

6. Машина как революционизирующий фактор

Когда какому-нибудь из апостолов социальной гармонии показывают картину капиталистической фабричной системы и спрашивают его, продолжает ли он еще верить, что мы живем в лучшем из миров, он обыкновенно пытается уклониться от прямого ответа, заявляя: «Да, мы живем еще в переходном состоянии. Капиталистическая крупная промышленность еще не смогла в полной мере обнаружить свои благодетельные свойства. Она еще связана в своем развитии обломками средневековья. Но сравним положение фабричных рабочих с положением рабочих в домашней и ремесленной промышленности. Тогда мы найдем, что положение первых значительно лучше положения последних. Следовательно, крупная промышленность существенно улучшила положение рабочих, а не ухудшила». Так сказал бы апостол гармонии.

Бесспорно, в тех отраслях промышленности, в которые вторгалось крупное производство, рабочие, занятые в уцелевших остатках домашней промышленности, ремесла и мануфактуры, живут в еще более жалких условиях, чем занятые на фабриках. Но говорит ли это в пользу капиталистической крупной промышленности? Конечно, нет. Этот факт объясняется просто тем, что в тех отраслях промышленности, куда проникает фабричная система, она ухудшает не только положение тех рабочих, которые вовлекаются на фабрики, но и тех, которые продолжают еще работать вне фабрик, притом ухудшает положение последних еще в большей степени, чем первых. «Прогресс», порождаемый капиталистической крупной промышленностью, состоит в том, что те же страдания и лишения, на которые она обрекает фабричных рабочих, она в удвоенной и в утроенной степени возлагает на рабочих домашней промышленности, ремесла и мануфактуры.

«Эксплоатация дешевых и незрелых рабочих сил приобретает в современной мануфактуре еще более бесстыдный характер, чем в собственно фабрике, потому что техническая основа последней, замещение мускульной силы машинами и легкость труда в мануфактуре по большей части отсутствует; притом в мануфактуре женский организм или еще неокрепший организм малолетних самым бессовестным образом предается действию ядовитых веществ и т. д. При так называемом домашнем труде эксплоатация приобретает еще более бесстыдный характер, чем в мануфактуре, потому что способность рабочих к сопротивлению уменьшается их разделением и потому что между собственно работодателем и рабочим вторгается целый ряд хищных паразитов, потому что домашний труд повсюду борется с машинным или по меньшей мере мануфактурным производством той же самой отрасли, бедность похищает у рабочего необходимейшие условия труда — просторное помещение, свет, вентиляцию и т. д., — нерегулярность занятий растет и, наконец, потому что в этих последних убежищах для всех, кого крупная промышленность и земледелие сделали «излишни-

ми», конкуренция между рабочими необходимо достигает своего максимума.

Впервые систематически выработанное машинным производством экономизирование средств производства, сопровождаемое самым беспощадным расточением рабочей силы и хищничеством по отношению к нормальным условиям функционирования труда, теперь тем сильнее обнаруживает эту свою истребительную и человекоубийственную сторону, чем меньше в данной отрасли промышленности развита общественная производительная сила труда и техническая основа комбинированных процессов труда». («Капитал», I, 357—358.)

Все, что в силах вынести человек, не погибая тут же на месте, приходится претерпевать рабочим домашней промышленности. Вынужденные соперничать в дешевизне с машиной, эти рабочие все более и более понижают свои потребности в пище, одежде, свете, воздухе и отдыхе, достигая, наконец, такого уровня, ниже которого не могла бы спуститься самая пылкая фантазия. Маркс рассказывает о так называемых кружевных школах, где работали дети начиная с двухлетнего возраста. В английских мастерских для плетения соломы работали дети начиная с трех лет, притом часто до полуночи, в тесных помещениях, где приходилось иногда лишь 12—17 кубических футов на человека.

«Меньшие из этих чисел, — говорит член комиссии White, — представляют помещение меньше половины того пространства, которое занял бы ребенок, упакованный в ящик, имеющий по 3 фута по всем трем измерениям». («Капитал», I, 363.)

Но как бы ни был вынослив человек, все же есть границы, ниже которых он не может опускаться. Раз эти границы достигнуты, — для домашней промышленности бьет час быстрой гибели вследствие введения машин. Рабочим домашней промышленности остается найти себе другое занятие, либо погибать с голоду еще быстрее, чем раньше. То же самое происходит в ремесле и мануфактуре, отживших свой век.

Переход от мануфактуры к крупной промышленности ускоряется введением фабричных законов. Как только домашняя промышленность подчиняется законодательным ограничениям, она тотчас теряет под собою почву. Только неограниченная и непомерная эксплоатация женской и детской рабочей силы могла еще продлить ее существование.

Если машина действует столь революционизирующим образом во всех отраслях промышленности, которыми она завладевает, то она действует, пожалуй, еще революционнее, проникая в область з е м л е д е л и я. Здесь она делает обыкновенно рабочего не только относительно, но и абсолютно излишним. Исключение составляют те случаи, когда ее введение совпадает с быстрым ростом площади обрабатываемой земли, как это происходило, напр., в Соединенных Штатах.

Там, где машина проникает в земледелие, крестьянину грозит та же участь, как и пережиткам домашних промыслов в промышленности. Вместе с ним рушится самый прочный устой

старого общества. Крестьяне и наемные рабочие, оказавшиеся «излишними» в деревне, устремляются в города. Крупные города непомерно разрастаются, а в деревне наблюдается обезлюдение. Скопление огромных масс населения в городах порождает физическую хилость промышленных рабочих. Разбросанность же деревенского населения ведет к понижению умственных интересов сельских рабочих, разрушает их духовную жизнь, ломает их силу сопротивления капиталу. С ростом крупных городов растет хищническое расточение плодородия почвы, так как элементы почвы, взятые от нее в виде средств существования, не возвращаются к ней обратно. Они заражают *города в виде экскрементов и отбросов*, вместо того, чтобы служить для удобрения земли.

Вместе с применением современной технологии к сельскому хозяйству умножаются, однако, и средства, позволяющие получать от почвы все более и более обильные урожаи. Все больше берется от почвы и все меньше ей возвращается. Таким образом, капиталистическое употребление машин развивает, наряду с хищнической эксплоатацией человеческой рабочей силы, такую же эксплоатацию почвы. Оно опустошает землю и губит рабочего физически и духовно.

Но в то же время оно развивает зародыши новой, высшей культуры и создает те движущие силы, которые призваны пробить ей дорогу. Маркс видел в нищете не только нищету, но и зародыши лучшего будущего, которые она таит в своих недрах. Он не осуждает фабричную систему, не обвиняет ее, а хочет ее понять. Он не морализирует, а исследует. И он сам обращает при этом наше внимание на своего предшественника, впервые распознавшего революционную сторону современной фабричной системы — на Роберта Оуэна.

Крупная промышленность породила такую страшную нищету, как ни один из прежних способов производства до нее. Но теперешняя нищета масс не порождает застоя всего общества. Мы не видим теперь стоячего болота нищеты, в которое медленно и незаметно погружается все общество, как это было в римском обществе времен цезарей.

Современный способ производства скорее похож на водоворот, который увлекает и перемешивает один с другим все слои общества, поддерживая их в непрерывном движении. Отсталые производственные отношения разрушаются, а вместе с ними падают и унаследованные предрассудки. Но и новые производственные отношения, выступающие на место старых, сами отнюдь не отличаются устойчивостью. Напротив, они претерпевают постоянные видоизменения. Одно изобретение, один метод труда вытесняется другим. Целые массы капитала и труда непрерывно перебрасываются из одной отрасли производства в другую, из одной страны в другую.

Исчезает всякая прочность отношений, а с нею исчезает и всякая вера в их прочность. Консервативные элементы уничтожаются. Крестьянин вытесняется в крупные города, где концент-

рируется в настоящее время движущая сила истории и где он не только не ослабляет, но еще усиливает энергию движения. Женщины и дети привлекаются на фабрику. Разрушается консервативный элемент буржуазной формы семьи. Бережливая, охраняющая свое достояние домохозяйка превращается в наемную работницу промышленности, борющуюся за свое существование.

А в этом полном крушении старого порядка, происходящем перед нашими глазами, уже обнаруживаются зародыши нового.

Чрезмерно продолжительный, однообразный труд довел рабочее юношество до такой степени одичания, что во всех промышленных государствах, в той или иной форме, элементарное обучение было признано обязательным условием работы на фабрике. С тех пор стали признавать, что дети рабочих учатся не только не хуже, но даже лучше и охотнее, чем школьники из состоятельных классов.

«Дело объясняется просто, — говорит об этом один фабричный инспектор. — Те, кто проводит в школе только половину дня, постоянно свежи и почти всегда способны и готовы учиться. Система труда, чередующаяся с школой, превращает каждое из этих двух занятий в отдохновение и освежение после другого, и, следовательно, она много пригоднее для ребенка, чем непрерывность одного из этих двух занятий». Маркс добавляет к этому: «Из фабричной системы, как можно проследить в деталях у Роберта Оуэна, вырос зародыш воспитания будущего, которое для всех детей с известного возраста соединит производительный труд с обучением и гимнастикой, причем это будет не только методом повышения общественного производства, но и единственным методом создания всесторонне развитых людей». («Капитал», I, 375.)

К этому перевороту в области педагогики должны будут присоединиться еще другие перевороты. Широко проведенное разделение труда в обществе на отдельные занятия и специальности, свойственное еще эпохе ремесла, и разделение труда внутри отдельных предприятий, присоединившееся к этому в мануфактурный период, имели в высшей степени неблагоприятные последствия для трудящихся. Условия производства развивались медленно, временами совершенно закосневая. Человек был, таким образом, в течение всей жизни прикреплен к определенной частичной операции, в которой он достигал необычайной виртуозности. В то же время его калечила односторонность, и он оказывался лишенным того гармонического развития, которое еще классической древности придавало ее идеальную красоту.

Машина в тех отраслях промышленности, которыми она завладевает, устраняет для рабочего необходимость долголетнего упорного обучения, которое нужно, чтобы овладеть определенною специальностью. Но она же делает невозможным, чтобы человек в течение всей своей жизни остался прикрепленным к определенной частичной операции, так как она постоянно рево-

люционизирует условия производства, отрывает рабочего от одной отрасли труда и бросает в другую.

Но какие страдания приносит с собой теперь это постоянное движение, при котором сотни тысяч пролетариев всегда образуют резервную армию безработных, с жадностью хватающуюся за всякое дело, какое бы им ни предложили! И как незначительна теперь способность приспособления к различным видам деятельности у наемного рабочего! Его тело и дух одинаково искалечены еще в юности. Ему недостает знакомства с различными механическими и техническими процессами, применяемыми в современном крупном производстве. Ему, наконец, недостает эластичности, чтобы приспособиться к этим разнообразным процессам. Если рабочий крупной промышленности прикреплен не на всю свою жизнь к определенной частичной операции, то он все же отдается ей изо дня в день целые месяцы и годы, с теми лишь перерывами, которые вызываются безработицей и голодовками.

Как резко изменилось бы положение дела, если бы разнородные частичные функции чередовались по дням или даже по часам так, чтобы они не утомляли и не отупляли, а возбуждали и оживляли, если бы деморализующая безработица исчезла, а технические революции не происходили за счет рабочего.

В числе многих предпосылок такой перемены есть одна — педагогического характера. Рабочий класс должен приобрести научное знакомство с процессом и методами производства, должен приобрести практическое уменье управлять самыми различными орудиями производства. И теперь уже попытки к этому делаются в профессиональных школах и т. п. учреждениях, но в совершенно недостаточной степени. «Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединяет с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению, как теоретическому, так и практическому». («Капитал», I, 379.)

Наконец, какой переворот в области семейных отношений таится в крупной промышленности! Она уже и теперь уничтожает для наемного рабочего традиционную форму семьи. Не только отношения между мужчиной и женщиной, но и между родителями и детьми изменились благодаря вовлечению женского и детского труда в промышленность. Родители из защитников и кормильцев превратились во многих случаях в эксплоататоров детей. Напомним еще раз о несчастных детях, занятых в английских заведениях для плетения соломы и работающих начиная с трехлетнего возраста при самых ужасных условиях.

«Бедные, опустившиеся родители, — говорит Маркс, — только и думают о том, как бы выколотить из детей возможно побольше. Выросши, дети естественно не ставят родителей ни в грош и оставляют их». («Капитал», I, 363.) «Однако не злоупотребление родительской властью создало прямую или косвенную эксплоа-

тацию незрелых рабочих сил капиталом, а, наоборот, капиталистический способ эксплоатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление». («Капитал», I, 380.) «Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя женщинам, подросткам и детям обоего пола решающую роль в общественно-организованном процессе производства, за пределами дома, создает новый экономический базис для более высокой формы семьи и отношений между обоими полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной формой семьи христианско-германскую форму или древне-римскую, или древне-греческую, или восточную, которые, впрочем, связаны между собою последовательностью исторического развития. Точно так же ясно, что сочетание в комбинированном рабочем персонале лиц обоего пола и разнообразнейших возрастов, являющееся зачумленным источником испорченности и рабства, пока оно выступает в своей грубой, непосредственно сложившейся капиталистической форме, при которой рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, — что это же сочетание при соответствующих условиях должно, наоборот, превратиться в источник человеческого развития». («Капитал», I, 380—381.)

После того как Маркс развернул перед нами такие перспективы на будущее, мы можем примириться с машинной системой и с крупной промышленностью. Как ни безмерны страдания, которым она подвергает рабочий класс, эти страдания, по крайней мере, не напрасны. Мы знаем, что на ниве труда, удобренной миллионами трупов пролетариев, взойдут новые посевы, — высшая общественная форма. Машинное производство создает почву, которая породит новое поколение, далекое от односторонней ограниченности ремесла и мануфактуры; не раба природы, каким был человек при первобытном коммунизме; не человека, чья физическая и духовная сила и красота куплены ценой подавления бесправных рабов, как во время классической древности, а поколение, гармонически развитое, жизнерадостное и способное наслаждаться жизнью, господствующее над землей и силами природы, охватывающее в братском равенстве всех членов общества.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПРИБЫЛЬ НА КАПИТАЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

1. Изменения в величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости

Во втором отделе мы занимались главным образом вопросом о производстве прибавочной стоимости. Теперь мы обратимся прежде всего к законам заработной платы.

Начнем с вопроса, который служит введением к этому и вместе с тем переходом от второго отдела к третьему. Вопрос этот находится до некоторой степени на границе обоих этих отделов. Речь идет об изменении в величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости под влиянием изменений трех факторов, уже известных нам из второго отдела.

1) величины рабочего дня,
2) нормальной интенсивности труда и
3) производительности труда.

Эти три фактора могут изменяться самым различным образом. Они могут изменяться и каждый в отдельности, и попарно, и все вместе, притом величина и направление этих изменений могут быть различны. Разбор всех вытекающих отсюда комбинаций завел бы нас слишком далеко. Их можно логически вывести из главных комбинаций, изложением которых мы и ограничимся. Мы займемся разбором тех перемен в относительной величине прибавочной стоимости и цены рабочей силы, которые происходят тогда, когда один из трех факторов изменяется, в то время как другие два остаются неизменными.

а) Величина рабочего дня и интенсивность труда остаются неизменными, а производительность труда изменяется.

Производительность труда оказывает, конечно, влияние на количество продуктов, производимых в определенный промежуток времени, но не на величину стоимости этой массы продуктов. Если вследствие какого-нибудь изобретения прядильщик может переработать в час вместо 1 ф. хлопка 6 ф., то он произведет теперь в час в шесть раз больше пряжи, но лишь прежнюю стоимость.

Превращая хлопок в пряжу, он придает теперь каждому фунту последней в 6 раз меньше стоимости, чем прежде. Такое понижение стоимости влияет, в свою очередь, на стоимость средств потребления работника, напр., его одежды. Стоимость рабочей силы понижается, а прибавочная стоимость увеличивается в той же мере. При понижении производительности труда наблюдается, разумеется, обратное явление.

Увеличение или уменьшение прибавочной стоимости всегда является следствием, а не причиной соответственного увеличения или уменьшения стоимости рабочей силы. Соответствует ли понижению стоимости рабочей силы падение ее цены и в какой именно степени, зависит от разных обстоятельств, главным образом от силы сопротивления рабочего класса.

Предположим, что вследствие повышения производительности труда стоимость рабочей силы понизится с 3 до 2 марок в день, а цена ее — только до 2½ марок. Если раньше дневная прибавочная стоимость, производимая одним рабочим, также равнялась 3 маркам, то теперь она возрастает не до 4 марок, а, к большому негодованию капиталиста, только до 3½ марок.

К счастью для капиталиста, это случается очень редко, так как для этого требуется не только большая сила сопротивления рабочих, но и неизменность остальных двух факторов — длины рабочего дня и интенсивности труда. Влияние изменения этих последних обычно, по примеру Рикардо, оставляется экономистами без внимания.

Рассмотрим же теперь, как действует каждое из этих изменений.

в) Рабочий день и производительность труда остаются неизменными, а интенсивность труда изменяется.

Работать интенсивнее — значит расходовать в то же самое время больше труда и, стало быть, создавать за тот же промежуток времени бо́льшую стоимость. Если прядильщик при той же степени производительности труда вследствие большей его напряженности переработает в час не 1 ф. хлопка, а 1½ ф., то он в этот час создаст в 1½ раза больше стоимости, чем прежде. Если до сих пор он за 12 часов производил стоимость в 6 марок, то теперь произведенная им стоимость будет равна 9 маркам. Если цена его рабочей силы равнялась 3 маркам, а теперь поднялась до 4 марок, то и прибавочная стоимость возрастает, в свою очередь, с 3 до 5 марок.

Неверно, следовательно, то часто повторяющееся утверждение, что повышение цены рабочей силы возможно только за счет прибавочной стоимости. Это имеет силу только для первого из рассматриваемых нами случаев, но не для настоящего случая. Заметим кстати, что в этом втором случае повышение цены рабочей силы не всегда означает, что цена поднялась выше стоимости. Если повышенная цена не покрывает более быстрого износа рабочей силы, являющегося неизбежным следствием усиления интенсивности труда, то в действительности цена рабочей силы упала ниже ее стоимости.

Интенсивность труда различна у различных наций. «Более интенсивный рабочий день одной нации выражается в более крупной сумме денег, чем менее интенсивный день другой нации». («Капитал», I, 408.)

На английских фабриках в общем рабочий день короче, чем на германских. Но именно поэтому труд в первых гораздо интенсивнее. Таким образом, английский рабочий производит в рабочий час бо́льшую стоимость, чем его немецкий товарищ. «Более или менее значительное сокращение рабочего дня на континентальных фабриках, — говорит Маркс, — было бы самым действительным средством уменьшить эту разницу между континентальным и английским рабочим часом». («Капитал», I, 408.)

с) Производительность и интенсивность труда остаются неизменными; величина рабочего дня изменяется.

Это изменение может происходить в двух направлениях:

1) Рабочий день сокращается. На величину стоимости рабочей силы это сокращение не влияет. Оно происходит за счет прибавочной стоимости. Если капиталист хочет сохранить ее неурезанной, он должен понизить цену рабочей силы ниже уровня ее стоимости.

На этот случай часто ссылаются противники законодательного ограничения рабочего дня. Но их аргументация действительна лишь тогда, когда не изменяются интенсивность и производительность труда. В действительности же сокращение рабочего дня всегда является или причиной или следствием повышения интенсивности и производительности труда.

2) Рабочий день удлиняется. Следствия этого изменения весьма мало печалят капиталиста. Возрастают как общая стоимость произведенной в течение рабочего дня массы продуктов, так и прибавочная стоимость. Цена рабочей силы также может возрасти, но здесь, как и при увеличении интенсивности труда, повышение цены может фактически оказаться падением ее ниже уровня ее стоимости, если оно не уравновешивает усиленного износа рабочей силы.

Случаи **а, в** и **с** редко встречаются в чистом виде. Обыкновенно изменение одного из трех факторов влечет за собой изменение и остальных факторов. Маркс исследует, между прочим, и такой случай, когда интенсивность и производительность труда возрастают, а рабочий день в то же время сокращается, и указывает границу, до которой может дойти сокращение рабочего дня. При господстве капиталистического способа производства рабочий день не может быть сведен к рабочему времени, необходимому для существования рабочего, так как тем самым была бы уничтожена прибавочная стоимость — основа капитализма.

Уничтожение капиталистического способа производства позволило бы ограничить рабочий день пределами необходимого рабочего времени. Но при всех прочих равных условиях, пришлось бы несколько удлинить необходимое рабочее время, во-первых, потому что тогда жизненные потребности рабочего

возросли бы, а, во-вторых, потому что накопление фонда для продолжения и расширения производства происходило бы тогда за счет необходимого труда, между тем как теперь это происходит за счет прибавочной стоимости.

Но, с другой стороны, с сокращением рабочего дня повысилась бы интенсивность труда. Система общественной организации привела бы к экономии в средствах производства и устранению всякого бесполезного труда.

«Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил наряду с массою функций, в настоящее время неустранимых, хотя по существу дела излишних.

При данной интенсивности и производительной силе труда часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно, время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума тем больше, чем равномернее распределен труд между всеми дееспособными членами общества, чем меньше возможность для одного общественного слоя сбросить с себя и возложить на другой общественный слой естественную необходимость труда. С этой точки зрения абсолютная граница для сокращения рабочего дня устанавливается всеобщностью труда. В капиталистическом обществе свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время». («Капитал», I, 412.)

2. Превращение цены рабочей силы в заработную плату

До сих пор мы говорили о стоимости и цене рабочей силы и об отношении их к прибавочной стоимости. Но заработная плата представляется не ценой рабочей силы, а ценой труда. «Заработная плата есть сумма денег, которую буржуа платит за определенное рабочее время или за выполнение определенной работы». (Маркс, «Наемный труд и капитал», 19.)

Цена товара есть его стоимость, выраженная в деньгах. Значит, раз труд имеет цену, он должен иметь и стоимость, — так рассуждали экономисты. Как же велика стоимость труда? Она определяется, как и стоимость всякого другого товара, количеством рабочего времени, необходимого для производства. Сколько же нужно рабочего времени, чтобы произвести 12-часовой труд? Очевидно, 12 часов.

Следовательно, если труд оплачивается по своей полной стоимости, то рабочий получает в своей заработной плате такую же стоимость, какую он прибавляет к продукту. Таким образом, этот расчет приводит нас к альтернативе — признать ложным либо учение о прибавочной стоимости, либо учение о стоимости, либо оба эти учения вместе и признать загадку капиталистического производства неразрешимой.

Классическая буржуазная политическая экономия, венцом которой является учение Рикардо, разбилась об это противоречие. Вульгарная же политическая экономия, которая ставит себе задачей не исследование современного способа производства, а его оправдание и изображение в розовом свете, воспользовалась им для своих пошлейших измышлений.

Маркс покончил со всем этим, установив ясное различие между трудом и рабочей силой, т. е. между теми понятиями, которые экономисты постоянно смешивали.

В 1847 г. Маркс еще не сделал этого фундаментального открытия. В своей «Нищете философии» и в статьях о «Наемном труде и капитале» он говорит еще о стоимости труда, которая, однако, сама собой переходит у него в стоимость рабочей силы. Но наши экономисты так плохо поняли значение различия между этими понятиями, что и теперь еще смешивают их. Они обычно толкуют о теории стоимости Маркса — Родбертуса. Между тем Родбертус целиком принял теорию стоимости Рикардо с ее смешением труда и рабочей силы и вытекающими отсюда противоречиями, а Маркс очистил эту теорию от противоречий в данном и многих других решающих пунктах (напомним лишь об ограничении труда, образующего стоимость, общественно необходимым трудом и о различении всеобщего труда, создающего стоимость, и особого, создающего потребительную стоимость и т. д.) и из учения Рикардо впервые создал действительную, исчерпывающую и твердо обоснованную теорию стоимости. Маркс первый доказал, что труд не есть товар и не имеет поэтому стоимости, хотя является источником и мерой всех стоимостей товаров. На рынке фигурирует не труд, а рабочий, продающий свою рабочую силу. Труд возникает вследствие потребления товара рабочая сила точно так же, как вследствие потребления товара шампанское вино у человека появляется веселое настроение. Капиталист покупает шампанское, а не вызываемое им опьянение; точно так же он покупает рабочую силу, а не труд.

Но рабочая сила — товар особого рода: за него уплачивают лишь после его потребления. Рабочий получает плату только после того, как исполнит работу.

Покупается рабочая сила, а кажется при этом, будто оплачивается труд. Заработная плата не проявляется как цена рабочей силы. Прежде чем появиться на свет из кармана капиталиста, эта цена претерпевает превращение, представляется нашему взору в виде цены труда.

Каким образом совершается это превращение и каковы его последствия — это, конечно, не могло быть научно исследовано предшественниками Маркса, так как они не понимали различия между ценой рабочей силы и ценой труда. Маркс, стало быть, впервые дал строго научную теорию заработной платы.

Двумя основными формами заработной платы являются повременная и поштучная плата.

3. Повременная плата

Мы знаем, что при определенных условиях дневная стоимость рабочей силы есть определенная величина. Допустим, что она равна 2 маркам 40 пфеннигам, а обычный рабочий день—12-ти часам. Мы предполагаем в этом случае, как и во всей книге, если не оговорено иное, что стоимость и цена как рабочей силы, так и других товаров совпадают. Цена 12-часового труда равна поэтому 2 маркам 40 пфеннигам, а цена часового труда — 20 пфеннигам. Найденная таким образом цена рабочего часа служит единицей для измерения цены труда.

Цена труда равняется, следовательно, дневной стоимости рабочей силы, деленной на число рабочих часов обычного рабочего дня.

Цена труда и поденная или понедельная плата могут колебаться в различных направлениях. Если рабочее время увеличилось с 12 часов до 15, а цена труда упала в то же время с 20 пфеннигов до 18, то поденная плата будет теперь равняться 2 маркам 70 пфеннигам, т. е. она повысится, несмотря на падение цены труда.

Цена труда зависит, как уже было сказано выше, от дневной стоимости рабочей силы и длины обычного рабочего дня.

Если же вследствие каких-нибудь чрезвычайных событий, например, кризиса, капиталист, товары которого не распроданы, сократит рабочее время, скажем, наполовину, то он не повышает при этом соответствующим образом цену труда. При цене труда в 20 пфеннигов рабочий получит за 6-часовой труд 1 марку 20 пфеннигов, хотя дневная стоимость его рабочей силы гораздо выше, а именно, по нашему предположению, равна 2 маркам 40 пфеннигам [1].

Раньше мы видели, что удлинение рабочего дня является источником страданий для рабочих. Теперь мы видим новый такой источник — в его временном сокращении.

На этом основании, как только речь заходит о законодательном сокращении рабочего дня, капиталисты восстают против него якобы из сочувствия к бедным рабочим. «Мы уже и без того вынуждены выплачивать самую жалкую голодную заработную плату за 15-часовой труд, — восклицают они, — а теперь вы хотите сократить рабочий день до 10 часов и таким образом отнять у голодных рабочих еще целую треть их заработка? Мы должны решительно протестовать против подобного варварства!»

---

[1] Цена труда может в то же время и понизиться, но это будет следствием не сокращения рабочего времени, а усиленного предложения рабочих рук и др. явлений, которых мы здесь не будем касаться. Надо всегда иметь в виду при чтении этой книги, что до сих пор здесь идет речь об основах капиталистического способа производства, а не о его полной картине.

Благородные друзья человечества забывают, что при сокращении обычного рабочего дня цена труда повышается. Она тем выше, чем выше дневная стоимость рабочей силы и чем меньше длина обычного рабочего дня. Временное сокращение рабочего дня понижает заработную плату, постоянное сокращение повышает ее.

Это, между прочим, наблюдалось в Англии. По отчету английских фабричных инспекторов от апреля 1860 г. за 20-летний период с 1839 по 1859 гг. на фабриках, где был введен 10-часовой рабочий день, заработная плата возросла, а на тех, где работали по 14—15 часов, упала. Многочисленные наблюдения, делавшиеся вплоть до новейшего времени, подтверждают это правило.

Длительное увеличение рабочего дня понижает цену труда, и обратно,— низкая цена труда вынуждает рабочего соглашаться на удлинение рабочего дня, чтобы обеспечить себе хотя бы скудный заработок. Но низкая цена труда и длинный рабочий день имеют тенденцию закрепляться. Капиталисты снижают заработную плату и удлиняют рабочее время, чтобы увеличить свою прибыль. А конкуренция заставляет их в конце концов соответственно понижать цены товаров. Добавочная прибыль, получавшаяся от удлинения рабочего дня и снижения заработной платы, исчезает, низкие же цены сохраняются и действуют как принудительное средство удерживать заработную плату при чрезмерно удлиненном рабочем дне на достигнутом низком уровне. Капиталистам это не доставляет длительной выгоды, а для рабочего класса — это длительный ущерб. Наиболее действенным препятствием для этой тенденции является законодательное ограничение рабочего дня.

Упомянем тут же и о других благодетельных последствиях ограничения рабочего дня.

В некоторых отраслях промышленности капиталист не платит рабочему определенной поденной или понедельной платы, а платит ему по часам. Рабочий целый день должен быть в распоряжении капиталиста, а тот может по своему произволу то заставлять его трудиться чрезмерно, то давать ему работу лишь на несколько часов. Цена же труда определяется соответственно длине обычного рабочего дня.

Таким способом капиталист получает возможность распоряжаться всей рабочей силой рабочего, уплачивая ему «нормальную» цену труда, но не полную стоимость его рабочей силы. Это обнаруживается в те дни, когда он заставляет его трудиться не нормальное число часов, а меньше. Но суть дела не меняется и тогда, когда рабочий трудится дольше нормального времени.

Дело в том, что стоимость рабочей силы, которая расходуется в каждый рабочий час, неодинакова. Силу, израсходованную в первые часы рабочего дня, легче возместить, чем ту, которая потрачена в последние часы. Поэтому стоимость израсходованной в первый час рабочей силы меньше стоимости рабочей силы, потраченной в десятый или двенадцатый час, хотя потребитель-

ная стоимость последней может быть значительно меньше, чем первой. Соответственно этому во многих производствах установился сам собой, независимо от данных физиологии или политической экономии, обычай считать рабочее время до известных пределов «нормальным», а за этими пределами сверхурочным и оплачивать его лучше, хотя часто в смехотворно малой степени.

Капиталисты же, занимающие рабочих по часам, сберегают эту повышенную оплату сверхурочного времени.

Не следует понимать разницу между таким «нормальным» рабочим днем и сверхурочным временем в том смысле, что цена труда в течение нормального дня представляет собою нормальную заработную плату, а за сверхурочное время уплачивается добавочное вознаграждение, превышающее дневную стоимость рабочей силы. Существуют фабрики, на которых из года в год работают сверхурочное время, потому что «нормальная» заработная плата так низка, что рабочий не может на нее прожить и вынужден работать сверхурочное время. Там, где постоянно работают сверхурочное время, «нормальный» рабочий день является только частью действительного рабочего дня, а «нормальная» заработная плата — только частью той заработной платы, которая необходима для существования рабочего. Лучшая оплата сверхурочного времени часто является лишь средством заставить рабочего согласиться на удлинение рабочего дня. А это соответствует, как мы видели, понижению цены труда.

Законодательное ограничение рабочего дня имеет тенденцию положить предел всем этим уловкам, предпринимаемым с целью понижения заработной платы.

4. Поштучная плата

Повременная плата есть превращенная форма цены рабочей силы, поштучная плата — превращенная форма повременной платы.

Предположим, что обычный рабочий день равняется 12 часам, дневная стоимость рабочей силы—2 маркам 40 пфеннигам и что работник изготовляет ежедневно в среднем 24 штуки какого-нибудь предмета. В капиталистических предприятиях опытным путем быстро устанавливают, какую работу может выполнить за час работник при средней искусности и интенсивности труда. Можно оплачивать работника поденно, по расчету 20 пфеннигов в час, но можно также платить ему по 10 пфеннигов за каждую сработанную штуку. В последнем случае заработная плата будет поштучной.

Очевидно, что основой поштучной платы, как и повременной, является дневная стоимость рабочей силы и обычная длина рабочего дня. На первый взгляд, правда, поштучная плата как будто определяется количеством выработанного продукта. Но такое представление опровергается тем, что при повышении производительности труда поштучная плата соответственно

снижается. Если рабочий в нашем прежнем примере будет изготовлять штуку товара уже не в ½ часа, а, скажем, вследствие усовершенствования в какой-нибудь машине, — в ¼ часа, то, при прочих равных условиях, капиталист будет платить ему уже не 10, а только 5 пфеннигов за штуку.

Часто случается — каждый, кто сталкивается с положением рабочих, знает такие случаи, — что отдельным рабочим или группам рабочих, которым как-нибудь по счастливой случайности удалось выработать необычно большое количество продукта, вдруг произвольно снижают поштучную плату, мотивируя это тем, что иначе их заработок чересчур превысит обычный. Это всего яснее показывает, что поштучная плата — только превращенная форма повременной. Капиталист избирает ее лишь тогда, когда она ему представляется выгодней непревращенной повременной платы.

Обыкновенно поштучная плата представляет для капиталиста большие преимущества. При повременной плате он оплачивает рабочую силу в форме доставленного ею количества труда, при поштучной — в форме количества продукта. Поэтому он может быть уверен, что рабочий в собственных интересах и без внешнего понуждения будет стараться произвести в течение каждого рабочего часа как можно большее количество продуктов. Капиталисту гораздо легче контролировать, выработал ли рабочий продукт средней добротности. Ничтожнейший недостаток становится причиной, очень часто лишь предлогом к вычетам из заработной платы и даже иногда к настоящему надувательству рабочих.

Поэтому надзор капиталиста и его надсмотрщиков над рабочими становится при поштучной плате в значительной мере излишним, и капиталист сберегает этот труд и соответствующие издержки. В некоторых отраслях промышленности поштучная плата позволяет даже рабочим трудиться на дому. Благодаря этому капиталист сберегает не мало расходов на помещение и эксплоатацию предприятия (на отопление, освещение, земельную ренту и т. д.). Вместе с тем освобождается и переходит в его распоряжение часть капитала, которая в противном случае была бы связана. В тех отраслях, где распространена работа на дому, например в портняжном и сапожном деле, иногда случается, что мастер требует платы за помещение и инструменты от тех подмастерьев, которые работают у него в мастерской, а не дома. Рабочим приходится дорого оплачивать удовольствие работать до надрыва «под хозяйским оком».

При поштучной оплате личный интерес рабочего побуждает его работать с наивысшей интенсивностью и возможно больше, чтобы по возможности повысить свой дневной или недельный заработок. Он не видит, что чрезмерная работа не только физически его губит («аккордная работа убивает», гласит немецкая поговорка), но и ведет к понижению цены его труда. А если он это и видит, то все же он не в состоянии избавиться от действия принудительного закона конкуренции с другими рабочими. Эта взаимная конкуренция рабочих, видимость свободы и самостоя-

тельности, какую дает поштучная работа, а зачастую и их изолированность друг от друга (при домашней работе) чрезвычайно затрудняют организацию и солидарные выступления этих рабочих.

Система поштучной платы влечет за собою и другие невыгоды для рабочих. Так, например, она допускает появление паразитических посредников между рабочими и капиталистами, которые живут тем, что урывают в свою пользу значительную долю заработной платы, выплачиваемой капиталистом. Система поштучной платы дает еще капиталисту возможность в тех случаях, когда работа выполняется группами рабочих (артелями), заключать договоры на поставку изделий по определенной поштучной цене с одними главарями артели, причем им предоставляется право оплачивать своих подсобных рабочих по своему усмотрению. «Эксплоатация труда капиталом осуществляется здесь при посредстве эксплоатации одного рабочего другим рабочим». («Капитал», I, 432.)

Насколько поштучная плата невыгодна для рабочих, настолько же она выгодна для капиталиста. Поштучная плата есть форма заработной платы, соответствующая капиталистическому способу производства. Она не совсем была неизвестна и цеховому ремеслу. Но в более широких размерах она получила распространение лишь в мануфактурный период. В эпоху появления крупной промышленности она служила важнейшим рычагом к удлинению рабочего дня и понижению цены труда.

5. Национальные различия в заработной плате

Мы рассмотрели ряд комбинаций стоимости и цены рабочей силы, а также их отношения к прибавочной стоимости, обусловленных изменениями длины рабочего дня, интенсивности и производительности труда. Одновременно с изменениями в этой области происходят другие перекрещивающиеся с ними изменения в массе средств существования, в которой реализуется цена рабочей силы. Все эти изменения вызывают также изменения в превращенной форме цены рабочей силы — заработной плате. Поэтому в каждой стране заработная плата подвержена постоянным колебаниям, она различна в разное время. Этому различию во времени соответствуют также пространственные различия. Всякому известно, что в Америке заработная плата выше, чем в Германии, а в Германии выше, чем в Польше.

Однако сравнение заработной платы у разных народов не совсем просто.

«При сравнении национальных заработных плат необходимо принять во внимание все моменты, определяющие изменения в величине стоимости рабочей силы: цену и объем естественных и исторически развившихся жизненных потребностей, издержки воспитания рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже самое поверхностное сравнение требует прежде всего

сведения средней заработной платы в данном производстве различных стран к рабочему дню одинаковой продолжительности. После такого уравнивания дневных заработных плат повременная плата должна быть переведена на поштучную, так как только эта последняя дает мерило и для производительности, и для интенсивности труда». («Капитал», I, 437.)

Абсолютная цена труда может стоять у данной нации сравнительно очень высоко, и все же относительная заработная плата, т. е. цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью или стоимостью всего продукта, а также реальная заработная плата, т. е. количество средств существования, которые может приобрести рабочий за свою заработную плату, может быть очень низка.

У народов с более развитым капиталистическим способом производства производительность и интенсивность труда выше, чем у отсталых в этом отношении наций. А на мировом рынке более производительный национальный труд, подобно более интенсивному труду, считается создающим бо́льшую стоимость.

Допустим, что в России[1] прядильщик, дурно питающийся и неразвитый, переутомленный и работающий на плохих машинах, перерабатывает в пряжу за 1 час 1 фунт хлопка. Напротив, английский прядильщик дает 6 фунтов. Фунт русской пряжи на этом основании не будет иметь на мировом рынке большей стоимости, чем фунт английской пряжи.

Поэтому труд прядильщика в Англии производит за то же время бо́льшую стоимость, чем в России. Стоимость его продукта в течение того же времени воплощается в Англии в большем количестве золота, чем в России. Поэтому денежное выражение заработной платы в капиталистически развитой стране может стоять выше, чем в неразвитой, и все же цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью может быть гораздо ниже, потому что стоимость всего продукта будет выше.

Но в такой стране, где производительность труда больше, и стоимость денег будет меньше. Поэтому цена рабочей силы может быть выше, но в то же время рабочий, быть может, не в состоянии купить на свою более высокую заработную плату большее количество средств существования.

На больших предприятиях вне Англии, например на железнодорожных постройках в Азии, английские предприниматели были вынуждены использовать наряду с низко оплачиваемыми туземными рабочими также и высоко оплачиваемых английских рабочих. Опыт в этом и других подобных случаях учит, что труд, кажущийся наиболее дорогим, в действительности является наиболее дешевым с точки зрения его результата и количества прибавочной стоимости. Русская промышленность[2] при ничтожнейшей заработной плате и самой неограниченной эксплоатации

---

[1] Автор имеет в виду царскую Россию 80-х годов XIX в. с ее технически отсталой промышленностью, с ее нищенски оплачивавшимся пролетариатом. — Ред.

[2] Как и выше, речь идет о царской России конца прошлого столетия.— Ред.

труда влачит жалкое существование лишь с помощью запретных таможенных пошлин. Она не может конкурировать с английской промышленностью, которая работает при сравнительно высоких заработных платах и коротком рабочем времени, при многочисленных ограничениях женского и детского труда, санитарных предписаниях и т. п. Абсолютная цена русского труда, его денежное выражение низки. А его относительная цена по сравнению со стоимостью его продукта на мировом рынке высока.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДОХОД С КАПИТАЛА

Мы видели, как деньги становятся капиталом и как наемный рабочий своим трудом не только сохраняет стоимость части капитала, затраченной на необходимые средства производства, но и создает новую стоимость, равную стоимости его рабочей силы плюс прибавочная стоимость.

Но движение капитала не заканчивается с появлением прибавочной стоимости. Подобно тому, как товар не исполнит своего назначения, если не превратится в деньги, так же не исполнит его и прибавочная стоимость, которая ведь воплощена прежде всего в определенном количестве товаров, — прибавочном продукте. После того как прибавочная стоимость произведена в форме прибавочного продукта, необходимо реализовать его стоимость в деньгах, т. е. продать произведенные товары.

По пути к реализации прибавочная стоимость, как и всякая другая стоимость, испытывает не мало приключений частью веселого, частью печального характера. Сегодня она реализуется по непомерно высокой цене, завтра — по крайне низкой, а то и вовсе не реализуется. Иногда товар, в котором она воплощена, разыскивается покупателем еще раньше, чем появляется на рынке, а иной раз он годами лежит на складах и т. д. Во время этих перипетий прибавочной стоимости угрожают еще и другие опасности. На сцену появляется купец, который берет на себя заботы о продаже товаров, но за это отрывает кусок прибавочной стоимости и кладет себе в виде торговой прибыли. Затем необходимо уплатить земельную ренту землевладельцу, потом налоги, потом процент на занятый капитал, пока, наконец, остаток не исчезнет в карманах нашего капиталиста в виде прибыли.

Мы не будем здесь заниматься всеми приключениями и превращениями, которым подвергается прибавочная стоимость на этом пути. Они частью относятся к области процесса обращения капитала, который Маркс рассматривает во втором томе своего труда, частью же к исследованию общего процесса капиталистического производства, составляющему предмет третьего тома. Первый том «Капитала» рассматривает только одну сторону

общего процесса, а именно — непосредственный процесс производства. Дальнейшей судьбой прибавочной стоимости, после того как она произведена, мы будем заниматься лишь постольку, поскольку она оказывает влияние на этот процесс производства.

Итак, мы предполагаем, как и всюду до сих пор, когда прямо не оговорено иное, что капиталист продает свои товары на рынке по их полной стоимости. Мы предполагаем далее, что прибавочная стоимость возвращается к капиталисту целиком. Иное допущение только усложнило бы и затруднило бы исследование, не изменяя по существу его результатов.

Прибавочная стоимость может оказывать влияние на процесс производства только при воспроизводстве, при повторении производственного процесса.

Всякий общественный процесс производства есть в то же время и процесс воспроизводства. При всяком общественном строе производство должно быть непрерывно или повторяться через определенные промежутки времени. Тем самым каждый общественный строй неизбежно должен производить непрерывно не только средства потребления, но и средства производства.

Если производство имеет капиталистическую форму, то, разумеется, ту же форму имеет и воспроизводство. Всякому обществу необходимо непрерывно или через правильно повторяющиеся промежутки времени производить потребительные стоимости. Точно так же капиталу необходимо непрерывно производить прибавочную стоимость и постоянно воспроизводить ее для того, чтобы он продолжал существовать. Породив прибавочную стоимость, капитал должен быть снова применен, чтобы вторично ее породить, и т. д. Следовательно, капитал все снова и снова производит прибавочную стоимость и воспроизводит ее. Прибавочная стоимость выступает как постоянно возрождающийся плод находящегося в движении капитала, как постоянный доход с капитала, как прибыль.

Сказанное относится к прибавочной стоимости, поскольку она возникает из производства. Но процесс воспроизводства дает также прибавочной стоимости возможность вновь вступить в процесс производства. Допустим, что капиталист вложил в дело капитал в 100 000 марок, приносящий ему 20 000 марок ежегодного дохода. Что он делает с этим доходом? Возможны два крайних случая. Либо он потребит полностью годовую сумму прибавочной стоимости, либо присоединит ее целиком к своему капиталу. В большинстве случаев не произойдет ни того, ни другого, а прибавочная стоимость частью потребляется, частью же присоединяется к прежнему капиталу.

Если прибавочная стоимость потребляется целиком, то величина капитала не изменяется. В таком случае происходит простое воспроизводство. Если же прибавочная стоимость целиком или частично присоединяется к капиталу, то происходит накопление капитала и воспроизводство совершается в расширенном масштабе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Простое воспроизводство есть лишь повторение производственного процесса в прежнем масштабе. Но уже простое повторение придает ему ряд новых свойств.

Предположим, что владелец известной суммы денег, наживший их каким-нибудь путем, быть может и трудом, превращает их в капитал. Всего у него 10 000 марок; 9 000 он затрачивает на постоянный капитал, а 1 000 на переменный, т. е. на заработную плату. С помощью этого капитала он производит массу продуктов стоимостью в 10 000 марок, которые он продает по их полной стоимости. Прибавочную стоимость в 1 000 марок он потребляет, и воспроизводство совершается в прежнем размере: 9 000 марок затрачиваются на постоянный, а 1 000 — на переменный капитал.

Однако мы видим теперь разницу сравнительно с тем, что было раньше: 1 000 марок, которые во время первого производственного процесса были израсходованы на заработную плату, не были произведены трудом занятых в предприятии рабочих, а произошли из другого источника; быть может, сам капиталист заработал их своим трудом. Откуда же происходят те 1 000 марок, которые выплачиваются в качестве заработной платы при повторении производственного процесса? Они представляют собою реализацию стоимости, произведенной рабочими во время предшествующего производственного процесса. Рабочие не только перенесли на продукт стоимость постоянного капитала (9 000 марок), но и создали новую стоимость (в сумме 2 000 марок), из которых одна часть (1 000 марок) равна стоимости их рабочей силы, а другая представляет прибавочную стоимость.

Если мы будем рассматривать капиталистический процесс производства как однократный производственный процесс (или если мы рассматриваем первый производственный процесс при первоначальном помещении капитала), то заработная плата будет представляться авансом, уплачиваемым из кармана капиталиста. Если же мы будем рассматривать капиталистический процесс производства как процесс воспроизводства, то мы увидим, что рабочий оплачивается из продукта его собственного труда.

В этом смысле верно, что рабочий в виде заработной платы получает долю в продукте своего труда. Но этот продукт есть уже проданный продукт предшествующего производственного периода.

Возвратимся к нашему примеру. Предположим, что каждый производственный период занимает полгода. В течение каждого года наш капиталист кладет себе в карман 2 000 марок прибавочной стоимости, которые он потребляет. В течение 5 лет он

потребит 10 000 марок — стоимость, равную его первоначальному капиталу. Но и теперь он будет попрежнему владеть капиталом в 10 000 марок.

Этот новый капитал равен по величине своей стоимости первоначальному, но его основа иная. Первоначальные 10 000 марок происходили не от труда занятых в его предприятии рабочих, а из другого источника. Но эти 10 000 марок капиталист проел в течение 5 лет. Если он все же и теперь имеет 10 000 марок, то они происходят из прибавочной стоимости. Таким образом, всякий капитал, из какого бы источника он ни происходил первоначально, через некоторое время уже путем простого воспроизводства превращается в капитализированную прибавочную стоимость, в продукт чужого прибавочного труда, в накопленный капитал.

Исходным пунктом капиталистического процесса производства является отделение рабочего от средств производства, скопление неимущих рабочих, с одной стороны, скопление средств производства и средств существования — с другой. В капиталистическом процессе воспроизводства этот исходный пункт капиталистического производства становится его результатом. Таким образом, капиталистический процесс воспроизводства сам все снова порождает и сохраняет свои собственные условия — капитал и класс наемных рабочих.

Средства существования и средства производства, которые производят наемные рабочие, принадлежат не им, а капиталистам. Наемные рабочие все вновь и вновь выходят из процесса производства такими, какими они в него вступили, — неимущими пролетариями. Напротив, капиталисты в конце каждого производственного периода все снова оказываются собственниками средств существования, покупающих рабочую силу, и средств производства, применяющих производителей.

Таким образом, рабочий сам постоянно воссоздает условия своей зависимости и своей нищеты.

Но процесс воспроизводства капитала делает необходимым и воспроизводство рабочего класса.

Поскольку мы исследовали процесс производства как однократный и вместе с тем единичный процесс, мы имели дело только с единичным капиталистом и единичным рабочим. При этом казалось, что рабочая сила, а вместе с нею и неотделимый от нее рабочий, принадлежит капиталисту только во время своего производительного потребления, т. е. в течение рабочего дня. В остальное же время рабочий как будто принадлежит себе и своей семье. Когда он ест, пьет и спит, он делает это для самого себя, а не для капиталиста.

Но как только мы станем рассматривать капиталистический способ производства в его непрерывном возобновлении, т. е. как процесс воспроизводства, то нам уже наперед приходится иметь дело не с отдельным капиталистом и рабочим, а с классом капиталистов и классом рабочих. Процесс

воспроизводства капитала требует увековечения рабочего класса. Это значит, что для того, чтобы процесс производства мог постоянно возобновляться, рабочие должны все снова восстанавливать свою израсходованную рабочую силу и заботиться о постоянном притоке свежих рабочих сил. Капитал находится в удобном положении, так как может спокойно предоставить исполнение этих важных функций инстинкту самосохранения и размножения рабочих.

Вне своего рабочего времени рабочие живут, повидимому, только для себя. В действительности даже и тогда, когда они «пребывают в праздности», они живут для класса капиталистов. Когда они после работы едят, пьют, спят и т. д., то тем самым они сохраняют класс наемных рабочих, а следовательно, и капиталистический способ производства. Когда капиталист — кормилец, как его называли в патриархальные времена, работодатель, как его окрестили германские профессора-экономисты — выплачивает рабочему заработную плату, то этим он дает ему лишь средства сохранить себя и, поскольку от него зависит, свой класс в интересах класса капиталистов.

Потребляя средства существования, которые они покупают за свою заработную плату, рабочие вынуждены все снова и снова продавать свою рабочую силу.

Таким образом, с точки зрения воспроизводства рабочий занят в интересах капитала не только в течение своего рабочего времени, но и во время досуга. Он ест и пьет уже не для себя, а для того, чтобы сохранить свою рабочую силу для класса капиталистов. Поэтому капиталисту совсем не безразлично, как рабочий ест и пьет. Если он напивается по воскресеньям так, что по понедельникам бывает в похмелье, вместо того чтобы дать отдых своей рабочей силе и восстановить ее, то капиталисту это кажется не ущербом для самого рабочего, а преступлением против капитала, расхищением принадлежащей капиталу рабочей силы.

Уже не только купленная рабочая сила, но весь рабочий, весь рабочий класс представляется с точки зрения процесса воспроизводства принадлежностью капитала. Там, где рабочий этого не сознает и имеет возможность уклониться от этого, например посредством эмиграции, капиталист, при известных обстоятельствах, не останавливается перед тем, чтобы с помощью принудительных законов внушить ему, что он должен поддерживать себя и размножаться не для себя, а для капитала.

Так, например, эмиграция искусных рабочих была прежде в большинстве государств запрещена законом. В настоящее время в этом нет нужды. Капиталистический способ производства настолько окреп, что его законы, вообще говоря, осуществляются как принудительные экономические законы, не нуждаясь в специальной политической помощи. Рабочий в настоящее время прикован к капиталу невидимыми цепями и наталкивается на капитал всюду, куда бы он ни повернулся.

Впрочем, нашим «социальным реформаторам» эта зависимость от класса капиталистов кажется все еще недостаточной. Прикрепление рабочего к отдельному капиталисту посредством ограничения свободы передвижения, введение усовершенствованной системы рабочих домов и другие подобные «реформы» являются в их глазах целительными средствами для «разрешения социального вопроса».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ

1. Как прибавочная стоимость становится капиталом

Капиталист потребляет всю прибавочную стоимость лишь в виде исключения. Как общее правило, он по крайней мере часть ее превращает снова в капитал. «Применение прибавочной стоимости в качестве капитала, или обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, называется накоплением капитала». («Капитал», I, 455.)

Процесс этот легко представить наглядно. Вспомним пример, приведенный в предыдущей главе. Капитал в 10 000 марок приносит ежегодно своему владельцу 2 000 марок прибавочной стоимости. Если капиталист не потребляет их, а присоединяет к первоначальному капиталу, то у него окажется капитал в 12 000 марок, который при тех же условиях даст годичную прибавочную стоимость в 2 400 марок. При присоединении их к капиталу последний будет равен 14 400 марок и принесет в год прибавочной стоимости 2 880 марок; еще через год капитал превратится в 17 280 марок и даст прибавочную стоимость в 3 456 марок, а вместе они составят 20 736 марок и т. д. Вследствие накопления прибавочной стоимости капитал за 4 года более чем удвоился. Нас здесь не интересует, накопляется ли вся прибавочная стоимость или только часть ее. Точно так же для нас не имеет значения и то, каким именно образом она накопляется, — становится ли она добавочным капиталом, или образует новый. Владелец прядильни может употребить прибавочную стоимость на расширение своей фабрики, увеличение числа машин, рабочих и сырья. Но он может также использовать ее для постройки новой прядильни или основания нового предприятия, например ткацкой фабрики или каменноугольной копи. Каково бы ни было употребление прибавочной стоимости, во всех этих случаях она обратно превращается в капитал, т. е. в стоимость, порождающую прибавочную стоимость.

Но для того, чтобы прибавочная стоимость стала капиталом, она должна после своего превращения из товара в деньги проделать обратное превращение из денег в соответствующие товары. Возьмем для примера владельца прядильной фабрики. Он, скажем, продал свою пряжу и обладает теперь, кроме первона-

чально вложенного капитала, еще и прибавочной стоимостью в денежной форме; как и первоначальный капитал, она должна превратиться в новый капитал. Это возможно только в том случае, если он найдет на рынке соответственно возросшее количество товаров, которые могут служить для него средствами производства. Для того, чтобы прибавочная стоимость стала добавочным капиталом, должны быть налицо: добавочное сырье— в данном случае хлопок, добавочные орудия—машины, добавочные средства существования для увеличившегося количества рабочих сил и, наконец, сами эти добавочные рабочие силы. Словом, накопление капитала возможно лишь при существовании материальных предпосылок, позволяющих расширить производство.

Но наш фабрикант может быть уверен в том, что найдет на рынке необходимые ему добавочные средства производства. Ведь прибавочная стоимость, а следовательно и прибавочный продукт производятся не только в прядильнях, но и на хлопчатобумажных плантациях, машинных фабриках, угольных копях и т. д.

Если рассматривать не прибавочную стоимость, полученную за год отдельным капиталистом, а годовую сумму прибавочной стоимости, присваиваемую всем классом капиталистов, то окажется, как общее правило, что прибавочная стоимость не может превратиться (целиком или частью) в капитал, если прибавочный продукт (весь или соответствующая его часть) не будет состоять из средств производства и из средств существования рабочих.

Но откуда взять добавочное число рабочих? Об этом капиталисту нечего печалиться. Он должен только давать рабочим плату, достаточную для их существования, а о своем размножении они сами позаботятся.

Рабочий класс сам производит добавочных рабочих, необходимых для расширения производства, для воспроизводства в расширенном масштабе.

Мы видели, что даже при простом воспроизводстве всякий капитал через известное число лет превращается в накопленный капитал, состоящий из одной прибавочной стоимости. Но такой капитал может еще, по крайней мере при своем возникновении, представлять результат труда своего владельца. С капиталом же, который с самого начала образовался из накопленной прибавочной стоимости, дело обстоит иначе. Такой капитал с самого начала представляет собой продукт труда тех, кто им не владеет. Накопление прибавочной стоимости означает присвоение неоплаченного труда с целью дальнейшего присвоения неоплаченного труда в расширенных размерах.

Какое резкое противоречие с основными принципами обмена товаров! Мы ведь видели, что первоначально обмен товаров предполагал, с одной стороны, частную собственность товаропроизводителя на свой продукт, а с другой — обмен равных стоимостей (эквивалентов), при котором никто не может завладеть какой-нибудь стоимостью иначе, как с помощью собственного труда или путем отдачи равной стоимости.

Основами же капиталистического способа производства, как мы видим теперь, являются, с одной стороны, отделение рабочего от продукта его труда. Тот, кто производит продукт, и тот, кто владеет им, теперь — два различных лица. С другой стороны, мы находим присвоение стоимости без отдачи равной стоимости, т. е. прибавочную стоимость. К тому же, прибавочная стоимость, как мы видим теперь, является уже не только результатом, но и базисом капиталистического процесса производства. Уже не только прибавочная стоимость образуется из капитала, но и капитал образуется из прибавочной стоимости, так что в конечном счете наибольшая масса всего богатства состоит из стоимости, присвоенной без отдачи равной стоимости.

Но такое извращение основ товарного производства в их противоположность произошло не вопреки его законам, а на основании их.

«В той самой мере, в какой товарное производство, развиваясь сообразно своим собственным законам, превращается в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения. Нельзя удивляться поэтому остроумию Прудона, который хочет уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства!» («Капитал», I, 462.)

2. Воздержание капиталиста

До сих пор мы рассматривали только два крайних случая — когда прибавочная стоимость целиком потребляется или когда она целиком накопляется. Но как уже упомянуто, обычно часть прибавочной стоимости потребляется, а другая часть — накопляется. Первая часть считается доходом в более узком смысле слова.

От усмотрения капиталиста зависит, какую часть он захочет потребить и какую — превратить в капитал. Решение этого вопроса вызывает в душе его досадное раздвоение. Он вместе с Фаустом может воскликнуть:

Два помысла живут в груди моей;
Один с другим стремится разлучиться...
И одному из них мила земля,
Его прельщает все, что в этом мире.
Другому нравятся прелестные поля
Где... родятся дукаты в изобилье.

В душе капиталиста происходит своеобразное повторение старой борьбы между слабостью плоти и аскетизмом, между язычеством и христианством. С вожделением взирает капиталист на радости мира сего, но всякое наслаждение, которое он не может доставить себе даром, кажется ему греховным.

Та часть прибавочной стоимости, которая идет на личное потребление капиталиста,— обычно является не произвольной, а исторически обусловленной величиной. Она определяется, как и

заработная плата, обычным «приличествующим положению» образом жизни соответствующего общественного слоя.

Капиталист, как и рабочий, всю свою жизнь принадлежит капиталу, хотя и в ином смысле. Конкуренция не только вынуждает его строго исполнять в своем предприятии законы капиталистического способа производства, но даже и в частной жизни он подчиняется их требованиям. Если он живет слишком широко, его считают мотом, и кредит его падает. Если же он скуп и живет скромней, чем принято, то это возбуждает подозрение, что его дела плохи, и его кредит опять-таки страдает. Таким образом, капиталист вынужден потреблять определенную для данного места и времени долю своей прибавочной стоимости. Но размеры этой доли гораздо эластичнее, чем размеры заработной платы.

Зато для части прибавочной стоимости, предназначенной для накопления, не существует никаких других пределов, кроме тех, которые ставятся общей массой прибавочной стоимости и эластичным личным потреблением капиталиста. Чем больше может быть накоплено, тем лучше. Капиталистический способ производства сам делает необходимым непрерывное накопление капитала. Мы видели, что с развитием техники капитал, необходимый для устройства и ведения такого предприятия, в котором продукты производились бы с затратой общественно необходимого количества труда, становится все больше и больше.

Если в какой-нибудь отрасли промышленности минимальная сумма, необходимая для ведения дела, способного выдержать конкуренцию, равна в настоящее время 20 000 марок, то через двадцать лет, вследствие введения новых приемов работы, новых машин и т. д., этот минимум может возрасти до 50 000 марок. Капиталист, начавший предприятие с 20 000 марок, но отделявший недостаточную часть прибавочной стоимости для накопления, так что через 20 лет у него, скажем, вместо 50 000 марок оказывается всего 30 000, по всей вероятности не выдержит конкуренции и погибнет.

Но и без этого стимула капиталист имеет достаточно сильные побуждения к накоплению. Современный способ производства так же развивает в капиталисте страсть к накоплению ради накопления, как более ранняя ступень товарного производства — страсть к накоплению и припрятыванию золота и серебра. Подобно накоплению сокровищ, и накопление капитала само по себе не знает границ, оно беспредельно.

Как бы ни было велико богатство капиталиста и как бы далеко ни превышали его доходы его способность наслаждаться благами жизни, он продолжает гоняться за прибавочной стоимостью, не для того, чтобы увеличить сумму своих наслаждений, а для того, чтобы приумножить свои капиталы.

Классическая политическая экономия совершенно откровенно рассматривала причины и следствия как накопления, так и потребления класса капиталистов. Накоплением капитала она занималась исключительно с экономической, а не с нравственной точки зрения, что, конечно, было весьма безнравственно.

Но вот зашевелился пролетариат, и в нем стало пробуждаться классовое сознание. С конца 20-х годов рабочее движение стало усиливаться как в Англии, так и во Франции. Теперь для буржуазных экономистов уже не время исследовать экономические вопросы — задача заключается в том, чтобы оправдать капитал. В экономику была введена этика, благородная дама принялась на старости лет морализовать, «чувство» получило преобладание над знанием. С помощью этого чувства вскоре было открыто, что капиталист, воздерживаясь от потребления всей прибавочной ценности и накопляя ее, обнаруживает изумительный героизм. Что новоявленному подвижнику подобает почет и благодарность со стороны рабочего, понятно само собою. Точно так же ясно, что и подвижник, несмотря на величайшее воздержание, не может жить одною только благодарностью и почетом. Поэтому, в поощрение сытой добродетели и платежеспособной морали, ему было присуждено экономистами моральное право на вознаграждение за накопление неоплаченного труда.

Столь пошло звучащее слово «прибыль» было заменено более красивым — «вознаграждение за воздержание».

3. Воздержание рабочего и другие обстоятельства, влияющие на размер накопления

Чем больше «воздержание» капиталиста, тем больше размер накопления. Однако, к счастью для него, существуют и другие факторы, оказывающие определяющее влияние на размеры накопления. Все, что увеличивает массу прибавочной стоимости, увеличивает при прочих равных условиях и размеры накопления. Мы знаем уже причины, определяющие массу прибавочной стоимости. Упомянем лишь о некоторых из них, приобретающих новый вид с той точки зрения, на которую мы теперь стали.

Среди них одной из важнейших является воздержание рабочего. Ясно, что чем скуднее оплата рабочего, тем больше норма прибавочной стоимости. Тем больше, при прежнем размере потребления капиталиста, та часть прибавочной стоимости, которая идет в накопление. Все, что понижает стоимость рабочей силы или способствует понижению заработной платы ниже ее стоимости, усиливает накопление капитала. Отсюда моральное негодование капитала и его приспешников по поводу «роскоши» рабочих, убивающих «народное благосостояние» тем, что они курят табак и пьют пиво. Басня о шампанском, которое будто бы однажды распивал в Берлине какой-то рабочий в 1872 году, облетела всю буржуазную прессу, клеймившую за это позором рабочий класс.

Капиталистический мир с достойной удивления изобретательностью придумал бесчисленное множество приемов и способов для усиления воздержания рабочего, начиная с Румфордова супа и кончая народной кухней и вегетарианством. Маркс приводит несколько характерных примеров таких приемов в «Капитале».

Мы отсылаем к этому труду тех, кто хочет подробнее ознакомиться с данным вопросом.

Очень неприятно для капиталиста то обстоятельство, что всякое расширение предприятия требует сравнительно высоких затрат постоянного капитала. Затраты эти становятся все крупнее по мере усовершенствования машин в крупной промышленности. Но у него остается то сладкое утешение, что раз имеется необходимый для предприятия постоянный капитал, то производство может быть в известных границах расширено с помощью дополнительного вложения переменного капитала без соответствующего увеличения постоянного капитала. Если у фабриканта дела идут хорошо и он хочет расширить производство, то он в состоянии этого достигнуть, удлинив рабочий день на 2—3 часа. Ему нет надобности ставить новые машины или строить новое фабричное здание: нужно только увеличить количество сырья и вспомогательных материалов.

Существуют, однако, отрасли промышленности, в которых не надо покупать сырья, каковы, например, рудники и копи, или в которых затраты на сырье очень невелики, например на семена и удобрение в земледелии. Это те отрасли промышленности, в которых сырье доставляется землей. В таких отраслях для увеличения массы продукта часто бывает достаточно прибегнуть просто к добавочному труду. Тогда источниками увеличения количества продукта являются исключительно земля и труд, но капитал завладевает этими источниками и получает таким образом возможность «вывести элементы своего накопления за границы, определяемые, повидимому, его собственной величиной, т. е. стоимостью и массой тех уже произведенных средств производства, в которых реализуется бытие капитала». («Капитал», I, 477.)

Наряду с землей и рабочим капитал присваивает себе и науку. Хотя он сам по себе и не принимает никакого участия в развитии науки, но ему одному достаются все плоды этого развития, повышающие производительность труда и этим способствующие накоплению капитала. С ростом производительности труда понижается стоимость рабочей силы и повышается норма прибавочной стоимости. Но повышение производительности труда позволяет также и капиталисту приобретать для своего личного потребления большее количество подешевевших средств существования и предметов роскоши, не увеличивая идущую на это долю прибавочной стоимости. Он может также поддерживать свое потребление на прежнем уровне и уменьшить расходы. Он может жить с бо́льшим комфортом, либо, не ограничивая себя, больше накоплять; часто он может иметь и то и другое вместе.

Чем больше вложенный в дело капитал, тем производительнее труд, тем больше также не только норма прибавочной стоимости, но и ее масса, тем больше может капиталист потреблять, а также накоплять.

Уже из приведенного ясно, что капитал есть не постоянная, а чрезвычайно растяжимая, эластичная

величина, которая способна значительно расширяться и сокращаться. Он составляет только часть общественного богатства; он может увеличиваться за счет других частей этого богатства, именно потребительского фонда класса капиталистов, а также и рабочих; он может и уменьшаться, переходя в эти фонды. Его действие усиливается удлинением рабочего времени, повышением производительности труда, усилением эксплоатации почвы. Мы здесь оставляем совершенно в стороне условия процесса обращения, например ускорение или замедление оборота капитала. Мы оставляем также в стороне условия кредита, имеющие столь важное значение в смысле возможности расширения или сокращения капитала и области его приложения. Этих условий мы не можем здесь рассматривать. Но и условия производственного процесса уже показывают нам эластичность капитала.

Экономисты же берут капитал как определенную величину с определенной силой действия. Таким образом, и переменный капитал представляется им как неизменная величина,— так называемый рабочий фонд. «Такая-то часть капитала,— говорят они,— предназначена служить для оплаты рабочих. Чем больше рабочих, тем меньше та доля, которая приходится на каждого; чем меньше рабочих, тем больше эта доля».

Переменный капитал приравнивался также к средствам существования, которые он представляет для рабочего. При этом заявлялось: «Число рабочих, занятых в определенной стране, и высота их заработной платы зависят от наличного количества средств существования. Если заработная плата слишком низка или если много рабочих остается без работы, то это проистекает только от того, что число рабочих увеличивается быстрее, чем средства существования. Не способ производства, а сама природа повинна в нищете рабочего класса».

На этих предпосылках построена так называемая теория Мальтуса.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

1. «Железный закон заработной платы»

Как известно, мальтузианцы заявляют, что рабочие вследствие своих «легкомысленных привычек» размножаются быстрее, чем может возрастать масса наличных средств существования, или, выражаясь точнее, переменный капитал. Поэтому, по их мнению, наступает перенаселение: предложение рабочей силы оказывается бо́льшим, чем сколько могут занять капиталисты, наличных средств существования уже нехватает на всех наличных рабочих. Пока не будет ограничено размножение рабочих, безработица, голод и все вытекающие отсюда пороки и нищета будут естественным уделом, по крайней мере, части рабочего класса.

Так говорят мальтузианцы. Рассмотрим, следуя Марксу, действительные взаимоотношения между ростом капитала и размножением рабочего класса.

«Важнейшие факторы этого исследования — состав капитала и те изменения, которые претерпевает он в ходе процесса накопления.

Состав капитала можно рассматривать с двух точек зрения. Рассматриваемый со стороны стоимости состав определяется тем отношением, в котором капитал распадается на постоянный капитал, или стоимость средств производства, и переменный капитал, или стоимость рабочей силы, общую сумму заработной платы. Рассматриваемый со стороны материала, функционирующего в процессе производства, всякий капитал делится на средства производства и живую рабочую силу; в этом смысле состав капитала определяется отношением между массой применяемых средств производства, с одной стороны, и количеством труда, необходимым для их применения — с другой. Первый я называю составом капитала по стоимости, второй — техническим составом капитала. Между тем и другим существует тесное взаимоотношение. Чтобы выразить это взаимоотношение, я называю органическим составом капитала его состав по стоимости, поскольку последний определяется его техническим составом и отражает в себе изменения технического состава. В тех случаях, где говорится просто о составе капитала, всегда следует подразумевать его органический состав». («Капитал», I, 485.)

Этот состав различен у разных капиталов. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем подразумевать средний состав общественного капитала данной страны.

Перейдем после этих предварительных замечаний к нашему исследованию.

Рассмотрим прежде всего простейший случай: накопление происходит без изменений в составе капитала. Это значит, что для того, чтобы пустить в ход определенное количество средств производства, требуется всегда одинаковое количество рабочей силы. Возьмем для наглядности капитал в 100 000 марок, который состоит на три четверти из постоянного, а на одну четверть — из переменного капитала. Если 20 000 марок из общей суммы прибавочной стоимости будут присоединены к первоначальному капиталу, то дополнительный капитал, согласно нашему предположению, будет распределяться в таком же соотношении, как и первоначальный. Теперь весь капитал будет состоять из 90 000 марок постоянного и 30 000 марок переменного капитала. Второй возрос в той же пропорции, как и первый, а именно на 20%. Однако, чтобы новый дополнительный капитал мог возрастать в стоимости, необходима добавочная рабочая сила. Предназначенная для накопления прибавочная стоимость в 20 000 марок может в нашем случае стать капиталом только тогда, когда число находящихся в распоряжении капитала наемных рабочих возрастет на 20%.

Если количество наемных рабочих при неизменяющемся

строении капитала увеличивается не так быстро, как этот последний, то спрос на рабочих возрастает быстрее, чем их предложение, и заработная плата повышается.

Этот случай имеют в виду мальтузианцы, когда они рекомендуют для «решения социального вопроса» ограничение размножения рабочих. Они прежде всего не замечают при этом, что капиталистические отношения, отношения между капиталистами и наемными рабочими, не уничтожаются повышением заработной платы. Накопление капитала означает воспроизводство капиталистических отношений в расширенном масштабе, означает рост капиталов и массы прибавочной стоимости, неоплаченного труда, с одной стороны, и увеличение численности пролетариата — с другой.

Даже тогда, когда накопление капитала повышает цену труда, это не может происходить без одновременного увеличения численности пролетариата, это не может происходить без расширения области господства капитала.

Но заработная плата никогда не может подняться так высоко, чтобы угрожать самому существованию прибавочной стоимости. Спрос на рабочую силу при капиталистическом способе производства вызывается потребностью капитала в самовозрастании, в производстве прибавочной стоимости. Поэтому капитал никогда не станет покупать рабочую силу по такой цене, которая исключала бы возможность производить прибавочную стоимость.

Если заработная плата вследствие накопления капитала возрастает, то возможны два случая. Либо — повышение цены труда не будет мешать успехам накопления. Если даже норма прибавочной стоимости понизится, то все же масса ее может возрасти благодаря накоплению. «В этом случае очевидно, что уменьшение неоплаченного труда нисколько не препятствует распространению господства капитала». («Капитал», I, 491.) Либо — накопление прекращается, «потому что этим притупляется стимулирующее действие прибыли». (Там же.) Но с прекращением накопления исчезает и причина, которая гнала заработную плату вверх. Последняя вследствие этого падает, пока не достигнет уровня, удовлетворяющего потребность капитала в самовозрастании.

«Следовательно, самый механизм капиталистического процесса производства устраняет те преходящие препятствия, которые он создает». (Там же.)

Мы видим здесь своеобразное взаимодействие между оплаченным и неоплаченным трудом.

«Если количество неоплаченного труда, доставляемого рабочим классом и накопляемого классом капиталистов, возрастает настолько быстро, что оно может превращаться в капитал лишь при чрезвычайном увеличении добавочного оплаченного труда, то заработная плата повышается, и, при прочих равных условиях, неоплаченный труд относительно уменьшается. Но если это уменьшение доходит до пункта, когда прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, то наступает реакция: та часть дохода,

которая подвергается капитализации, уменьшается, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением. Таким образом повышение цены труда не выходит из таких границ, в которых не только остаются неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обеспечивается воспроизводство последней в расширяющемся масштабе». («Капитал», I, 492.)

Колебания в накоплении капитала, удерживающие заработную плату в известных границах, кажутся буржуазным экономистам колебаниями в количестве наемных рабочих, ищущих труда. Они впадают при этом в такое же заблуждение, как и люди, воображающие, что солнце вращается вокруг земли, а последняя стоит неподвижно [1].

Если накопление капитала замедляется, то это создает впечатление, будто рабочее население растет быстрее, чем обычно. Если же накопление совершается более ускоренным темпом, то кажется, будто рабочее население уменьшается или растет медленнее, чем обычно. То явление, что заработная плата колеблется то вверх, то вниз, но при этом не может перейти известных границ, пытаются объяснить тем, что при повышении платы рабочее население быстро увеличивается, а возросшее предложение рабочей силы понижает заработную плату. Понижение же заработной платы влечет за собой усиление нищеты и увеличение смертности в среде рабочего класса, что сокращает предложение рабочей силы и снова повышает заработную плату. Это объяснение носит название теории «железного закона заработной платы».

Против такого объяснения говорит уже тот простой факт, что, как известно всякому, заработная плата колеблется не от поколения к поколению, а в гораздо более короткие промежутки времени. К этому вопросу мы еще дальше вернемся.

2. Промышленная резервная армия

До сих пор мы предполагали, что накопление происходит без изменения состава капитала. Но в ходе накопления такие изменения неизбежно возникают время от времени.

На техническое строение капитала влияет всякое изменение производительности труда. Масса средств

---

[1] Маркс говорит: «Таким же образом, когда промышленность проходит в своем цикле фазу кризиса, общее понижение товарных цен выражается как повышение относительной стоимости денег, а когда она проходит фазу процветания, общее повышение товарных цен получает такое выражение, как будто происходит относительное понижение стоимости денег. Так называемая currency-школа делает из этого тот вывод, что при высоких ценах в обращении находится слишком мало, а при низких — слишком много денег. Ее невежество и полное забвение фактов находит себе достойную параллель в экономистах, которые истолковывают указанные сейчас явления накопления таким образом, что в одном случае имеется слишком мало, а в другом — слишком много наемных рабочих». («Капитал», I, 492.)

производства, которую рабочий превращает в продукт, растет при прочих равных условиях вместе с производительностью его труда. Растет масса перерабатываемого им сырья, растет количество применяемых им орудий труда и т. д. Следовательно, с ростом производительности труда возрастает и количество средств производства по сравнению с приложенным к ним трудом,— или, что то же, количество применяемого труда уменьшается по сравнению с количеством средств производства, которое он приводит в движение.

Это изменение в техническом составе капитала отражается и на его составе по стоимости. Здесь оно представляется в виде относительного уменьшения переменной части капитала и увеличения постоянного капитала. Однако изменения состава капитала по стоимости не соответствуют в точности изменениям его технического состава, так как вместе с ростом производительности труда не только увеличивается количество используемых им средств производства, но также падает их стоимость, хотя и в меньшей мере, чем возрастает их масса.

Так, например, в начале прошлого столетия капитал, который вкладывался в прядильное дело, состоял почти наполовину из постоянной и наполовину из переменной части. Масса сырья, орудий труда и проч., перерабатываемых в настоящее время прядильщиком при той же затрате труда, увеличилась по сравнению с тем временем в четыреста раз, а соотношение между постоянным и переменным капиталом по стоимости изменилось гораздо меньше. В настоящее время на бумагопрядильнях постоянный капитал относится к переменному, вероятно, как 7 : 1.

Во всяком случае, однако, повышение производительности труда при капиталистическом способе производства означает относительное уменьшение переменного капитала.

Но производительность труда и накопление капитала находятся в теснейшем взаимодействии между собой.

При товарном производстве средства производства являются частной собственностью отдельных лиц. Однако развитие общественной производительной силы труда предполагает кооперацию в широком масштабе, большие помещения для работы, большие массы сырья и средств труда и т. д. При господстве товарного производства сосредоточение в собственности отдельных лиц столь колоссальных количеств средств производства возможно лишь тогда, когда индивидуальные капиталы достигли соответствующей ступени накопления. «На почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиться лишь в капиталистической форме». («Капитал», I, 496.)

Следовательно, известная высота накопления капитала составляет предварительное условие известной высоты производительности труда. Но все методы повышения производительной силы труда при капиталистическом способе производства являются, вместе с тем, методами увеличения производства прибавочной стоимости, облегчая, таким образом, усиленное накопление. По-

следнее, с своей стороны, воздействует обратно на расширение масштаба производства, что опять-таки является сильнейшим стимулом к новому повышению производительной силы труда. Таким образом, накопление капитала и производительность труда все больше и больше развиваются в результате взаимного воздействия.

Влиянию роста отдельных капиталов посредством накопления противодействует дробление старых капиталов, вследствие, например, наследственных разделов и выделения новых самостоятельных капиталов. Однако это противодействие накоплению более чем компенсируется централизацией, соединением уже образовавшихся капиталов, вызываемым в особенности поглощением мелких капиталов крупными. Эта централизация столь же способствует повышению производительности и изменению технического строения капитала, как и накопление. С другой стороны, накопление усиливает централизацию — и наоборот. Чем больший капитал накоплен, тем легче он будет побеждать и поглощать мелкие капиталы в процессе конкуренции. Чем больше мелких капиталов поглотил данный капитал, тем больше производительность занимаемого им труда, тем шире происходит и накопление.

Однако накопление гигантских масс капитала в немногих руках не только развивает производительность в тех отраслях труда, которым уже овладел капиталистический способ производства. Ряд мелких капиталов, вытесненных из тех отраслей труда, где господствует крупное производство, переходит в те отрасли, где капиталистический способ производства еще не укрепился, где мелкий капитал может еще выдерживать конкуренцию. Таким образом, подготовляется почва для вовлечения и этих отраслей производства в сферу господства капитализма.

Итак, мы видим, что капиталистический способ производства находится в постоянной технической революции, последствием которой является все больший рост постоянного капитала и относительное уменьшение переменного.

При этом относительное уменьшение переменного капитала происходит несравненно быстрее, чем накопление. Вновь образующийся в ходе накопления капитал занимает все меньшее количество добавочных рабочих по сравнению со своей величиной. А одновременно с накоплением происходит революционизирование и старого капитала. Износившаяся машина, если тем временем техника сделала новые успехи, заменяется не другой такой же, а лучшей, такой, с помощью которой рабочий может производить больше продуктов, чем прежде. Старый капитал воспроизводится во все более производительной форме, а это приводит к тому, что он вытесняет все большее число ранее занятых им рабочих.

Централизация есть один из могущественнейших рычагов кого преобразования старого капитала.

Чем быстрее происходит централизация и техническая ре[illegible] люция старого капитала, тем быстрее [illegible]

накопление нового капитала для того, чтобы число занятых рабочих не сокращалось. Но чем быстрее происходит накопление, тем больше оно усиливает централизацию и техническую революцию.

Мальтузианцы уверяют, будто «перенаселение» происходит оттого, что средства существования (или, точнее говоря, переменный капитал) возрастают в арифметической прогрессии, в отношении 1 : 2 : 3 : 4 : 5 и т. д., тогда как население имеет тенденцию возрастать в геометрической прогрессии — 1 : 2 : 4 : 8 : 16 и т. д. Таким образом, рост населения всегда опережает рост средств существования. Естественным последствием этого являются нищета и пороки.

На самом же деле прогрессирует уменьшение переменного капитала одновременно с ростом общей суммы капитала. Если первоначально переменный капитал составлял половину общей суммы капитала, то он постепенно опускается до $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$ и т. д. этой суммы.

«Это относительное уменьшение переменной части капитала, ускоряющееся с возрастанием всего капитала, и ускоряющееся притом быстрее, чем ускоряется возрастание всего капитала, представляется, с другой стороны, в таком виде, как будто, наоборот, абсолютное возрастание рабочего населения совершается быстрее, чем возрастание переменного капитала или средств для занятия этого населения. В действительности капиталистическое накопление постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, а потому излишнее или добавочное рабочее население». («Капитал», I, 501.)

Изменение строения общественного капитала происходит не во всех его частях равномерно. В одном месте капитал растет посредством накопления, причем последнее сначала не изменяет его данных технических основ и потому привлекает добавочных рабочих соответственно своему росту. В другом месте изменяется строение капитала без увеличения его абсолютной величины, просто путем замещения старого капитала новым, более производительным; при этом число занятых рабочих падает относительно или абсолютно. Между двумя этими крайними случаями располагаются бесчисленные комбинации, порождаемые перекрещивающимися влияниями накопления, централизации и преобразования старого капитала в более производительную форму, причем все они имеют последствием либо прямое вытеснение рабочих, либо «не так заметную, но не менее действительную форму затрудненного поглощения добавочного рабочего населения его обычными отводными каналами». («Капитал», I, 501—502.)

Рабочее население, таким образом, поддерживается постоянно в текучем состоянии. Местами оно привлекается, местами вытесняется. Это движение происходит тем быстрее, чем скорее изменяется строение капитала, чем выше производительность труда, чем сильнее накопление капитала.

Маркс приводит многочисленные данные английской статистики, свидетельствующие об относительном, а часто также и об абсолютном уменьшении числа занятых рабочих во многих отраслях промышленности. Из более новых переписей мы заимствуем два нижеследующих примера абсолютного уменьшения числа занятых рабочих при одновременном расширении производства.

Один пример относится к хлопчатобумажной промышленности Великобритании в период с 1861 по 1871 г.

В ней насчитывалось:

	1861 г.	1871 г.
Фабрик	2 887	2 483
Прядильных веретен	30 387 467	34 695 221
Паровых ткацких станков	399 992	440 677
Рабочих	456 646	450 087

Мы видим, что одновременно с уменьшением числа занятых рабочих произошло уменьшение числа фабрик и увеличение прядильных и ткацких машин, а это — признак централизации и накопления капитала.

С 1895 по 1904 г. потребление хлопка в Англии возросло с 1 550 миллионов фунтов до 1 700 миллионов, а в то же время количество рабочих на хлопчатобумажных фабриках уменьшилось с 539 000 до 523 000. Подобную же картину представляют некоторые отрасли германской текстильной промышленности: сильное уменьшение числа рабочих, ограничивающееся, впрочем, лишь мелкими предприятиями. Число крупных предприятий и рабочих в них увеличилось. Следовательно, перед нами сильная централизация и накопление капитала при одновременном освобождении рабочих. Так, напр., в шелкоткацкой промышленности Германии мы находим:

Год	Мелкие предприятия (до 5 раб.)		Средн. предприятия (6—50 раб.)		Крупн. предприятия (свыше 50 раб.)	
	Предприятий	Рабочих	Предприятий	Рабочих	Предприятий	Рабочих
1882	39 500	57 782	412	4 902	69	13 580
1895	16 527	20 484	192	3 469	140	32 129
1907	8 272	12 823	346	5 650	240	48 719
Увеличение + или уменьшение —	— 31 228	— 44 955	— 66	+ 748	+ 171	+ 35 139

То же и в льноткацкой промышленности:

1882	71 915	91 039	404	5 226	73	7 543
1895	34 082	43 228	291	4 598	120	19 996
1907	14 275	18 949	265	5 214	180	28 177
Увеличение + или уменьшение —	— 57 640	— 72 090	— 139	— 12	+ 107	+ 20 634

Число рабочих шелкоткацкой и льноткацкой промышленности вместе уменьшилось за 25 лет на 60 540 человек, но это уменьшение происходило только за счет упадка мелкого производства: в обеих отраслях промышленности число мелких предприятий уменьшилось на 88 868, или на 80%, а число рабочих в них—на 116 959. Напротив, число крупных предприятий увеличилось со 142 до 420, т. е. почти утроилось, а число рабочих в них возросло с 21 123 до 76 896 человек, т. е. больше чем в три раза.

Мы предполагали до сих пор, что увеличению или уменьшению переменного капитала в точности соответствует увеличение или уменьшение числа занятых рабочих. Однако не всегда бывает так. Если фабрикант при прежней цене труда удлинит рабочий день, то он будет выплачивать больше заработной платы. Переменный капитал возрастет, хотя число занятых рабочих не увеличится, а может быть даже сократится.

Допустим, что предприниматель занимает 1 000 рабочих, а рабочий день равен 10 часам и заработная плата — 2 маркам. Он хочет вложить в предприятие добавочный капитал. Он может сделать это таким образом, что расширит помещение, заготовит новые машины и наймет добавочных рабочих. Но он может также этот добавочный капитал, за вычетом той его части, которая затрачивается на заготовку дополнительного сырья, использовать для того, чтобы удлинить рабочий день уже занятых рабочих. Положим, что он удлинит его на 5 часов, а цена труда останется прежней. В таком случае заработная плата будет равна 3 маркам, переменный капитал, при прочих равных условиях, возрастет на 50% без увеличения числа рабочих.

А всякий капиталист предпочитает добиться увеличения количества труда путем удлинения рабочего дня или усиления интенсивности труда, чем посредством расширения количества рабочих: ведь размер постоянного капитала, какой он должен вложить в дело, в первом случае возрастает гораздо медленнее, чем в последнем случае. Эта выгода для него тем больше, чем шире масштаб производства. Она растет, стало быть, по мере накопления капитала.

Если, например, орудием рабочего служит лопата, стоящая 2 марки, то предприниматель едва ли будет сопротивляться увеличению количества труда посредством соответствующего увеличения числа рабочих. Иначе обстоит дело, если рабочий работает при машине, стоящей 100 000 марок.

Однако по мере накопления капитала не только растет стремление капиталиста добиться увеличения количества труда без соответствующего расширения числа рабочих, но в то же время понижается сила сопротивления рабочего класса этому стремлению капиталиста. Избыточное количество рабочих, созданное накоплением капитала, уменьшает своею конкуренцией силу сопротивления занятых рабочих. Последние, таким образом, оказываются вынужденными согласиться на чрезмерную работу, а чрезмерная работа, в свою очередь, ведет к росту избыточного рабочего населения. Безработица одних обусловливает чрезмерный труд других и — наоборот.

Мы видим, что накопление капитала с сопровождающими его явлениями и последствиями,— централизацией капиталов, техническим преобразованием старого капитала, чрезмерным трудом и т. д.,— имеет тенденцию сократить количество занятых рабочих по отношению ко всему вложенному капиталу, а иногда даже сократить его абсолютно.

Но накопление капитала в то же время увеличивает количество предлагающих свои услуги, находящихся в распоряжении капитала рабочих, и это увеличение далеко превосходит прирост населения.

Мы видели во втором отделе, что мануфактура, а в еще большей степени крупная промышленность, в ходе своего развития позволяет заменять обученные рабочие силы необученными. Время обучения рабочего сокращается до минимума. Рабочий может раньше поступать в распоряжение капитала, время его воспроизводства сокращается. В то же время во многих отраслях труда взрослые рабочие-мужчины заменяются женщинами и детьми. Тем самым не только прямо увеличивается в огромной степени рабочая армия: экономическая самостоятельность девушек и молодых людей, их совместный труд, как и возможность отдавать рано на работу детей,— все это поощряет ранние браки. Этим также сокращается время воспроизводства рабочего класса.

Следующий мощный фактор быстрого роста рабочей армии начинает действовать, когда капиталистический способ производства овладевает сельским хозяйством. Здесь рост производительности сразу ведет не только к относительному, но и к абсолютному уменьшению числа занятых рабочих. В Великобритании число занятых в сельском хозяйстве в 1861 г. составляло 2 210 449 лиц, а в 1871 г.—1 514 601, т. е. упало почти на 700 000 человек. Крестьяне, ставшие, таким образом, «избыточными», стягиваются в промышленные округа, если только не эмигрируют, и увеличивают там рабочую армию, предлагающую себя капиталу.

Не будем забывать, наконец, о значении железных дорог и

пароходов, которые позволяют капиталу привлекать новые массы рабочих из промышленно отсталых областей и стран — ирландцев, поляков, словаков, итальянцев, китайцев и т. д.

Таким образом, рабочее население возрастает с огромной быстротой, быстрее, нежели потребность капитала в новых рабочих силах. Следствием этого является относительное перенаселение. Оно порождается, как мы видели, накоплением капитала, т. е. не понижением производительности труда, как утверждают экономисты, а ее повышением.

Существование так называемого перенаселения, наличность промышленной резервной армии не только не тормозит, однако, развития капитала, но образует, начиная с известного момента, одну из его предпосылок.

Капитал представляет собой, как мы знаем, растяжимую величину. Чем больше развивается капиталистический способ производства, тем резче и в тем более обширных размерах происходят периодические расширения и сокращения капитала. Современная крупная промышленность, как уже указывалось во втором отделе, проходит своеобразное круговое движение, периодически повторявшееся до 1873 г. приблизительно через каждые десять лет. Это круговое движение начинается с умеренного хозяйственного оживления, быстро усиливающегося, затем наступает подъем, колоссальное и внезапное расширение производства, промышленная горячка, затем — крах, застой в деловой жизни, пока рынок не расширится в необходимой мере и не поглотит избытка товаров, после чего наступает снова оживление, и старая история повторяется сначала, но уже в большем масштабе.

Так обстояло дело в то время, когда Маркс писал свой «Капитал», появившийся впервые в 1867 г. Так обстояло дело и тогда, когда он писал послесловие ко второму изданию своего «Капитала» (24 января 1873 г.), в котором он указал на приближение всеобщего кризиса [1].

Известно, как быстро и точно осуществилось это предсказание.

Но с кризисом, начавшимся в 1873 г., капиталистический способ производства как бы вступил в новую фазу. Если производительность крупной промышленности до тех пор столь быстро развивалась, что иногда опережала расширение мирового рынка, то теперь, казалось, наступило время, когда вследствие колоссальных успехов техники и огромного расширения области гос

[1] Охарактеризованный нами уже во втором отделе д-р Штегеман с ужасом замечает по поводу этого места: «Маркс без малейшего колебания (!) возвещает о быстро надвигающемся всеобщем кризисе». («Preussische Jahrbücher», LVII, стр. 227.) В том месте, о котором идет речь, Маркс говорит о «колебаниях того периодического цикла, который пробегает современная промышленность и высшим пунктом которого является всеобщий кризис». («Капитал», I, XXIII.)

Яснее нельзя выразиться. Однако это не мешает ученому доктору разуметь под кризисом, о котором идет речь, революцию. Подобные же «недоразумения», выражаясь парламентским языком, всегда, однако, ведущие к тому, что Марксу приписывают всяческие ужасы, — слишком часто случаются со многими учеными, которые читали или даже и не читали, но цитируют Маркса.

подства капиталистического производства, захватившего Россию, Америку, Ост-Индию; Австралию, мировой рынок лишь на короткое время и в исключительных случаях был в состоянии поглощать продукты мирового производства. Вместо десятилетнего цикла, в течение которого сменяли друг друга то умеренное оживление хозяйственной жизни, то лихорадочный рост производства, то кризис, то застой и новое оживление,—с 1873 г. наблюдался хронический застой в делах, длительное затишье, лишь в 1889 г. сменившееся улучшением в делах, короткой вспышкой спекулятивной горячки, которая вскоре прекратилась и уступила место еще более резкому застою. Казалось, что более значительный «промышленный подъем» уже больше не наступит.

Однако такое опасение оказалось ошибочным. С 1895 по 1900 г. снова имел место период хозяйственного подъема, притом столь мощного, что не мало оптимистов было увлечено противоположным ожиданием,— будто время кризисов вообще миновало.

Такое представление можно было уже заранее считать несостоятельным, так как при капиталистическом способе производства хозяйственный подъем необходимо должен кончаться кризисом, который в действительности вскоре и наступил.

Однако здесь важно указать лишь на временные расширения и сокращения капитала, а они происходят как во время хронического застоя, так и в период десятилетнего цикла кризиса и промышленного расцвета.

Всякое такое временное расширение капитала порождает усиленную потребность в рабочей силе. Каким образом она удовлетворяется? Заработная плата повышается, а это, согласно теории экономистов, влечет за собою размножение населения, и через 20 лет рабочее население становится достаточно многочисленным для того, чтобы капитал мог использовать благоприятную для себя конъюнктуру. Но ведь последняя продолжается всякий раз лишь несколько лет, а зачастую — лишь несколько месяцев!

К счастью для капитала, в действительности дело происходит иначе, чем по теории «железного закона заработной платы». Капиталистический способ производства, как мы видели, искусственно порождает избыточное рабочее население. Последнее представляет собою резервную армию, из которой капитал в любой момент может взять столько добавочных рабочих, сколько ему требуется. Без этой армии своеобразное, происходящее толчками развитие капиталистической крупной промышленности было бы невозможно.

Что стало бы с германской промышленностью, если бы она в начале 70-х, а также во второй половине 90-х гг. не нашла столько «свободных рук», готовых к ее услугам,— целых рабочих армий, которые она смогла бросить на постройку железных дорог, в новые каменноугольные копи, железные рудники и т. д.? Но эта резервная армия не только делает возможным внезапное расширение капитала,—она давит и на заработную плату.

Она едва ли поглощается сполна даже и во время самого цветущего состояния промышленности. Вследствие этого заработная плата даже и во время наивысшего расцвета промышленности не подымается выше определенного уровня.

То, что кажется повышением и понижением количества населения, есть на самом деле лишь отражение периодического расширения и сокращения капитала. Если мальтузианцы требуют от рабочих, чтобы они размножались лишь в той мере, в какой могут найти себе занятие, то это означает, следовательно, что рабочие должны сообразовать свою численность с изменчивыми потребностями капитала.

Мальтузианство основано на смешении изменчивых производственных потребностей капитала с производительной силой наличных средств производства. Это смешение всегда было нелепо, но особенно ясно это стало в последние два десятилетия. Земледельческие округа Европы страдают все это время от перенаселения, порожденного избытком средств существования, конкуренцией американского,индийского и австралийского хлеба и мяса!

Однако, как бы нелепо ни звучали требования мальтузианства, они лишь отражают то положение, в каком рабочий находится в настоящее время по отношению к капиталу. Он — лишь придаток капитала. В процессе производства не он применяет средства производства, а они применяют его. Но и вне работы, как мы видели, он принадлежит капиталу. Когда он потребляет, когда он поддерживает свое существование и производит потомство, он обязан это делать так, как того требуют интересы капитала. Рабочий находится под ярмом своего собственного продукта: он служит ему не только своей рабочей силой, но и всею жизнедеятельностью своего человеческого существа[1].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗАРЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Мы видели в предыдущих главах, как капитал постоянно вновь воссоздает предварительные условия своего собственного существования. Но ясно, что капитал не мог сложиться в своей классической форме, пока эти предварительные условия не достигли известной степени развития.

Какие же обстоятельства вызвали их появление? На этот вопрос мы еще не дали ответа. Когда мы исследовали превраще-

[1] Автор обрывает свое изложение на вопросе о промышленной резервной армии. Он опускает при этом важнейший вывод Маркса о росте абсолютного и относительного обнищания пролетариата в ходе капиталистического развития. «Положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата... Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал». («Капитал», I, 515.) — Ред.

ние денег в капитал, то исходили из того предположения, что, с одной стороны, во владении частных лиц оказались крупные денежные суммы, а с другой — на рынке стала продаваться рабочая сила как товар. Как рабочая сила стала товаром и как скопились эти денежные суммы, этого мы еще не рассматривали.

Нам остается еще сказать наиболее существенное по этому вопросу.

Накопление капитала означает воссоздание предварительных условий его существования. Первоначальное же возникновение этих предварительных условий, предшествовавшее развитию капитала, Маркс называет первоначальным накоплением.

На вопрос о происхождении капитала экономисты дают нам тот ответ, который у них всегда наготове, если они не знают или не хотят знать, как развивался этот процесс в действительности; они выдвигают робинзонаду. Последняя дает им двойную выгоду, так как для ее измышления не требуется никаких предварительных знаний, а кроме того, ее всегда можно построить так, чтобы она доказывала все, что желательно доказать.

Те робинзонады, которые пытаются объяснить происхождение капитала и привести его в согласие с ходячими правовыми представлениями, принадлежат к числу самых пошлых выдумок этого сорта. От рассказов, помещаемых в детских букварях, они отличаются лишь тем, что гораздо скучнее их[1]. Это все та же старая история об энергичном, прилежном и умеренном работнике, который стал капиталистом, и о бездельниках, легкомысленно прокучивавших все свое достояние и в наказание за это осужденных на веки веков со всем своим потомством в поте лица своего работать на добродетельного и его потомство.

В совершенно ином свете представится нам первоначальное накопление, если мы познакомимся с историей Европы, начиная с XIV века. История эта имеет две стороны, но только об одной из них поведали народу либеральные историки.

Промышленный капитал не мог возникнуть без свободных рабочих, независимых от крепостной неволи и от цеховых уз. Ему нужна была свобода производства, освобождение от оков феодализма и опеки феодалов. С этой точки зрения борьба подымающегося в гору капитализма выступает как борьба против насилия и привилегий, как борьба за свободу и равенство.

Только эту сторону истории все снова и снова расписывают

[1] Послушаем, например, Рошера: «Представим себе рыбачье племя, не имеющее частной собственности на землю и капитал, живущее нагишом в пещерах и питающееся морской рыбой, которая выбрасывается на берег приливом и которую представители этого племени собирают голыми руками. Пусть все работники будут здесь равны и каждый из них добывает и съедает по три рыбы в день. Но вот какой-нибудь умный человек в продолжение 100 дней ограничивает свое потребление двумя рыбами и употребляет собранный таким образом запас в 100 рыб на то, чтобы в течение 50 дней затрачивать всю свою рабочую силу на постройку лодки и изготовление рыболовной сети. С помощью этого капитала он ловит с этих пор по 30 рыб ежедневно». («Grundzüge der Nationalökonomie», Stuttgart, 1874, I, 423.) На такого рода гнилую рыбу сбиваются все сказки о происхождении капитала.

народу литературные защитники буржуазии. Мы не намерены умалять значение этой борьбы, особенно теперь, когда буржуазия сама начинает отрекаться от своего прошлого. Но из-за этой блестящей и гордой страницы истории нельзя забывать и оборотной ее стороны: образования пролетариата и самого капитала.

Эта сторона освещена еще далеко не полностью. Маркс основательно исследовал ее в своем «Капитале» по отношению к одной лишь стране — Англии, родине капиталистического способа производства и единственной стране, в которой первоначальное накопление выступило в своей классической форме. Некоторые указания на этот процесс имеются и в «Нищете философии» (вторая глава, § 2).

Соответствующий процесс развития в Германии, к сожалению, можно проследить лишь в неполном виде, так как он был задержан и искажен перенесением торговых путей на восток, из бассейна Средиземного моря в бассейн Атлантического океана, а затем — тридцатилетней войной и веками длившимся вытеснением Германии с мирового рынка.

Важнейшим препятствием, которое встретил на своем пути нарождающийся капитал, было, наряду с цеховой организацией в городах, общинное владение землей, сосредоточенное в руках сельских общин, а иногда и более обширных объединений. Пока существовало общинное землевладение, не было пролетарских масс. К счастью для капитала, феодальное дворянство позаботилось об его интересах.

Со времени крестовых походов торговля и товарное производство развивались все больше и больше. Возникли новые потребности в товарах, которые доставляла городская промышленность или городские купцы за деньги. Но богатство феодального дворянства основывалось на натуральных или личных повинностях крепостных крестьян. Денег у него было мало. Оно старалось добывать грабежом то, чего не было в состоянии покупать.

Но государственная власть окрепла, и против феодального ополчения, навербованного из мелкого дворянства, выступили наемные солдаты богатых городов и князей. Грабежи на больших дорогах стали невозможны. Феодалы старались выколотить из крестьян деньги, они доводили их этим до отчаяния, — вспомним о крестьянских войнах, — но сами от этого мало выигрывали. Таким образом, благородные господа, желая вкусить новых наслаждений, мало-по-малу решились стать сами товаропроизводителями, подобно горожанам, и добывать деньги производством сельскохозяйственных продуктов — шерсти, хлеба и т. п. — на продажу, а не только для собственного потребления, как в былые времена.

Это потребовало расширения их хозяйств, управление которыми перешло в руки управляющих, приказчиков или арендаторов. Но это расширение было возможно лишь за счет крестьянства. Крестьяне, превращенные в крепостных, подвергались так называемому «холощению», т. е. они изгонялись из

своих участков, которые присоединялись к землям, эксплоатируемым землевладельцами. Общинная собственность деревень, находившихся под верховной властью помещиков, была превращена в частную собственность последних, и это привело крестьян к полному разорению.

Особенно ходким сельскохозяйственным товаром была шерсть, — в ней нуждалась текстильная промышленность городов. Расширение производства шерсти означало превращение пахотной земли в пастбища для овец и массовое изгнание крестьян с их земель. Это изгнание производилось как по закону, так и без закона посредством экономического или прямого физического принуждения.

По мере того, как росла городская текстильная промышленность, росло и число изгнанных со своих земель и обездоленных крестьян.

Далее, дворянство распустило своих многочисленных слуг, которые при новых условиях отнюдь не были орудием его силы, а лишь причиной его финансовой слабости. Наконец, в пользу капитала работала и реформация, которая не только превратила обитателей монастырей в пролетариев, но и передала церковные земли спекулянтам, согнавшим с этих земель их старых наследственных арендаторов.

Таким образом, бо́льшая часть сельского населения была освобождена от земли, от своих средств производства. Так было создано искусственное «перенаселение», возникла армия лишенных собственности пролетариев, вынужденных изо дня в день продавать свою рабочую силу, в которой нуждается капитал. Таким способом феодалы расчистили почву для капитала. Они доставили пролетариев сельскому и городскому капиталу и в то же время расчистили путь сельскохозяйственному товарному производству в крупных размерах, капиталистическому сельскому хозяйству.

Капиталистический характер, который с тех пор приняло сельское хозяйство в крупных поместьях, не уничтожался сохранившимися еще различными формами крепостной зависимости, а только искажался ими. Тем комичнее видеть, как крупные землевладельцы пытаются в настоящее время разыгрывать роль класса, который по самой природе своей призван к защите рабочих от капитала и к установлению гармонии между ними.

Следствием многочисленных экспроприаций крестьянства было необычайное развитие бродяжничества в Западной Европе в XV и XVI веках. Оно угрожало захлестнуть общество, и это общество подвергало бродяживших крестьян жесточайшим наказаниям кнутом, клеймением, отрезанием ушей и даже смертью.

Хотя таким образом было освобождено большее количество рабочих, чем мог поглотить капитал, все же зачастую он не мог найти в необходимом количестве годных рабочих. В мануфактурный период капиталистический способ производства находился еще в зависимости от рабочих, которые приобрели известную виртуозность в своих частичных операциях. Часто

нужны были годы для достижения рабочим соответствующей выучки.

В то же время переменная часть капитала значительно превосходила постоянную его часть. Поэтому спрос на наемный труд при каждом накоплении капитала быстро возрастал, тогда как приток годных рабочих рук рос лишь медленно. Искусные рабочие были не только редки и в большом спросе; в их среде живы были традиции ремесла, когда подмастерье еще стоял близко к мастеру и сам мог надеяться стать мастером. Наемные рабочие обладали чувством собственного достоинства, были горды и непокорны; они не могли и не хотели подчиняться дисциплине и вечной монотонности капиталистического производства. Потребовалось вмешательство «высшей власти», чтобы создать рабочего, покорного капиталу.

Государственная власть выступила на защиту собственности от бродяг. Она поощряла превращение общинной собственности в частную. Маркс подробно рассказывает, как произошло это дело в Англии. Эта же власть выступила и тогда, когда потребовалось приучить рабочих к капиталистической дисциплине. Строгие указы устанавливали максимум заработной платы, удлиняли рабочий день и запрещали рабочие союзы.

Насколько все это соответствовало духу боровшейся в то время за «свободу» буржуазии, последняя показала, когда завоевала политическую власть во время французской революции. Она повела ожесточенную войну против остатков общинного землевладения, еще сохранявшегося во Франции, и решительно запретила рабочие союзы.

Вместе с пролетариатом возник и внутренний рынок для капитала. Прежде каждая крестьянская семья сама производила все, в чем нуждалась, — как средства существования, так и продукты домашней промышленности. Теперь дело изменилось. Средства существования стали производиться, как товары, в крупных поместьях, образовавшихся из общинной земли и отдельных крестьянских участков, и находили себе рынок в промышленных округах. Продукты капиталистической промышленности — в данную эпоху мануфактуры — находили себе сбыт у наемных рабочих промышленности и крупных поместий, а также и среди самих крестьян.

Зачастую участки последних стали слишком мелкими для того, чтобы поддерживать их существование. Земледелие для них стало побочным занятием, домашняя промышленность с целью собственного потребления отошла на задний план и уступила свое место такой домашней промышленности, которая стала производить товары для капиталиста, для купца. Это — одна из отвратительнейших и прибыльнейших форм капиталистической эксплоатации.

Мы видели, как возникли пролетариат и искусственное перенаселение, сделавшие возможным развитие капиталистического способа производства. Это развитие в свою очередь постоянно, во все увеличивающихся размерах, снова воспроизводит пролетариат и относительное перенаселение.

Но откуда же взялись те сосредоточенные в немногих руках богатства, которые были другой предпосылкой капиталистического способа производства?

Средневековье переняло от классической древности два вида капитала — ростовщический и торговый. Со времени крестовых походов в огромной степени выросли торговые сношения с Востоком, а вместе с тем — торговый капитал и его централизация в немногих руках. Упомянем здесь лишь о семье Фуггеров в Аугсбурге, — этих немецких Ротшильдах XV и XVI веков.

Но ростовщичество и торговля не были единственными источниками тех денежных сумм, которые, начиная с XV века, во все растущих размерах превращались в промышленный капитал. Маркс в своем «Капитале» указал и другие такие источники. Детали читатель найдет в этом изложении, достойным образом венчающем блестящий исторический экскурс в область «первоначального накопления». Здесь же мы дадим только выразительными словами Маркса краткое резюме различных методов этого накопления:

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих, — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления. За ними следует торговая война европейских наций, ареной для которой служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в таких грабительских походах, как война с Китаем из-за опиума и так далее.

Различные моменты первоначального накопления распределяются теперь между различными странами, — а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией, — и притом более или менее в известной исторической последовательности. В Англии к концу XVII века они систематически объединяются в колониальной системе, системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма. Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии, как, напр., колониальная система. Но все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция». («Капитал», I, 603.)

Предпоследняя фраза этой цитаты очень часто приводится, но большею частью отдельно от контекста. Кто продумает ее в связи с предыдущим изложением, тот будет знать, как надо ее понимать. К насилию, служившему повивальной бабкой капитали-

стического способа производства, принадлежит также и «государственная власть, концентрированное и организованное насилие общества»; но это не власть «государства в себе», парящего в облаках над классовыми противоречиями, а власть государства как орудия мощно подымающегося класса.

Растущая пролетаризация населения, особенно крестьянского, и образование внутреннего рынка, с одной стороны, а с другой — накопление и концентрация крупных богатств наряду с возникновением внешних рынков, особенно благодаря торговым войнам и колониальной политике, — вот каковы были условия, наступившие в Западной Европе начиная с XV века. Эти условия способствовали все более решительному превращению всего производства в товарное производство, а товарного производства — в капиталистическое. С тех пор раздробленные мелкие хозяйства крестьян и ремесленников стали постепенно уничтожаться и вытесняться крупными капиталистическими предприятиями.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОНЕЦ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Мы подходим к концу своей попытки дать, следуя Марксу, изображение капиталистического производственного процесса.

Мы видели, что первобытный способ производства основан на общественном, планомерно организованном труде и обусловливает общественную собственность на средства производства. Продукты, правда, распределяются и потому становятся личной собственностью, но лишь постольку, поскольку они составляют предметы потребления для отдельных лиц. В качестве же непосредственного результата общественного труда продукты прежде всего принадлежат обществу.

Этот способ производства вытесняется простым товарным производством, которое ведется частными работниками, действующими независимо друг от друга. Каждый из них производит продукты с помощью своих собственных средств производства, и эти продукты составляют затем, разумеется, его частную собственность.

Но из простого товарного производства развивается капиталистическое товарное производство. Место независимо производящих отдельных работников занимают крупные концентрированные предприятия. Каждое из них производит товары независимо от других, но внутри каждое предприятие организовано как планомерное общественное производство. Так как эти крупные капиталистические предприятия противостоят друг другу как товаропроизводители, то в их взаимных сношениях продолжает господствовать обмен товарами

и остаются в силе отношения собственности, присущие простому товарному производству — частная собственность на средства производства и продукты.

Но тем самым частная собственность превращается в свою противоположность.

При простом товарном производстве частная собственность была следствием и плодом труда. Работник сам был собственником своих средств производства и своих продуктов. Капиталистическое производство разрывает связь между трудом и собственностью. Рабочий уже не является собственником своего продукта. Наоборот, средства производства и продукты принадлежат тем, кто не работает. Превращение производства в общественное производство на капиталистической основе все более превращает тех, кто не трудится, в собственников всего богатства, а рабочих — в неимущих.

Но этим не исчерпывается противоречие между господствующим способом производства и господствующим способом присвоения.

Мы видели, как просто и ясно было организовано производство в эпоху первобытного коммунизма и как им управляло общество по своему желанию и соответственно своим потребностям.

При системе товарного производства общественные производственные условия превращаются в силу, господствующую над отдельным производителем. Последний становится их безвольным рабом, и его положение становится тем более жалким, что новые господа не предписывают ему той или другой работы, не сообщают ему своих потребностей, а предоставляют ему их угадывать.

Производство подпадает теперь под власть законов, независимых от производителей и зачастую действующих против их воли, подобно законам природы. Законы эти осуществляются посредством периодических отклонений от нормального состояния, как например, падения цен, дороговизны и т. д. Впрочем, при господстве простого товарного производства, соответственно низкой производительности раздробленных предприятий отдельных производителей, эти отклонения, поскольку они вызываются причинами общественного характера, имеют мало значения и ограничиваются небольшими районами.

Капиталистический способ производства в огромной степени повышает производительность труда. Он освобождает от оков и дает простор тем производительным силам, которые свойственны общественному, целесообразно организованному труду, заставляющему себе служить силы природы, покоренные наукой. В результате этого периодические отклонения от нормы, посредством которых осуществлялись законы товарного производства и которые прежде приводили лишь к временным и местным затруднениям, легко переносимым, а зачастую и устранимым, теперь стали выражаться в периодических катастрофах, продолжающихся целыми годами, охватывающих целые страны и континенты и производящих ужаснейшие опустошения. Район

и интенсивность этих катастроф растут вместе с капиталистическим производством, и теперь они, повидимому, превратились в хроническую болезнь.

Далее, в эпоху первобытного коммунизма продукт общественного труда принадлежит обществу и распределяется последним между отдельными лицами соответственно общественным потребностям; поэтому доля каждого возрастает вместе с ростом производительности труда.

При господстве товарного производства масса потребительных стоимостей, представляющих определенную стоимость, растет вместе с производительностью труда. При простом товарном производстве продукт труда, как правило, принадлежит работнику. Он может сам потребить его полностью или частью; очевидно, в этом случае количество находящихся в его распоряжении предметов потребления растет в той же мере, как и производительность его труда.

Но он может также обменять продукт своего труда целиком или частью; только небольшая часть продукта становится при простом товарном производстве товаром. За продукт определенного труда, который он выменивает, он получит тем больше потребительных стоимостей, чем выше в общем производительность труда. И здесь рост производительности труда идет целиком на пользу работнику.

При капиталистическом товарном производстве рабочая сила сама является товаром, стоимость которого, как и всякого товара, понижается по мере роста производительности труда. Следовательно, чем больше производительность труда, тем меньшую относительную долю в его выгодах получает рабочий в виде цены рабочей силы. По мере же того, как капиталистический способ производства становится преобладающим, все большая масса населения превращается в наемных рабочих и лишается, следовательно, возможности пользоваться плодами повышенной производительности своего труда.

Все эти противоречия неизбежно порождают конфликты между классом капиталистов и классом рабочих, — конфликты, которые пробуждают классовое самосознание рабочих, толкают их к политической деятельности и вызывают возникновение рабочих партий во всех капиталистических странах. Но все эти обстоятельства порождают также и всевозможные страдания — и не только у рабочего класса, — страдания, которые делают невыносимым существующее положение вещей для все более широких кругов, и не принадлежащих к классу наемных рабочих.

Так все толкает к разрешению противоречия, воплощенного в капиталистическом способе производства,—противоречия между общественным характером труда и отжившей формой присвоения средств производства и продуктов.

Только два пути мыслимы для разрешения этого противоречия. Оба они имеют целью согласовать между собою способ производства и способ присвоения. Один путь — уничтожение общественного характера труда, возврат к простому товарному

производству, замена крупного производства ремеслом и мелким крестьянским хозяйством. Другой путь стремится приспособить не способ производства к способу присвоения, а способ присвоения к способу производства. Этот путь ведет к общественной собственности на средства производства и продукты.

В настоящее время многие стараются повернуть ход развития на первый путь. Они исходят из ошибочного взгляда, будто способ производства можно установить по произволу при помощи юридических предписаний. Буржуазная вульгарная экономия, — прислужница капитала, — осуждает эти попытки там, где она еще не дошла до окончательного упадка.

Сама она, однако, пытается итти подобным же путем. Чтобы доказать полную гармонию между господствующим способом производства и господствующим способом присвоения, она в своих изображениях экономической действительности оставляет в стороне своеобразные и существенные черты современного способа производства и рисует его так, словно бы оно было простым товарным производством. Стоит только прочесть популярные работы вульгарных экономистов. В них товары и теперь обмениваются, как у диких народов. Охотники и рыбаки, свободно пользующиеся лесами и морями, изображаются в качестве наемных рабочих, а лук и стрелы, лодка и рыбачья сеть изображаются в качестве капитала[1].

Этот тип экономистов Маркс подверг в «Капитале» уничтожающей критике, но его работа не ограничивается разоблачением всей пошлости и фальши вульгарной экономии.

---

[1] Иллюзии, которые стараются возбудить эти господа, разрушаются примером колоний, обладающих действенной почвой и заселяемых переселенцами. Там господствует полная свобода рабочего договора, собственность рабочего на свои продукты, т. е. на плоды своего труда, вообще—мы находим там условия, которые наши экономисты выдают за условия капиталистического способа производства. Но странным образом капитал при подобных условиях перестает быть капиталом!

В таких колониях свободная земля имеется в избытке и всем доступна. Всякий работник обычно имеет там возможность вести производство самостоятельно, он не вынужден продавать свою рабочую силу. Вследствие этого всякий предпочитает работать на себя, а не на других. А раз дело обстоит так, то деньги, средства существования, машины и другие средства производства перестают быть капиталом. Они не приносят прибавочной стоимости. Поэтому те самые экономисты, которые в капиталистических странах с таким пафосом кричат о святости собственности и о свободе рабочего договора, требуют, чтобы в молодых колониях, в целях развития там капитала, рабочим не давали земли и чтобы государственная власть содействовала иммиграции, даже за счет ранее поселившихся там рабочих. Иными словами, они требуют насильственного отделения рабочего от средств производства и существования и искусственного создания избыточного рабочего населения, фактически не свободного, а вынужденного продавать свою рабочую силу. А где колонисты находят покорных работников,—особенно отсталой расы,—которым это можно навязать, там открыто вводят принудительный труд и рабство.

«Те самые интересы, которые заставляют экономиста, сикофанта капитала, теоретически обосновывать в метрополии тожество капиталистического способа производства с его собственной противоположностью,—эти же самые интересы побуждают его здесь «to make a clean breast of it» [«очистить свою совесть в этом отношении»] и громко провозгласить противоположность этих способов производства». («Капитал», I, 614.)

Маркса часто называют духом отрицания, который только критиковал и разрушал, но не был в состоянии создать ничего положительного.

Однако уже один очерк процесса капиталистического производства, который дал нам Маркс, показывает, что он на самом деле создал новую экономическую и историческую систему. Критика предшественников составляет только обоснование этой системы.

Нельзя преодолеть старого, не поднявшись самому на новую и более высокую точку зрения. Нельзя критиковать, не приобретя более глубокого познания. Нельзя разрушить какую-либо научную систему, не создав предварительно другой, более всеохватывающей и превосходной системы.

Маркс первый раскрыл фетишистский характер товара. Он первый показал, что капитал — не вещь, а отношение, опосредствованное вещами, он показал, что капитал является исторической категорией. Он первый исследовал законы движения и развития капитала. Он же первый показал, что цели современного социального движения представляют собой естественный и необходимый результат из предыдущего исторического развития, а не образуются произвольно в головах людей в виде требований какой-то «вечной справедливости».

С той точки зрения, на какую поднимает нас Маркс, мы не только видим, что все попытки вульгарных экономистов лживо изобразить современные отношения как патриархальные и простые столь же тщетны, как и попытки превратить патриархальные отношения в современные. Мы видим также, что единственный путь, который остается для дальнейшего развития общества, это — приведение формы присвоения в соответствие со способом производства, переход средств производства в собственность всего общества, полное превращение производства из частного в общественное. А вместе с этим начинается новая эпоха человеческой истории [1].

---

[1] Этот переворот совершается социалистической революцией пролетариата, свергающей господство капитала и устанавливающей диктатуру рабочего класса. Учение о диктатуре рабочего класса — главное в марксизме. Экономическое учение Маркса является наиболее глубоким и всесторонним обоснованием необходимости пролетарской революции и диктатуры рабочего класса. Всем ходом капиталистического развития пролетариат подготовляется к выполнению своей исторической миссии могильщика капитализма и созидателя нового, высшего, социалистического общества. По мере развития капитализма «растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производства». («Капитал», I, 613.) Раскрывая историческую тенденцию капиталистического накопления, Маркс писал: «Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют». («Капитал», I, 613.) Гениально предвиденная Марксом социалистическая революция победила в 1917 г. в СССР. Диктатура рабочего класса, руководимая великой партией Ленина—Сталина, привела нашу страну к социализму — первой фазе коммунизма. — Ред.

Место анархического товарного производства занимает планомерная и сознательная организация общественного производства. Господству продукта над производителем наступает конец. Человек, ставший во все большей степени господином над силами природы, тогда станет также господином общественного развития. «И только тогда люди начнут вполне сознательно сами создавать свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все возрастающей степени желаемые действия. И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы». (Энгельс, «Анти-Дюринг», стр. 204.)

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От издательства 3

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ КАРЛА МАРКСА

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ТОВАР, ДЕНЬГИ, КАПИТАЛ

Глава первая. Товар 9

1. Характерное отличие товарного производства 9
2. Стоимость 16
3. Меновая стоимость 24
4. Обмен товаров 27

Глава вторая. Деньги 29

1. Цена 29
2. Продажа и покупка 33
3. Обращение денег 35
4. Монета. Бумажные деньги 36
5. Прочие функции денег 38

Глава третья. Превращение денег в капитал 41

1. Что такое капитал 41
2. Источник прибавочной стоимости 44
3. Рабочая сила как товар 47

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

Глава первая. Процесс производства 51

Глава вторая. Роль капитала в образовании стоимости 56

Глава третья. Степень эксплоатации рабочей силы 60

Глава четвертая. Прибавочная стоимость и прибыль 64

Глава пятая. Рабочий день 77

Глава шестая. Прибавочная стоимость мелкого хозяина и прибавочная стоимость капиталиста 86

Стр.

Глава седьмая. **Относительная прибавочная стоимость** 89

Глава восьмая. **Кооперация** 92

Глава девятая. **Разделение труда и мануфактура** 97

1. Двоякое происхождение мануфактуры. Ее элементы: частичный рабочий и его орудие 97
2. Две основные формы мануфактуры 99

Глава десятая. **Машины и крупная промышленность** 103

1. Развитие машины 103
2. Перенесение стоимости машин на продукт 109
3. Ближайшие действия машинного производства на рабочего . . 111
4. Машина как «воспитательница» рабочего 117
5. Машина и рынок труда 121
6. Машина как революционизирующий фактор 126

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПРИБЫЛЬ НА КАПИТАЛ

Глава первая. **Заработная плата** 132

1. Изменения в величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости 132
2. Превращение цены рабочей силы в заработную плату 135
3. Повременная плата 137
4. Поштучная плата 139
5. Национальные различия в заработной плате 141

Глава вторая. **Доход с капитала** 143

Глава третья. **Простое воспроизводство** 145

Глава четвертая. **Превращение прибавочной стоимости в капитал** 148

1. Как прибавочная стоимость становится капиталом 148
2. Воздержание капиталиста 150
3. Воздержание рабочего и другие обстоятельства, влияющие на размер накопления 152

Глава пятая. **Перенаселение** 154

1. «Железный закон заработной платы» 154
2. Промышленная резервная армия 157

Глава шестая. **Заря капиталистического способа производства** . . 166

Глава седьмая. **Конец капиталистического способа производства** . . 172

Под наблюдением редактора *Т. Пашиной.*

Технический редактор *М. Пиотрович.*

Корректора *В. Высоцкая и Р. Френкель.*

Сдано в набор 13/VII 1933 г. Подписано в печать 10/XI 1933 г. Государственное издательство политической литературы № 325. Формат $60 \times 92^{1}/_{16}$. $11^{1}/_{4}$ п. л. 50 000 зн. в п. листе. Уполн. Главлита № Б-41130. Заказ № 2562. Тираж 200 000. Цена 1 р. Переплет 50 к.

Отпечатано с набора типографии «Рабочая Москва» на 3-й фабрике книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

24